

ЛУЧШИЙ ИЗ АВТОРОВ СОВРЕМЕННЫХ ТРИЛЛЕРОВ.

ROCKY MOUNTAIN NEWS

СТИВЕН ХАНТЕР

ЭТО КРОВАВАЯ, ЖЕСТКАЯ,
СВАРЕННАЯ ВКРУТУЮ ЛИТЕРАТУРА
В ЕЕ ЛУЧШЕМ ВИДЕ.

AMAZON.COM REVIEW

ЖАРКИМ КРОВАВЫМ ЛЕТОМ

Эрл Свэггер

Стивен Хантер

Жарким кровавым летом

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хантер С.

Жарким кровавым летом / С. Хантер — «Азбука-Аттикус»,
2000 — (Эрл Свэггер)

ISBN 978-5-389-22113-0

Герой Второй мировой войны морской пехотинец Эрл Свэггер возвращается домой к мирной жизни. Ему делают заманчивое предложение: стать одним из лидеров спецотряда, набранного из молодых полицейских и призванного навести порядок в Хот-Спрингсе, небольшом провинциальном городке, где правит балом местная мафия. Все вроде бы складывается удачно, однако после очередного рейда руководство отряда вынуждено расстаться с Френчи Шортом – самым способным в отряде, но честолюбивым и не желающим подчиняться приказам. Желая отомстить, Френчи рассказывает мафии о спецотряде. В результате отряд разгромлен, живыми остаются лишь трое, включая Свэггера. Эрла снимают с должности и приказывают покинуть город. Но не такой он человек, чтобы опустить руки и не отомстить за гибель товарищей.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-22113-0

© Хантер С., 2000
© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	47
Часть 2	51
Глава 9	51
Глава 10	61
Глава 11	64
Глава 12	72
Глава 13	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Стивен Хантер

Жарким кровавым летом

Моим братьям Энди и Тимуи, моей сестре Джули, которые уже знают эту историю, а также моим детям Джейку и Эми и детям Джули, Ханне и Саре, которым только предстоит прочитать о ней

*Моя страна! Америка! Вот что это такое!
Оди Мерфи. В ад и обратно*

Stephen Hunter
HOT SPRINGS
Copyright © 2000 by Stephen Hunter
All rights reserved

Перевод с английского Андрея Гришина

© А. В. Гришин, перевод, 2005
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Часть 1

Влажная жара

Глава 1

Отец Эрла был настоящим шеголем.

Каждое утро он тщательно брился прекрасно направленной бритвой, застегивал пуговицы чистойшей, накрахмаленной до хруста белой сорочки и завязывал черный галстук-бабочку. После этого накидывал на плечи подтяжки, надевал черный пиджак (у него было семь воскресных костюмов, и каждый день своей сознательной жизни, невзирая на погоду, он натягивал на себя один из тяжелых костюмов плотной шерсти, выписанных по каталогу «Сирс и Робак»), клал в карман коротенькую дубинку, налитую свинцом, прицеплял кобуру с «Кольтом-миротворцем» и значок, засовывал под манжет левой руки «оружие Иисуса», надевал на голову широкополый черный «стетсон» и отправлялся выполнять обязанности шерифа округа Полк, штат Арканзас.

Но сейчас Эрл вспомнил именно о галстукке. Отец гордился своими галстуками и мастерски завязывал их: узлы его бабочек всегда были квадратными, петли банта – идеально симметричными, а концы – совершенно одинаковой длины. «Нужно всегда выглядеть наилучшим образом, – не раз и не два говорил он сыну с той строгостью, которая характеризовала его отношение к жизни. – Старайся всегда выглядеть лучше всех и делать все лучше всех. Никогда не отступай. Никогда не пускай все на самотек. Живи, как велит Библия. Этого хочет Бог. Это все, что от тебя требуется».

Поэтому одной из тех бесполезных вещей, в которых Эрл так прекрасно разбирался, – например, как прочистить забитый вулканической пылью пулемет «Браунинг А-3» почти на глазах у заседающих японцев, – было умение правильно повязать галстук-бабочку.

Бабочка, которую он сейчас видел перед собой на шее шеголеватого низкорослого человека в двубортном кремовом костюме, была завязана идеально. Сразу становилось ясно, что ее завязывал человек, любящий хорошо одеваться, знающий толк в одежде и получающий удовольствие от ношения своей одежды. Костюм сидел превосходно – между воротником и розовой шеей, равно как между накрахмаленной белой сорочкой и лацканами кремового костюма, не было ни малейшего зазора. Это был энергичный дружелюбный коротышка с маленькими розовыми ручками и свойскими манерами, знакомыми Эрлу с детства: так держат себя фермеры, парикмахеры, аптекари или менеджеры продовольственных магазинов – дружелюбно, но сдержанно, открыто от сих до сих и ни на шаг дальше.

– Знаете, – сказал Гарри Трумэн Эрлу, который смотрел вовсе не в излучавшие силу глаза этого человека, прятаясь за очками без оправы, а на безупречно завязанный узел бабочки, две идеально соразмерные петли по обе стороны от него и один свободный конец плотной шелковой ленты бордового цвета, испещренной мелкими синими точками, – я говорил это много раз и готов повторять снова и снова. Я согласился бы променять свой высокий пост на ту почетную награду, которую вручаю вам. Вы, парни, заставили нас гордиться тем, что сделали. Вы были лучшими из лучших и, ей-богу, никогда не подведете нас и впредь. Страна будет в долгу перед вами, доколе она существует.

Эрлу не дали заранее никакого совета насчет того, что отвечать на эти слова, а сам он не смог придумать ничего вразумительного. Умение вести светские разговоры не входило в число его сильных сторон. Вдобавок он был изрядно навеселе после доброй трети пинты бурбона «Бун каунти», уже успевшего разойтись по всем закоулкам его организма, отчего Эрл

несколько смазанно воспринимал события, в центре которых оказался. Он успешно справился с легким пошатыванием, причиной которого было виски, сглотнул слюну и постарался напрячь волю, чтобы еще некоторое время оставаться прямым, как шомпол, и сохранять концентрацию. Никто не заметит, как его развезло, если он будет держать рот закрытым и не выдыхать пары виски. Голова болела. Раны болели. И еще у него было дурацкое предчувствие, что он вот-вот расплывется в улыбке.

– Да, сэр, первый сержант Свэггер, – продолжил президент, – вы – один из лучших людей, которых когда-либо рождала эта страна.

Президент на мгновение зажмурил глаза, словно смаргивал самую настоящую слезу. После этого он взял из коробочки, которую держал неподвижно стоявший чуть в стороне подполковник, золотую звезду и шагнул вперед, одновременно разворачивая ленту. Поскольку президент был мелковат по сравнению с шестифутовым Эрлом, ему пришлось чуть ли не встать на цыпочки, чтобы надеть голубую ленту на бычью шею сержанта.

Почетная медаль¹, висевшая на ленте, прикрепленной к темно-синему парадному кителю морского пехотинца, оказалась рядом с орденами и медалями, полностью закрывавшими левую сторону груди: пять Бронзовых звезд, Военно-морской крест, знаки об упоминании воинской части в приказах Верховного главнокомандующего и медаль «За отличную службу». На каждом рукаве ниже локтя красовалось по три нашивки, говорившие о сроке его службы. Ярко сверкнула фотовспышка; от ее неожиданного блеска Эрл даже чуть-чуть растерялся, и почему-то в его памяти мелькнуло воспоминание о трассирующих пулях азиатов, которые оставляли в полете бело-голубой след, в отличие от американских трассирующих пуль, оставлявших красный след.

Потом инициатива перешла к капитану морской пехоты, который прибавил церемонии торжественности, зачитав выдержку из постановления конгресса: «За несравненную отвагу, далеко выходящую за пределы требований служебного долга, первый сержант Эрл Ли Свэггер, рота «А» Первого батальона Двадцать восьмого полка пятой дивизии морской пехоты, награждается Почетной медалью за боевые действия на острове Иводзима, Д плюс три, на Чарли-дог-ридж 22 февраля 1945 года».

За спиной президента стояли Смит по прозвищу Воющий Безумец и Гарри Шмидт, два генерала морской пехоты, которые руководили сражениями на Иводземе, затем министр ВМС Джеймс Форрестол и рядом с ним – Джун, жена Эрла, очаровательная, хотя и немного бледная, в цветастом платье, как всегда, красивая, но слегка расстроенная всем происходящим. Не потому, что ее окружали такие великие люди: она боялась того, что до сих пор прозревала в сердце своего мужа.

Президент схватил Эрла за руку и легонько потряс, и непосредственно за этим действием в Картографическом кабинете (так назывался этот зал, хотя в нем не было видно никаких карт – лишь множество предметов старинной мебели, как и в доме отца Эрла) раздались вежливые, не слишком энергичные аплодисменты. Эхом отразившись от стен и картин, они заполнили все помещение, похожее на музей. Дело происходило 30 июля 1946 года. Война закончилась около года назад. Эрл больше не был морским пехотинцем. Его колено почти не работало, а левое запястье все время болело: оба сустава были сильно повреждены вражескими пулями. В теле все еще сидело около тридцати кусков металла. На заднице имелся огромный шрам, похожий на трещину в штукатурке, – память о Гуадалканале. Еще один большой шрам красовался на груди, чуть повыше левого соска, – его он заработал во время высадки на Тараве, преодолевая широкую полосу прибой под шквальным огнем японцев. Последнее время Эрл работал брига-

¹ Почетная медаль – высшая военная награда США, присуждаемая за особые заслуги. Вручается президентом от имени конгресса.

диром на лесопилке неподалеку от Форт-Смита. Рано или поздно ему предстояло лишиться кисти, а то и целой руки. Так случалось со всеми.

– Так каким вы видите свое будущее, первый сержант? – спросил президент. – Надеюсь, намереваетесь остаться в корпусе морской пехоты?

– Нет, сэр. Слишком много ранений. Левая рука почти не работает.

– Проклятье, до чего же неприятно расставаться с таким замечательным человеком, как вы. Но как бы то ни было, для вас открыты любые пути. Наша страна быстро воспрянет, вот увидите. Как говорится, все еще впереди, а Бог не выдаст. Теперь мы входим в пору нашего величия, и я знаю, что вам найдется достойное место. Вы достаточно навоевались.

– Да, сэр, – ответил Эрл.

Вежливость не позволяла возражать человеку, которым он безмерно восхищался, человеку, спалившему дотла японские города Хиросиму и Нагасаки и спасшему тем самым жизни сотен тысяч американских парней.

И все же он не был согласен с президентом. Он не мог вернуться к учебе, пользуясь так называемым Законом о военнослужащих. Не мог, и все тут. Он не мог заниматься работой, связанной с продажей или необходимостью убеждать кого-либо в чем-либо. Он не мог обучать, потому что молодежь была так глупа, а у него не осталось никакого терпения, совершенно никакого. Он не мог работать на человека, который не побывал на войне. Он не мог стать полицейским, потому что полицейские были похожи на его отца: задиры с дубинками, только и знающие, что орать. Мир, такой заманчивый и добрый для множества людей, похоже, не позаботился оставить места лично для него.

– Между прочим, – сказал президент, понизив голос и подавшись вперед, – этот бурбон, который вы пили, на мой вкус, пахнет просто замечательно. Я не собираюсь укорять вас. Слишком много идиотов вокруг, чтобы прожить день, не сделав глоток-другой. Должен вам признаться, что это всемирная столица идиотов. Если бы я только мог, если бы я не был должен заседать со всякими комитетами и тому подобным, я сказал бы вам: «Пойдемте ко мне в кабинет, прихватите с собой вашу пинту, и посидим за бутылочкой!»

Президент еще раз пожал Эрлу руку и устремил на него голубые глаза, полные такой силы и проницательности, что казалось, он мог видеть сквозь закрытые двери. Но в следующий момент между ними волшебным образом очутилось сразу несколько человек, и президент уже шагнул в одну сторону, а Эрл – в другую. Эрл даже не видел, кто направлял его движение сквозь собравшуюся в зале толпу, но вскоре оказался перед двумя генералами с таким твердым выражением на лице и взглядом, что их с трудом можно было отнести к представителям рода человеческого.

– Свэггер, мы гордимся вами, – сказал один из них.

– Первый сержант, вы были чертовски хорошим морским пехотинцем, – заявил другой. – Вы были трижды чертовски хорошим морским пехотинцем, и если бы я только мог, то сейчас же переписал бы ваши бумаги и оставил бы вас здесь. Здесь вам самое место. Здесь ваш дом.

Это был Смит – его часто называли «мясником» или «мясорубкой», но он тем не менее сумел разрушить Японскую империю, завалив ее телами морских пехотинцев: другого способа просто не было.

– Спасибо, сэр, – ответил Эрл. – Дело-то в чем: это же мне за всех тех парней, которые не смогли вернуться.

– Носите ее гордо, первый сержант, – скомандовал старик Шмидт. – Ради них.

Затем Эрла снова волшебным образом отнесло прочь, и вскоре он, наподобие пакета, дошедшего до конца ленты конвейера, оказался выброшенным в небытие. Оглянувшись, он увидел, что Джун стоит одна-одинешенька.

Джун была ослепительно хороша, хотя и слегка напугана всей этой процедурой. Она училась на младшем курсе Юго-Восточного учительского колледжа штата Миссури в Кейп-Джи-

рардо, а он был мастер-сержантом морской пехоты, с ног до головы увешанным побрякушками и прибывшим в отпуск перед началом вторжения на внутренние японские острова. Она была красивой девушкой, а он – красивым мужчиной. Они встретились в Форт-Смите на танцах, устраиваемых Объединенной службой организации досуга войск, и поженились в конце той же недели. У них было четыре дня безумной любви, а потом он возвратился на войну, убил еще около сотни японцев, был дважды ранен, проводил на тот свет множество друзей и знакомых и вернулся домой.

– Как дела? – спросил он.

– О, все прекрасно, – ответила она. – Я вовсе не хочу, чтобы кто-то обращал на меня внимание. Это день героя, а не жены героя.

– Я же говорил тебе, Джуни, никакой я не герой. Просто везучий сукин сын, которому посчастливилось не угодить под снаряд, убивший десяток других парней. Сегодня мне дают медаль за везение, только и всего.

– Эрл, ведь ты же герой. Ты должен этим гордиться.

– Знаешь, что я тебе скажу? Все эти люди ничегошеньки не понимают. Они не знают, как все это было. То, как они себе это представляют, и то, за что они дали мне эту штуку, не имеет никакого отношения к тому, что было.

– Ты только не расстраивайся снова.

Среди многих серьезных проблем, которые имелись у Эрла, одна заключалась в том, что у него и у остального мира были диаметрально противоположные взгляды на то, что считать правильным. Из-за этого у него то и дело случались неприятности. С войны вернулось не так уж много солдат, а поскольку Эрл был большим героем, каждый встречный стремился остановить его, сказать, что он великий человек, и изложить свое мнение по поводу войны.

Он вежливо выслушивал непрошенных собеседников, но каждый раз в его груди закипал гнев. В конце концов он переставал владеть собой, из-за чего произошло несколько весьма неприятных инцидентов.

– Нельзя же все время так сходить с ума, – сказала Джун.

– Да знаю я, знаю. Послушай, похоже, япошки все-таки выиграли войну, судя по тому, что со мной творится. Когда же вся эта пакость закончится?

Эрл привычно шагнул за спину Джун и, используя ее как прикрытие, сунул руку под китель чуть ниже поясного ремня, туда, где его отец носил дубинку, которой колотил по башке непослушных черномазых и дрянных белых парней, и где сам он носил флягу бурбона «Бун каунти», чтобы подавлять непослушные мысли.

Он легко извлек ее, отвинтил крышку и поднес горлышко к губам, проделав все это с тем стремительным изяществом, которое позволяло ему, почти не целясь, без промаха попадать с двухсот ярдов по бегущим живым мишеням из простого «Гаранда», положенного рядовому первого класса.

Бурбон оглушил его, словно упавшая с крыши куча кирпичей. Эрл почувствовал прямо-таки физическое наслаждение: все расплылось у него перед глазами, а то, что терзало душу, показалось более терпимым.

– Эрл, – сказала ему жена, – ты нарвешься на неприятности.

«Да кому какое дело?» – подумал он.

Рядом с ними вдруг возник совсем молоденький – даже без следов щетины на подбородке – капитан морской пехоты.

– Первый сержант, – негромко проговорил он, – примерно через пять минут автомобиль отвезет вас в отель. У вас будет пара часов, чтобы сложить вещи и поесть. «Рок-Айленд» отходит с Юнион-стэйшн в двадцать ноль-ноль. Купе для вас забронировано, но вы должны быть в поезде к девятнадцати сорока пяти. Автомобиль за вами и вашим багажом подадут к девятнадцати ноль-ноль. Вас это устраивает?

– Да, сэр, – ответил Эрл этому серьезному ребенку.

Мальчишка поспешно отошел.

– Пожалуй, они могли бы приставить к тебе кого-нибудь из ветеранов, – заметила Джун. – Я имею в виду, после всего, что ты для них сделал.

– Все в порядке. Это же просто ребенок. Он не хотел меня обидеть.

Этот молодой человек напомнил ему о многих, слишком многих юнцах, которые служили под его началом и не вернулись домой – или вернулись настолько непохожими на себя, настолько изломанными и изуродованными, что им было бы лучше вовсе не возвращаться.

– Ты должен чувствовать себя счастливым, Эрл. Но я вижу, что ты несчастлив.

– Со мной все в порядке, – ответил он, ощутив внезапную потребность ошарашить себя еще одним здоровенным глотком бурбона. – Просто мне нужно заглянуть в туалет. Как по-твоему, в таком роскошном месте найдется туалет?

– О Эрл, конечно же. Нельзя жить без этого!

Около двери стоял слуга-негр. Эрл обратился к нему и был направлен в противоположный конец зала. Он нашел нужную дверь, захлопнул ее за собой и защелкнул задвижку.

Вообще-то, туалет был ему совершенно не нужен, так что он расстегнул китель, извлек бутылку и сделал огромный глоток. Огонь опалил его нутро, – казалось, послышался даже грохот, с которым бурбон лился по пищеводу, – и Эрл снова почувствовал, как спиртное со всей силой ударило в голову. Еще глоток, и бутылка опустела. Проклятье!

Он взял полотенце, смочил его холодной водой и вытер лоб, отчего засевшая там боль отступила, хотя и не ушла совсем. Когда он вешал полотенце, боль уже вернулась. Пустую флягу он положил в мусорную корзину.

Затем он засунул руку под полу и извлек свой автоматический пистолет сорок пятого калибра.

Это оружие было при нем на Иводзиме, а до того – на Тараве, на Гуадалканале, на Сайпане, на Тиниане. Из него Эрлу тоже доводилось убивать, хотя из «Томми»² он застрелил куда больше народу. Однако эта увесистая штука на поясном ремне помогала ему сохранить рассудок. Оружие для него было не носителем смерти, а, напротив, частью жизни. Без оружия человек оказывался беспомощным и беззащитным.

Пистолет, гладкий, с коричневыми пластмассовыми накладками на рукояти и небольшой выпуклой мушкой, был заряжен. Привычным движением Эрл взвел курок и услышал щелчок. Он посмотрел на себя в зеркало: герой, морской пехотинец с медалью на шее, полный любви к своей стране, с любящей женой, с широчайшими перспективами, которые открывает перед ним восхитительная эпоха, вторая половина сороковых годов!

Он приложил дуло пистолета к виску и погладил спусковой крючок указательным пальцем. Так мало нужно, чтобы присоединиться к тем единственным людям, которые были для него важны, к которым он мог испытывать любовь. Большинство давно уже покоилось под крестами на разных дерьмовых островах – о них раньше никогда не слышали и скоро снова забудут.

– Эрл, – донесся из-за двери голос Джун. – Эрл, машина уже пришла. Поторопись, нам пора.

Эрл осторожно спустил курок пистолета с боевого взвода, засунул оружие за пояс, застегнулся, оправил китель, чтобы не было ни единой складочки, и открыл дверь.

² «Томми» – пистолет-пулемет Томпсона.

Глава 2

Они вышли к автомобилю из западного портика Белого дома.

– Это ваша последняя официальная церемония в качестве морского пехотинца Соединенных Штатов, – сказал молодой капитан, похожий на хорошо воспитанного ребенка. – Вам есть чем гордиться. Ваши достижения огромны. Я отдаю вам честь, первый сержант. Не салютуйте мне в ответ.

– Сынок, не тревожься об этом, – ответил Эрл. – Если я хоть немного знаю жизнь, у тебя еще будет шанс.

Они подошли к машине, оливково-серому «форду», за рулем которого сидел рядовой первого класса в парадной форме морской пехоты.

Капитан открыл дверь перед Эрлом и Джун.

Внезапно Эрл ощутил, как на него нахлынуло новое мощное чувство. Когда он сел в автомобиль и дверь за ним захлопнулась, ему показалось, будто что-то ушло от него навсегда, а именно отошедшая в прошлое часть его жизни. Начинаясь новая жизнь, и куда она его заведет, он понятия не имел. Он не относился к числу людей, не знающих, что такое страх, – он испытывал почти непрерывный страх на протяжении трех лет, проведенных на Тихом океане, – но страх, который он чувствовал сейчас, был совсем другим. Это был не тот страх, который угрожал внезапно сломить тебя, вызвать у тебя панику и погубить и тебя самого, и твоих людей, – такой порой подступал к сердцу во время интенсивного обстрела. Этот страх был куда глубже, он гнезвился в костях или даже в душе. Страх того, что вся жизнь оказалась тщетной. Он подступал к нему исподволь и уже очень давно.

Эрл покачал головой. Атмосфера здесь была гнетущей, почти такой же, как на островах. Слева возвышался Белый дом – огромный свадебный торт; с остальных сторон раскинулись лужайки с редкими деревьями, листья на которых пожухли от жары. За воротами черные флотилии автомобилей плыли по Пенсильвания-авеню.

Эрл обеими руками обнял Джун, с силой прижал ее к себе и крепко поцеловал.

– Я люблю тебя, – сказал он. – Я действительно тебя люблю. Ты – лучшее из всей той чертовщины, которая когда-либо случалась со мной.

Жена удивленно взглянула на него; помада у нее на губах размазалась.

– Я не могу ехать назад, – сказал он. – Просто не могу. Не сейчас. Я чувствую себя не очень хорошо. Скажи этому парню. Увидимся в отеле вечером, перед отъездом на вокзал.

– Эрл, ты опять будешь пить.

– Да не волнуйся ты ни о чем! – воскликнул он с деланой жизнерадостностью. – Я обо всем позабочусь.

Если на ее лице и отразилась боль, он не стал задерживаться, чтобы заметить это. Он повернулся, опустил голову, снял медаль, скомкал ленточку и положил медаль в карман. Затем он вышел из машины, повернул налево и через несколько секунд смешался с толпой безымянных американцев, спешивших на исходе дня по раскаленным улицам Вашингтона.

«КРАСНЫЕ УБИЛИ 4 МОРСКИХ ПЕХОТИНЦЕВ В КИТАЕ!» – кричал заголовок в «Стар».

Никому не было дела.

«МНОГИЕ МИЛЛИОНЫ РАСХИЩЕНЫ ПРИ ВОЕННЫХ АФЕРАХ!» – орала «Таймс геральд».

Никто не обращал внимания.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ ОПУСТИЛИСЬ НА ДВА ПУНКТА», – паниковала «Дэйли ньюс».

«БЮРО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН РАЗРЕШИЛО ПРИБАВИТЬ 11 %», – успокаивала «Пост».

Эрл протискивался через все это, мимо безымянных мужчин в мягких соломенных шляпах и коричневых костюмах и женщин в цветастых платьях, тоже прятавших головы под широкополыми шляпами. Каждый встречный казался ему невозможно пестрым. За годы, проведенные в корпусе морской пехоты, он привык к тому, что мир в основном одноцветен: хаки разных оттенков, и все тут. Но Америка уже пробуждалась от затянувшегося периода военных ограничений: витрины внезапно заполнились товарами, снова можно было свободно покупать бензин, на лицах женщин стала мало-помалу появляться косметика, а мужчины начали носить веселые желтые галстуки с белыми сорочками, будто желали сообщить о приходе весенней поры, обещающей новые надежды.

Медали на груди темно-синего парадного кителя Эрла не привлекали никакого внимания; военная форма успела намозолить всем глаза, да и медали мало что значили. Здесь вдоволь насмотрелись на героев. Многие из прохожих сами были героями. Он стал таким же безликим и безымянным: еще один никому не известный человек шагает по Коннектикут-авеню, направляясь неведомо куда. Вскоре он оказался на открытом месте – на Фаррагут-сквер с ее деревьями, скамейками и строгим адмиралом, глядящим на Белый дом. На прославленном флотоводце копошились голуби и гадили на его плечи и голову, а на скамейках сидели молодые мужчины и женщины, беседовавшие о любви и больших надеждах на будущее.

Вдруг до парка долетел басовитый гул, люди задрали головы и стали тыкать пальцами в небо.

– Смотрите, реактивные самолеты!

Высоко вверх с юго-запада на северо-восток летело звено чудесных самолетов; за каждым из четырех тянулся белый инверсионный след, обтекаемые серебряные фюзеляжи ослепительно сверкали в солнечных лучах.

Эрл понятия не имел, какого они типа, но решил, что окрашивать самолеты в серебристый цвет смешно. На Тихом океане япошки в секунду засекли бы такую блестящую птичку, а еще через секунду сбили бы. Там на самолетах малевали зеленые и коричневые пятна или делали их светло-синими, под цвет морской волны, не желая, чтобы враги заметили тебя раньше, чем ты увидишь их. Да и ничего чудесного в них не было – обычные, изрядно потрепаннные боевые машины, которых к тому же всегда не хватало. Но эта четверка непонятных аппаратов мчалась вверх, подобно стрелам, волокла за собой стену звука и тянула Америку к чему-то новому. Говорили, что скоро они будут летать быстрее звука.

– Могу поспорить на что хотите, вы сейчас жалеете, что этих птичек не было с вами в Берлине, – улыбнувшись, сказал ему какой-то лысый парень. – То-то они прижгли бы задницу Гитлеру, верно, сержант?

– Верно, – согласился Эрл.

Он пошел дальше; грохот реактивных самолетов все еще отдавался в ушах. Вокруг него снова сомкнулись городские стены, и следующим экспонатом паноптикума гражданской жизни оказалось нечто, выставленное в возникшей прямо перед ним витрине, возле которой собралась плотная толпа. Это было очень похоже на кино, только его показывали на круглом экране, вделанном в ящик чуть побольше массивного радиоприемника. На серо-голубом фоне всячески выламывалась марионетка.

– Вы только посмотрите, сэр, – сказала негритянская женщина в большой старомодной шляпе с розами и вуалью. – Это называется «телевидение». Радио с картинками.

– Разве это не чудо? – отозвался Эрл.

– Да, сэр, – согласилась негритянка. – Говорят, такие будут у всех, и мы сможем смотреть кинофильмы, не выходя из дома. Больше не нужно ходить в кино. Сиди дома и смотри картину.

И спорт тоже будут показывать. Знаете, бейсбол и все прочее. Хотя, честно скажу, не понимаю, кому захочется смотреть игру «Сенаторов», сидя дома.

– Что ж, мэм, – сказал Эрл, – президент сам сказал мне, что теперь все будет лучше и лучше.

– Ну, может быть, и так. Жаль только, моего Билли не будет здесь, чтобы посмотреть на все это.

– Сочувствую вам, мэм. Война?

– Да, сэр. Где-то в Италии. Он вовсе не был героем вроде вас, не получил никаких медалей. Простой санитар в госпитале. Но его все равно убили. Мне сказали, что это была мина, зарытая в землю.

– Мне очень жаль, мэм.

– Надеюсь, вы порядком уложили этих немцев.

– Нет, мэм, я воевал с японцами, и мне довелось убить нескольких.

– Это все равно, – горько проговорила женщина, выдавила кривую улыбку и ушла.

А смерть Билли на далекой неаполитанской дороге осталась с Эрлом. Билли сделался еще одной частью большого приключения, одним из сотен тысяч погибших. Ну и кому до этого хоть какое-то дело теперь, когда вокруг реактивные самолеты и телевидение? Все это ушло в прошлое.

«Выкинь это из головы», – сказал себе Эрл.

Он опять слишком расчувствовался. Нужно было выпить.

Он пошел дальше и вскоре увидел лестницу, уходящую вниз, в полутемный бар. Там было почти пусто. Эрл пробрался в самый дальний угол и сел, с удовольствием вдыхая прохладный воздух.

Гремел музыкальный автомат.

Звучала веселая песня о поездке в Атчисон, Топику и Санта-Фе. Эта чертова баба пела так, словно готова была лопнуть от удовольствия. О поездке на поезде. Долгой веселой поездке на старинном поезде.

Обратно в Огайо – там я родился. Я много мечтал и по свету шлялся, Но даже не чаял дожить я до дня, Когда в Санта-Фе поезд умчит меня.

Все поезда, которые он помнил, везли его лишь на войну, а то и куда похуже. Пока что у него оставалось еще несколько часов, прежде чем он сядет в поезд и поедет... черт знает куда!

– Что будете пить, сержант? Выбирайте что хотите, оно ваше. Одна выпивка за мой счет в честь корпуса морской пехоты США. Там из моего сына сделали человека. Убили, но сделали мужчиной.

Это был бармен.

– Сочувствую вашей потере, – сказал Эрл, ощутив рядом с собой еще одного мертвеца.

– Не стоит. Единственным хорошим поступком за всю его жизнь был бой с япошками на Окинаве. Вы там были?

– Нет, туда не попал.

– Что ж, он был плохим сыном, но в его жизни был один хороший день, когда он не побежал от проклятых япошек. Морские пехотинцы научили его смелости. А мне так и не удалось. Боже, благослови морских пехотинцев. Так что будете пить?

– У вас есть «Бун каунти»?

– Первый раз слышу о таком.

– Наверное, это арканзасское пойло. Ладно, тогда попробую вон тот «Джим Бим». Совсем чуть-чуть воды. И немного льда.

– Чу-чу-ч-буги... – пропел бармен, затем быстро смешал и подал напиток. – Вот и ваш поезд, точно по расписанию.

Эрл сразу сделал большой глоток. Выпивка, как обычно, смяла мысли и чувства, приглушила страхи и разогнало сомнения. Теперь он снова чувствовал себя равным всему остальному миру.

– Нет, он был совершенно никчемным, – продолжил бармен. – Сам не знаю, почему он вырос таким трусом. Я его учил-учил, а он только и знал, что удирать и прятаться. Как он смог там...

– Мистер, – сказал Эрл, – я очень ценю ваше угощение. Но если вы скажете еще хоть одно худое слово о морских пехотинцах, которые дрались и стояли насмерть на Окинаве, я перепрыгну через стойку и заставлю вас сожрать сначала все стаканы, потом стойку, а на закуску – табуретки.

Бармен, очень крупный мужчина, взглянул на Эрла, увидел в его глазах темную пелену – признак готовности к любому насилию – и проглотил ответ, просившийся на язык. Эрл тоже был крупным мужчиной, с кожей, выдубленной за годы тяжелой службы под тихоокеанским солнцем. Он был мрачен, под глазами темнели одутловатые мешки, появившиеся из-за военных треволнений, но нельзя было не заметить его бычью шею и свойственный хорошим сержантам взгляд, который пронзает человека насквозь и может легко пригвоздить его к стене. Черные как смоль волосы были коротко подстрижены и торчали на черепе, словно зубцы колючей проволоки. Под кителем на поджаром теле – глядя на него, нельзя было даже предположить, что оно пробито многими пулями и осколками, – играли мускулы. На кулаках выделялись рельефные вены. И хотя его голос не перекрывал гул разговоров немногочисленных завсегдатаев и уж подавно не ревел, как динамик автомата, певшего про Санта-Фе, в нем слышалось нечто, внушавшее немалый страх. Когда Эрл говорил таким тоном, никто не мог его послушаться, и бармен тоже не посмел возразить. Он хорошо понимал, что если этот посетитель выйдет из себя, могут произойти страшные вещи.

Поэтому бармен предпочел немного отстраниться.

– Смотрите, вот вам двадцатка, – сказал Эрл, вынимая последнюю крупную банкноту. – Поставьте на стойку бутылку и отправляйтесь к другим посетителям. Можете сколько угодно рассказывать им, каким плохим был ваш сын. А мне – не смейте.

Бутылка тут же появилась; бармен исчез.

Эрл занялся бутылкой, а бутылка занялась Эрлом. Когда количество жидкости убавилось на треть, Эрл почувствовал себя счастливым: он начисто забыл, кем, где и когда был и почему там оказался. Но, добравшись до половины бутылки, он снова все вспомнил.

«Чу-чу-ч-буги», – автомат завел новую песню, и ритмы ее были исполнены такой радости и надежды, что Эрл содрогнулся.

Я просто люблю Ритм «кликети-клэк». Скажи мне скорей, Где станция, Джек.

И снова поезда. О поездах он помнил только одно: они подвозили его к пароходам, а потом пароходы везли его через море.

Он помнил Гуадалканал, помнил, как дело дошло до рукопашной – он и его зеленые мальчишки дрались с япошками на гребне горы, дрались ножами и саперными лопатками, прикладами винтовок и камнями. У них не было боеприпасов, потому что самолеты не прилетали уже несколько недель. Японцы сражались как сумасшедшие: они кидались на приступ раз за разом, волна за волной, зная, что у морских пехотинцев плохо с боеприпасами, и, не жалея, отдавали свои жизни, чтобы враги истратили патроны, пока патроны действительно не иссякли. А потом наступило время рукопашной, побоища столь жестокого, что ты или погибал, или едва не терял рассудок при виде трупов людей, головы которых ты расколлот, из чьих животов выпустил кишки, которых забил насмерть. Глядя вокруг, ты видел соратников, тоже оказавшихся на грани душевного краха. Что ты сделал этой ночью во имя того, что именуется твоей страной? Хорошо ли ты убивал? Дорого ли продал свою жизнь?

А потом была Тарава. Наверное, худшее из всего пережитого. О, эта высадка была настоящим кошмаром. Идти было просто некуда. Шлепающие по воде пули были как детишки, что плещутся в озере Арканзас, – повсюду. Трассирующие пули летели низко над водой, плетя над головами сети из нежно мерцающих светящихся лент. Было так глубоко, что ты не видел ни берега, ни своих кораблей, оставшихся за спиной. Ты промок, замерз и изнемог, ноги наливались свинцом и коченели, но остановиться значило умереть, и идти вперед тоже значило умереть. Ты пытался собрать своих людей вместе, заставлял их идти не останавливаясь, поддерживал их дух. Но все, кто окружал тебя, мало-помалу исчезали, пока не стало казаться, что ты один на этой залитой водой планете, а японцы – вся нация – одержимы одной-единственной мыслью: убить тебя.

Эрл зажмурился на мгновение, чтобы прогнать дрожь, и влил в себя еще одну добрую дозу этого самого «Джим Бим». Отличное пойло! Потом он посмотрел на часы. Ему предстояла поездка в Атчисон, Топику и Санта-Фе, но куда он должен был ехать и зачем, он никак не мог вспомнить.

Иводзима, там он попал в бункер. Этого ему никогда не забыть.

Непрерывно убивая, он двигался по Чарли-дог. Его огнеметчики не смогли пробиться вместе с ним. Капитана зацепило пулей. Не было никакого укрытия, потому что в пепел невозможно было зарыться: он тут же обрушивался на тебя. Эрл вскочил в ячейку, строча из своего «томми». Пули вылетали и сразу же попадали в японцев, сбивали их с ног, вырывали огромные куски из тел. По лицу Эрла текла кровь, кровь японцев. Но он шел дальше, от ячейки к ячейке, поливая свинцом ходы сообщений, пока наконец не пробился, убивая, к главному бункеру.

Бункер был заперт изнутри. И в довершение всего Эрл остался безоружным: его «Томми», залитый кровью и забитый пеплом, отказался работать, и его пришлось бросить. Он явственно слышал, как с другой стороны бункера тарахтели японские пулеметы «Намбу».

Эрл метнулся назад, в ячейку, которую только что очистил, перевернул труп японца и сорвал с его пояса три гранаты – японские штучки, их нужно было стукнуть обо что-нибудь твердое, прежде чем кидать. Он схватил их, подбежал к металлической двери бункера, со всей силы стукнул по ней гранатами и поспешно сунул их под дверь. Затем бегом вернулся в ячейку. Когда почти одновременно раздались три разрыва, он как раз вытаскивал из-под трупов японцев автоматы «Намбу».

Дальнейшее было трудно вспомнить, но еще труднее – забыть. Он оказался в бункере. Надо отдать японцам должное: эти гады были настоящими солдатами. Сражались до конца, заливали свинцом Чарли-дог, убивая все движущееся в их поле зрения. Они были готовы умереть ради того, чтобы убить, согласно своему кодексу. Эрл метался из отсека в отсек, или, скорее, из каморки в каморку, поскольку бункер очень походил на темное и тесное гнездо насекомых и там сильно воняло: дерьмом, кровью, пищей, страхом, потом, сопревшими носками, гнилью, рисом. Он вскочил в первую каморку и принялся палить. Но он не знал, что «намбу» был заряжен трассирующими патронами.

Как только он открыл огонь, темноту, ставшую еще непрогляднее из-за густого дыма, прорезали бело-голубые полосы трасс; пули с визгом рикошетировали, раз за разом ударяясь в любую твердую поверхность и рисуя в дыму сумасшедшие зигзаги. Каждое нажатие на спусковой крючок порождало вспышку света, иссиня-серого, мерцающего, извергающего на японцев смертоносный поток их собственных пуль со смещенным центром тяжести – куда более яростный, чем Эрл мог ожидать. Казалось, он метал молнии.

Он мчался из каморки в каморку, приостанавливаясь только для того, чтобы менять магазины на раскаленной железке, которую держал в руках. Странное оружие: магазин крепился сверху, а не снизу, как у всех, кто хоть немного думает об удобстве использования. Эта штука несколько не походила на привычный «Браунинг»; такую глупую, дрянную вещь могли изобрести только парни, которые выдумали самурайские мечи, и самолеты-камикадзе, и атаки до

последнего человека, волна за волной. Японская пушка даже выглядела узкоглазой. Но, между прочим, работала безотказно.

В последнем закоулке его поджидали с жутким спокойствием затаившегося хищника японцы. У них кончились боеприпасы. А ему было плевать. И им тоже. К тому, что произошло потом, были готовы все. Они бросились на него; один японец выхватил меч и попытался размахнуться, но в проходе высотой со сточную трубу, куда попадал свет из амбразуры, у него не было пространства для маневра. Эрл поливал их огнем, а они плясали жуткий танец, раздираемые на части своими собственными, японскими пулями калибра 6,5 миллиметра. Когда они наконец попадали, он в очередной раз сменил магазин и снова забросал всех своими молниями. А после этого выбросил маленький раскаленный автомат.

Эрл посмотрел на дело рук своих: настоящая резня. Все оказалось слишком легко. Японцы не оглядывались, их барабанные перепонки были оглушены пальбой из пушек и ручного оружия, а чувство долга не позволяло им обращать внимание ни на что, кроме того, что творилось перед амбразурами. Он просто расстрелял их всех, иссек, искромсал потоком светящегося свинца. В дальнем углу раздался стон, и Эрл подумал: кто-то все-таки жив. Но в следующее мгновение он услышал лязганье, означавшее, что граната приведена в действие, и ему удалось выскочить на поверхность, наверное, за десятую долю секунды до того, как граната взорвалась и осколки прикончили последних недобитых японцев.

Оказавшись снаружи, Эрл прислонился к стенке хода сообщения и стал жадно хватать ртом воздух. Его люди заняли Чарли-дог сразу же после того, как замолчали пулеметы бункера, но если они и обращались к нему, он ничего не слышал: грохот от стрельбы в бункере оглушил его.

«Пустите туда огонь!» – выкрикнул он.

Огнемётчики одной из команд направили внутрь бункера жерла своих орудий и вычистили подземелье пламенем с температурой две тысячи градусов; огонь был настолько яростным, что всем пришлось отойти подальше от входа.

Капитан сказал, что он, черт побери, никогда не видел ничего подобного, только он был из какого-то места под названием Йель и поэтому произнес своим странным, по-девчоночьи тонким голосом: «Едва ли мне когда-либо доводилось видеть более великолепный пример агрессивного поведения в полевых условиях». Или что-то наподобие этого.

Эрл и его бутылка исполнили еще один танец. Очередной удар вышиб мысли из его головы, но вскоре те вернулись.

Самыми докучливыми были лица. Но они постепенно исчезали. В один тяжкий день, лежа в госпитале на Гуаме, куда он угодил после неприятной раны, полученной на Иводзиме, Эрл сделал кое-какие подсчеты и обнаружил жестокую истину.

Он был сержантом во Второй дивизии морской пехоты, потом взводным сержантом и ротным комендор-сержантом в той же дивизии. Когда в сентябре 1944-го формировали новую Пятую дивизию, Эрла перевели туда, в Двадцать восьмой полк, и повысили до первого сержанта роты «А». В общей сложности под его командованием находилось 418 молодых морских пехотинцев, а сам он напрямую подчинялся – по очереди – трем лейтенантам, капитану и, наконец, майору. Из всех этих людей 229 были убиты, а остальные ранены хотя бы по разу, и его тоже не миновала чаша сия: семь ранений, из них три тяжелых. Из офицеров не уцелел никто. Из друзей-сержантов, с которыми Эрл служил с 7 декабря 1941 года, когда его зачислили в отряд морской пехоты, стоявший в Панаме, выжил он один. Из той роты контрактников погибли все, включая офицеров, кроме него самого. Из его первого взвода Второго полка морской пехоты, попавшего на Гуадалканал, уцелело с десятков человек, в том числе Эрл; из 232 солдат его роты, высадившихся по горло в воде у берега Таравы, выжило 33, в том числе он; из 216 бойцов его роты, атаковавших покрытый черным вулканическим песком пляж на Иводзиме, осталось 111, считая его, но Эрл не имел никакого понятия о том, сколько человек

получили тяжелые ранения и оказались покалечены. На Тиниане и Сайпане цифры были не такими страшными – конечно, по меркам войны на Тихом океане.

Эрл знал, что не должен был остаться в живых, что это нарушение всех законов математики и что медали, которыми его награждали, давались главным образом за грубое насилие над цифрами, а вовсе не за какой-то там героизм. Манила Джон Бэзилоун, самый храбрый человек, какого ему доводилось видеть, получил Почетную медаль за горный хребет на Гуадалканале, где остановил японское наступление, имея лишь пулемет тридцатого калибра с водяным охлаждением, боевой дух, и ничего больше; потом он совершил поощрительное турне по Штатам, стал знаменитостью, женился на хорошенькой девчонке и был разорван снарядом на мелкие кусочки в первый же день боев на черном песке Иводзимы.

По другую сторону от стойки бара висело зеркало, и Эрл видел себя в нем, видел свои глаза, черные, как вода во время паводка, когда она все поднимается и поднимается, пожирая один за другим клочки земли. Его щеки ввалились, серые губы беззвучно шевелились, как у сумасшедшего. Он сглотнул, зажмурился и открыл глаза, чтобы снова взглянуть на себя. И увидел опустошенного человека, настолько усталого и потерянного, что он вряд ли стоил кислорода, который вдыхал, или бурбона, который пил.

Он чувствовал, что недостоин вообще ничего.

«Никуда ты не годишься», – услышал он голос отца и полностью согласился со стариком.

«Никуда я не гоюсь. Любой из этих парней был куда лучше меня. Почему, черт побери, я не с ними?»

Эрл сделал очередной огромный глоток бурбона, прикончив бутылку, и посмотрел на часы. Перед глазами у него все расплывалось, так что он не смог разглядеть ни цифр, ни стрелок, но, судя по количеству выпитого, поезд в Форт-Смит уже ушел, и ему оставалось только расплатиться.

Он неуверенно поднялся, нетвердой походкой пересек бар и нашел мужскую комнату. Войдя туда, он закрыл за собой дверь, запер ее на защелку, не спеша помочился, вынул свой пистолет и взвел курок.

Никогда за всю войну он не чувствовал себя таким несчастным, как сейчас. До чего несправедливо: он жив, а столько других парней мертвы, у него в кармане валяется медаль, удостоверяющая, что он герой, а у них есть только белые кресты на островах, которые никто никогда не будет посещать, и скоро все они окажутся забытыми.

Эрл приложил дуло к виску, почувствовал прохладное прикосновение круглого отверстия. Палец лег на спусковой крючок, затем нажал на него.

Выстрела не последовало.

Пистолет дернулся: курок ударил по ударнику, а тот – в пустоту. Эрл посмотрел на оружие, немного оттянул затвор и убедился, что патронник пуст. Вынув магазин, он обнаружил там шесть патронов сорок пятого калибра. Кто-то очень аккуратно вынул магазин, извлек патрон из патронника и вставил магазин на место. Он *знал*, что зарядил пистолет сегодня утром.

Неужели Джун? Но ведь она ничего не понимает в оружии. Тогда кто? Может, он сам забыл дослат патрон? Что происходит, черт возьми?

Эрл перезарядил пистолет, оттянув затвор и дослав патрон, а потом аккуратно спустил курок с боевого взвода.

После этого он убрал оружие за пояс, оправил китель и отпер дверь.

Вестибюль отеля «Карлтон» был ярко освещен и переполнен буйством красоты. Казалось, свет весело танцует, будто стены сделаны из стекла. Вероятно, празднование Дня победы над Японией еще не закончилось. Здесь было множество хорошеньких молодых женщин и их

поклонников, и все так радовались телевидению и реактивным самолетам, что с трудом сдерживали волнение.

Эрл пробрался сквозь толпу веселящихся. Все были в смокингах или вечерних платьях; радостная молодежь суежилась, жадно ожидая прихода великолепного будущего.

Все юноши были чисто выбриты и казались неженками; Эрл знал, что не должен ненавидеть их, но тем не менее ненавидел, и, позволив этой ненависти пробиться сквозь тоску, он почувствовал, что нужно выпить. Не очередную бутылку бурбона, а то, что поможет унять головную боль, вроде коктейля, джина с тоником или мятного джулепа. Он поглядел на циферблат своего «Гамильтона» и с облегчением обнаружил, что все же не опоздал на поезд: еще не было семи. У него даже оставалось время для...

– Сержант Свэггер?

Он обернулся.

Перед ним стояли двое мужчин. Один, лет тридцати, был настоящим красавцем – лоценький, с блестящими черными волосами и зубами, как у кинозвезды. Второй – намного старше, мрачный тип с грустным морщинистым лицом, к тому же медлительный. Костюм не полностью скрывал необыкновенно длинные руки, а из рукавов торчали самые громадные кисти, какие Эрл когда-либо видел у человека. Мягкая фетровая шляпа была небрежно сдвинута на затылок, а поношенная сорочка, некогда белая, теперь стала серой, и на ней даже виднелись пятна. Но взгляд его был настороженным и быстрым: ни дать ни взять Воющий Безумец Смит или другой старый, закаленный в бесчисленных сражениях морской пехотинец. Прикрытый галстуком ремень на груди выдавал наличие наплечной кобуры и был натянут так, что Эрлу стало ясно: в кобуре у незнакомца лежит нешуточная пушка.

– Сержант Свэггер, – произнес первый с интонациями, по которым Эрл сразу же понял, что этот красавчик имеет непосредственное отношение к его родному штату, – мы ждем вас. Ваша супруга наверху, собирает вещи. Она сказала, что вы задержитесь в городе и придете позже.

– В чем дело, сэр? – спросил Эрл.

– Сержант Свэггер, мы прибыли, чтобы предложить вам работу.

– Работу? У меня уже есть работа. Я ворочаю бревна на одной проклятой лесопилке.

– Нет, речь идет о работе в правоохранительных органах.

– Кто вы, черт возьми, такие?

– Меня зовут Фред Беккер. Неделю назад меня выбрали окружным прокурором в округе Гарленд, Арканзас.

– В Хот-Спрингсе? – уточнил Эрл. – И что же вам нужно от меня?

– Хот-Спрингс – самый дикий город в Америке. У нас есть игроки, есть убийцы, есть шлюхи, всяких мошенников больше, чем вы можете себе представить, и многие из них ходят в полицейской форме и носят оружие. Всем заправляют нью-йоркские бандиты. Прямо скажу, сэр: я намерен очистить этот содом и гоморру и поэтому ищу подходящего человека. Все, с кем я разговаривал, указывали на вас как на лучшего из лучших.

Глава 3

Самый высокий небоскреб города в стиле ар-деко, по-византийски пышный, символизировал декадентские удовольствия империи. А управление империей осуществлялось из квартиры на верхнем этаже.

– Это же настоящий Нью-Йорк, а? Я хочу сказать, нельзя не согласиться, что это самый настоящий Нью-Йорк, – заявил гордый хозяин своему самому почетному гостю.

– Ваша правда, – поддержал его гость.

Они очень подходили друг другу. Один, говоривший с английским акцентом, лет пятидесяти пяти, пяти футов десяти дюймов ростом, очень крепкий, но не толстый, с красивым смуглым лицом, как раз и являлся хозяином. Белый смокинг сидел на нем изумительно и казался такой же неотделимой от него частью, как сливки неотделимы от молока, которое наливает трудолюбивая доярка. В петлице лацкана горела гвоздика. Волосы были приглажены назад, и он курил сигарету, вставленную в мундштук. Лицо украшали небольшие щеголеватые усики, тонкие, как ниточка, говорившие не только о мужественности их обладателя, но и о дальновидности и сметливости как в денежных, так и в сердечных делах. В другой руке он держал высокий, на тонкой ножке бокал с мартини. На манжетах сверкали ониксовые запонки.

– Что до меня, – сказал гость, – я ничего против не имею, вы же понимаете. Это красиво. Это очень красиво. Но я же простой парень. Я заполучил дом из тех, что называют тюдоровскими. Он выглядит так, что в нем мог бы жить король вашей страны.

– Да, старина. Я знаю этот стиль. Весьма приемлемый, я бы сказал. Он действительно назван по имени королевской семьи.

– Ага, – согласился гость, – это как раз для меня. Чем я не самый настоящий гребанный король?

Он улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

Его лицо было более румяным, чем у собеседника. От него исходила животная жизненная сила. Он тоже носил прекрасно сшитую одежду, но более спортивного стиля: кремовый льняной пиджак поверх безупречно отглаженной темно-синей сорочки с расстегнутым воротником, свободные брюки из тончайшей шерсти с начесом и ослепительно белые туфли. Ансамбль дополнял аскотский галстук – маленькая вспышка багрового шелка. Сильные пальцы крутили дорогую гаванскую сигару.

– Но здесь клёво, – снова заговорил он. – Настоящий шик.

Он был ниже ростом, более мускулистый, загорелый почти дочерна, вообще выглядел крепче своего собеседника. У него были большие руки и широкие плечи. Такими часто бывают полужащитники. Его глаза вспыхивали особенно ярко, когда он обшаривал взглядом комнату. Он не был дураком, но и не отличался блестящим умом.

– Вы знаете, кто это сделал? – спросил хозяин.

– Это?

– Обстановку. Нужно нанять декоратора. Незачем заниматься самому. Все равно не влезешь во все тонкости.

– О! – воскликнул спортсмен. – Ага, декоратор.

– Дональд Дески. Тот парень, который делал интерьеры в мюзик-холле «Радио-Сити». Поэтому дерево, сплошной глянец, модерн, плавные линии. Коул Портер³ был бы здесь в самый раз.

Он размахивал мундштуком, а вокруг сверкали великолепием его апартаменты: стены вишневого дерева, казавшиеся темными в приглушенном золотистом свете торшеров и бра,

³ Портер Коул (1893–1964) – знаменитый американский джазовый композитор.

покрытая черным лаком мебель с отделкой из мерцающего металла. Ветерок, задувавший с террасы, колебал портьеры из шелковой парчи, а снаружи искрились бесконечно соблазнительные огни города.

В углу этого храма из вишневого дерева играл маленький джаз-оркестр; певец-негр с завитыми волосами негромко пел в микрофон. Это была гладкая, как шелк, зажигательная и быстрая песенка о красотах дороги № 66, которую никак нельзя миновать на пути в Калифорнию. Рядом с оркестром другой негр разливал напитки – по большей части мартини, но иногда также бурбон или скотч – для вихрящейся блестящей толпы. Тут был знаменитый актер Дик Пауэлл – красивая голова на сухопаром теле, лицо с резкими чертами, – мужчина, светившийся красотой и доброжелательством; была его красавица-жена, необычайно миловидная женщина, которая в любом нормальном месте собрала бы вокруг себя всех присутствующих. Но только не здесь. Немного в стороне стояла Джун Эллисон, изображавшая на экране подругу Пауэлла, маленькая женщина с почти идеальной фигурой, очень похожая на куклу, с очаровательными веснушками, копной белокурых волос и синими глазами, в уголках которых виднелись чуть заметные морщинки.

Прочие экземпляры были не столь совершенны. Писателя Джона Маркуэнда окружали горячие поклонники, одетые весьма изысканно. Прославленный футболист Боб Уотерфилд, на редкость крупный мужчина с могучей мускулатурой и пышной гривой волос, был настолько огромным, что, казалось, мог играть без всяких защитных накладок. Журналиста-обозревателя Уолтера Уинчелла ожидали позже. По слухам, собирался появиться также киноактер Микки Руни, но с Микки ни в чем нельзя было быть уверенным. Все знали, что он занимается всем сразу и живет по собственному распорядку. Микки, что с него взять. Еще здесь, как обычно, присутствовали политики, столпы игорного бизнеса и их богато упакованные женщины, многие из которых принадлежали к весьма почтенным семействам.

Но в центре внимания находилась другая красавица. Ее плечи, бледные в золотистом свете, плавно перетекали в груди, настолько пышные и мягкие, что на них могла бы найти отдохновение целая армия, и словно выставленные на обозрение самим покроем платья, благодаря которому соски отделялись от остального мира лишь тонкой, как паутинка, материей. Талия сделала бы честь даже осе. Широкие бедра были округлыми, а ягодички – упругими. Красное вечернее платье из тафты выразительно подчеркивало фигуру, а сквозь разрез можно было разглядеть превосходные ноги, казавшиеся еще длиннее и рельефнее благодаря высококаблукам. И все же самым привлекательным в этой женщине было лицо, умное, но отмеченное скорее не интеллектом, а хитростью. Его тонкие черты искажал большой, вульгарный рот с пухлыми губами. Глаза у женщины были ярко-голубыми, кожа – настолько бледной и нежной, что при взгляде на нее становилось больно, волосы же имели прекрасный темно-рыжий цвет, словно пламя запретной мечты: поразительные волосы.

– Эй, детка! – окликнул ее с противоположной стороны зала спортивный гость, вместе с которым пришла сюда эта красавица.

Она словно не расслышала и продолжала обольстительно покачиваться под музыку, будто пребывала в царстве грез, навеянных ритмом. Партнер нервно улыбнулся ее другу и хозяину апартаментов. Это был молодой человек, маленький и бледный, которому повезло родиться красивым. Вообще-то, он не был хорошим танцором и не танцевал с этой женщиной, а просто служил фоном для ее сольного номера, одновременно помогая красавице удержаться от откровенного хвастовства своей внешностью. У него были белокурые волосы, не слишком густые; его звали Алан Лэдд, и он тоже порой появлялся на киноэкране.

– Пожалуй, стоит присмотреть за ней, – объяснил спортсмен хозяину, – вдруг она даст этому смазливому мальчишке. Никогда не знаешь, чего от нее ждать.

– Не волнуйтесь насчет Алана, – сказал хозяин, хорошо понимавший во всем этом. – Это, как говорится, не его масть, верно, старина? Нет, если из-за кого и стоит волноваться,

так это из-за черных. Вот они невероятно сексуальны. Можете мне поверить, я знаю. У меня когда-то был клуб в Гарлеме. Эти парни дают белым женщинам покурить травки, а когда те забалдеют, заправляют им свой африканский корень, все двенадцать дюймов. После того как белая попробует это удовольствие, мужчины своего цвета кожи для нее больше не существуют. Я видел, как такое случалось.

– Ну уж нет, – возразил спортсмен. – Вирджиния, конечно, сука, но она знает, что, если попробует трахнуться с schvartzer⁴, я погоню ее обратно пинками под задницу, до самой Алабамы.

Хозяин стремился во всем достичь британской утонченности и потому скривил губы, услышав эти вульгарные слова. Но он мужественно воздержался от замечаний.

– Бен, – сказал он, – я должен кое-что показать вам.

Он взял молодого собеседника под руку и направился вместе с ним через зал, кивая с самым радушным видом то одному, то другому гостю, прикасаясь к множеству рук, раздавая поцелуи, останавливаясь для того, чтобы представить собравшихся друг другу, и отлично зная о своем мистическом обаянии. Вскоре они с гостем очутились в небольшой нише.

– Хм, что-то я не врубаюсь, – признался Бен.

– Это живопись.

– Я понимаю, что живопись. Но почему здесь все такое квадратное да к тому же коричневое? Очень похоже на Ньюарк, если бы в нем вдруг появились деревья.

– Уверяю вас, Бен, наш друг месье Брак⁵ никогда не видел Ньюарка.

– По картине не скажешь. Выглядит так, будто он там родился.

– Бен, попробуйте почувствовать это. Он что-то нам говорит. Включите воображение. Как я уже сказал, это надо почувствовать.

Красивое лицо Бена напряглось в попытке сосредоточиться, но он явно ничего не чувствовал. На картине под названием «Дома в Эстаке» был изображен городской пейзаж, написанный в приглушенных коричневых тонах; справа тянулись по косой невысокие домики, слева спереди торчало грубо намалеванное дерево, и все законы перспективы нарушались самым безбожным образом. Когда хозяин смотрел на эту картину, он действительно кое-что чувствовал, а именно – сколько денег ему пришлось угрохать, чтобы ее заполнить.

– Это самое значительное произведение раннего периода кубизма в нашем полушарии, – сказал он. – Создано в тысяча девятьсот восьмом году. Обратите внимание на особенность геометрического построения, отсутствие центральной точки схода. Это предшественник Пикассо, на которого он оказал большое влияние. Она стоила мне семьдесят пять тысяч долларов.

– Вау! – воскликнул Бен. – У вас, наверное, неплохо идут дела.

– Говорю вам, Бен, это бизнес, которым стоит заниматься. Здесь нельзя проиграть. Все у вас перед глазами, и, согласно закону больших чисел, каждый день, каждый год приносят выгоду. Дела просто идут сами собой, нет необходимости кого-то убивать, или взрывать, или отправлять к рыбам в Ист-ривер.

– Возможно, возможно, – отозвался Бен.

– Давайте выйдем и посмотрим с крыши. Ночью открывается впечатляющий вид.

– Ладно, – согласился Бен.

Хозяин негромко щелкнул пальцами, и сразу же появились двое чернокожих мужчин: один – с новой порцией мартини, второй – с длинной, толстой кубинской сигарой, уже обрешанной, и золотой зажигалкой.

– Зажечь, сэр?

⁴ Черный (искаж. нем.).

⁵ Брак Жорж (1882–1963) – французский живописец, один из основателей кубизма.

– Нет, Ральф, я же говорил, что ты держишь зажигалку неверно. Если я хочу правильно прикурить сигару, я должен сам ее зажечь.

Негры бесшумно исчезли, а двое мужчин проскользнули между занавесками и вышли на плоскую крышу, окунувшись в душную ночь.

Неподалеку ворковали голуби.

– Птицы. Все еще возитесь с птичками, Оуни? – заметил Бен.

– Я пристрастился к ним во время сухого закона. Голубь никогда не предаст, уж поверьте мне, старику.

Голуби, обитавшие в изумительно чистых клетках, которые стояли в несколько рядов около стены, ворковали и шуршали в темноте.

Оуни одним большим глотком прикончил свой martini, поставил стакан на стол и подошел к клеткам. Открыв одну, он вынул оттуда птицу, поднес ее к лицу и потерся подбородком о гладкую головку.

– Такая славная, – сказал он. – Такая чудесная девочка. Сладенькая моя. Малышка.

Исполнив этот ритуал, он вернул голубя в клетку, двумя пальцами извлек из кармана сигару и умело зажег ее: сначала неторопливым движением провел огоньком зажигалки вдоль сигары, затем начал поджигать кончик, вращая сигару в пальцах. И лишь через некоторое время втянул в себя дым, позволив горящему кончику ярко запламенеть, посмаковал все оттенки вкуса и выпустил изо рта густое серое облако. Ветерок сразу же подхватил дым, унес его и развеял над центром города.

– А теперь взгляните, – сказал Оуни, подводя собеседника к краю террасы.

Двое мужчин стояли неподвижно. За их спинами резвился джаз, раздавались взрывы смеха, звон стаканов и стук льда.

Перед ними тянулся, плавно изгибаясь, великий белый путь.

Направленные вверх лучи заполняли небо блеском иллюминации. На широкой дороге кишели толпы; с такой высоты нельзя было рассмотреть отдельных людей, зато отлично были видны людские массы – волны, гулявшие по огромному беспокойному морю под названием «человечество». На проезжей части образовалась пробка, и полицейские отчаянно трудились, пытаясь справиться с затором. Сквозь нестройный хор автомобильных гудков то и дело пробивались похожие на выстрелы звуки выхлопов и визги шин. Казалось, по обеим сторонам широкой улицы столпился весь мир, глазевший на маленькую местную драму, и эта толпа представлялась единым организмом, мечущимся в попытке получить все доступные удовольствия.

– В самом деле хорошее место, – сказал Оуни. – Работает, жужжит помаленьку, и все счастливы. Настоящая машина.

– Оуни, – прочувствованно произнес Бен, – вы проделали огромную работу. Все так говорят. Оуни Мэддокс, о да, он управляет большим городом. Ни одним другим городом не управляют так хорошо, как городом Оуни. В городе Оуни все счастливы, в городе Оуни не счесть бабла. Оуни – это, черт возьми, самый настоящий король!

– Я очень горжусь тем, что создал, – откликнулся Оуни Мэддокс, глядя на свой город Хот-Спрингс в штате Арканзас, на большой бульвар, по сторонам которого расположились бесчисленные казино, ночные клубы, публичные дома и бани, на Сентрал-авеню, плавно обтекавшую здание «Медикал арт», где на шестнадцатом, верхнем этаже располагался его пентхаус.

– Да, всегда полезно узнать пару-другую новых долбанных штучек, – заметил его гость, Бенджамин Сайджел по прозвищу Багси из Лос-Анджелеса, Калифорния, входивший в организованное преступное сообщество. Имени его тогда, в тысяча девятьсот сорок шестом году, еще не знали ни следователи, ни исследователи, зато участники этой организации называли ее просто «Наше дело», а те из них, кто был выходцем с Сицилии, – на итальянский манер: «Коза ностра».

Глава 4

Бар отеля «Карлтон» относился к числу тех мест, где Эрл ощущал себя не в своей тарелке. Здесь преобладали формы, каких никогда не встретишь в природе, главным образом круглые: круглые зеркала с вытравленными матовыми надписями и узорами, круглая стойка коктейль-бара, небольшие круглые столики, округлые стулья с броской полосатой обивкой. Такой бар скорее ожидаешь увидеть в ракетном корабле, направляющемся на Луну или на Марс.

«Хорошо-о-о бы нам бы-ыть поумеренне-е-ей», – пел по радио какой-то славный юноша, делая непонятные завывания в тех местах, где, по логике, ничего подобного ожидать не приходилось. Все были молоды, жизнерадостны, возбуждены, полны энергии. Над баром, уставленным таким количеством бутылок, что можно было бы без труда уложить чуть ли не целую дивизию, плыл челн с молодой богиней, обнимавшей за шею своего любимого оленя. Богиню искусно изваяли из бакелита; ее хрупкие ребра, казалось, двигались в такт дыханию, и ребра оленя тоже, обе фигуры влажно блестели, покрытые мельчайшими капельками воды из фонтанчика, который орошал крошечные, задорно торчащие грудки.

– Эй, вы только посмотрите! – воскликнул старший из новых знакомых Эрла. – Неужели это не переплюнет Всемирную ярмарку в Сент-Луисе?

Эрл мельком взглянул туда. Ему казалось, что все это неправильно. Скульптура была голой. Он был пьяным. Мир был молодым. Он был старым.

Трое мужчин решительно направились к последнему столику в ряду, под зеркалом с изображением виноградных гроздьев, собак и женщин. Очень странно. Ничего подобного этому на Иводзиме не было.

Подошла девушка. Беккер взял мартини, старик – содовую, а Эрл – тот же самый «Джим Бим», к которому теперь испытывал нежную привязанность.

– Вы не пьете, сэр? – спросил он у старшего.

– Уже нет, – ответил тот и повторил: – Уже нет.

– Во всяком случае, – сказал Беккер, возвращаясь к делам, – я выиграл внеочередные выборы, и мы получили мандат, так как доказали, что подушный налог распределяется городской администрацией неправильно. Мы – это я и еще двенадцать молодых людей, все ветераны, повоевавшие за морями и знающие, что такое долг. Со следующего вторника я становлюсь окружным прокурором Гарленда. Но из тринадцати человек победить удалось только мне одному. Поэтому скажу открыто о том, что меня ждет в конце осени, когда настанут очередные выборы. Ничего хорошего.

Эрл присмотрелся к нему повнимательнее. Красивый парень, очень уверенный в себе. А этот печальный старый трезвенник с настороженными глазами и большими руками никак не годился ему в компанию. Кто они такие? И чего хотят?

– Так что я оказался в неприятном положении, – продолжил Беккер. – Постоянно получаю письма с угрозами, за моей женой следят в открытую, и чем дальше, тем все становится хуже. Хот-Спрингс. Несчастливое место. Полностью коррумпировано. Считается, что городом управляют старый задавака мэр и судья, но можете сразу забыть о них. Реальная власть у нью-йоркского гангстера по имени Оуни Мэддокс, за которым стоят парни с большими деньгами. Они всем владеют и имеют свой кусок от каждого пирога.

– Пока что не вижу, при чем здесь Эрл Свэггер.

– Я как раз подхожу к этому. Сержант, этот самый Оуни Мэддокс очень не хочет, чтобы кто-нибудь встревал в дела его империи. Но я приносил присягу и обязан это сделать.

– Вы, наверное, хотите сделать меня телохранителем, – предположил Эрл. – Но я никакой не телохранитель. И не знаю ровным счетом ничего об этой работе.

– Нет, сержант, я хочу не этого. Чтобы выжить, я должен атаковать. Если я уйду в оборону, то все, пиши пропало. У нас есть шанс, небольшой промежуток времени, когда мы можем прибрать к рукам Хот-Спрингс. Сейчас они спокойны и не боятся меня, потому что остальные кандидаты проиграли. «Что может сделать один человек?» – думают они. Если мы будем действовать напористо, то добьемся своего. Сейчас мы можем их переиграть.

– Но я вовсе не реформатор.

– Зато вы знаете Хот-Спрингс. Вашего отца убили там в сорок втором году, когда вы воевали с японцами.

– Вы копались в моих бумагах? – резко спросил Эрл.

Он не был уверен, что ему это хоть сколько-нибудь нравится. Хотя, в конце концов, этот человек представлял собой закон и был избран должным образом.

– Мы навели некоторые справки, – пояснил старик.

– В таком случае вы должны знать, что это был не Хот-Спрингс. Это был городишко на холме на изрядном расстоянии от Хот-Спрингса, даже ближе к его собственному округу. Маунт-Ида. И я тогда вовсе не дрался с японцами. Я сидел в поезде с двумя тысячами других сосунков, и мы тащились через всю страну, чтобы попасть на пароход и отправиться на Гуадалканал. К тому же Хот-Спрингс мне совсем не знаком. Отец ни за что не пустил бы нас туда. Хот-Спрингс восточнее нас на восемьдесят миль, и дороги там никудышные. Это город дьявола. Мой отец был баптистом до мозга костей, верил в адский огонь и вечное проклятие. Если бы он узнал о том, что я захотел съездить в Хот-Спрингс, то засек бы меня до смерти.

– Э-э, в общем... – только и сумел проблеять Беккер, столкнувшись с упрямством Эрла, которое иногда охватывало его без видимых причин.

Эрл сделал еще глоток бурбона, вернее, смочил губы, поскольку не хотел, чтобы его мозги снова затуманились. Впрочем, у него не возникло добрых чувств по отношению к Беккеру. Он взглянул на свой «Гамильтон». Стрелки подползали к 7:30. Скоро нужно идти. А эти парни... в какую чертовщину они собираются его втянуть?

Он посмотрел на старика, неподвижно сидевшего рядом с Беккером. Почему тот казался знакомым?

– В таком случае, сержант...

Но Эрл пристально уставился на старика, а потом выпалил:

– Извините меня, сэр, я, кажется, не расслышал ваше имя.

– Паркер, – сказал старик. – Ди-Эй Паркер.

И это имя тоже было ему откуда-то знакомо.

– Вы не имели отношения к... Нет.

– К кому?

– Вы не имели отношения к тому агенту ФБР, который разделался со всеми этими джонни в тридцатые годы? С Младенцем Нельсоном, Джоном Диллинджером, Ма Баркер, Бонни и Клайдом. К агенту, который ходил в перестрелки с плохими парнями во время Великой депрессии. Был в свое время знаменит. Американский герой.

– Я не имел к нему отношения, – сказал старик. – Я и есть Ди-Эй Паркер.

– Ди-Эй Паркер!

– Да, это я. Я больше не работаю в Бюро. И кстати, я никогда не стрелял в Джонни Диллинджера, хотя пару раз подбирался к нему довольно близко. Что касается Бонни и Клайда, я тут тоже ни при чем. Это сделали техасские рейнджеры – настигли этих негодяев в Луизиане, и им потребовался целый день серьезной работы. Я нагнал Ма и ее мальчишку Фредди во Флориде, но не думаю, что в могилу ее отправил мой выстрел. Мы полагаем, что она покончила с собой. Я действительно выпустил одиннадцать патронов во Фредди, и это положило конец его карьере. И я действительно дважды сталкивался с Младенцем. Мы обменялись выстрелами.

Я до сих пор таскаю при себе не только пулю сорок пятого калибра, которую он всадил мне в ногу, но и пушку, из которой она вылетела.

Паркер подался вперед и шевельнул плечом, отчего пиджак распахнулся. Эрл увидел рукоять пистолета с приваренной к затвору прицельной рамкой. Оружие, упрятанное в необычную кожаную кобуру и придерживаемое ремнем – с первого взгляда было видно, что кожа изрядно потерта, – не причиняло своему хозяину ни малейшего неудобства. Эрл заметил, что курок взведен: верный признак настоящего *pistolero*⁶.

– Как бы то ни было, Свэггер, – сказал Беккер, пытаюсь вернуть себе инициативу в разговоре, – мы намерены устроить рейд.

– Рейд?

– Вот именно. Я собираю специальную команду. Все молодые, неженатые или овдовевшие полицейские, не из Арканзаса, поскольку я не могу допустить даже доли вероятности того, что кто-нибудь из них окажется подкупленным, и не желаю, чтобы их семьи подверглись опасности. Эта группа будет подчиняться только мне и не войдет в состав ни одной полицейской команды, вообще никак не будет связана с полицией – ни изнутри, ни снаружи. Мы ударим по казино, публичным домам, букмекерским конторам, по всем заведениям, которыми заправляют бандиты, и первоклассным, и низкопробным. Мы вооружимся как следует. Мы обложим их. В этом вся суть: обложить их и давить, пока они не почувствуют это и не подожмут хвосты.

Беккер говорил так, будто произносил речь, и Эрл сразу же понял: это лишь часть того, что этот молодой человек запланировал для жителей Хот-Спрингса. В особенности для одного, по имени Фред Беккер.

– Звучит так, будто вам потребуется серьезная огневая мощь, – заметил Эрл.

– Совершенно верно, – согласился Ди-Эй. – Я раздобыл на черном рынке шесть «Томпсонов» двадцать восьмого года. Три БАР⁷. Несколько карабинов. И поскольку я потратил последние четыре года, работая на «Кольт», мне удалось договориться насчет восемнадцати пушек новейшей модели «Нэшнл мэтч» сорок пятого калибра. Плюс к тому у нас имеется более пятидесяти тысяч патронов на армейском складе в Ред-Ривер, где мы будем проходить подготовку. Я и еще двенадцать парней. Нам недостает только сержанта.

– Понимаю, – сказал Эрл.

– Нам требуется инструктор, – уточнил Беккер.

– Эрл, я уже слишком стар, – сказал Ди-Эй. – Я много лет размышлял на эту тему. Я участвовал в рейдах, когда работал в ФБР, а до того – когда служил в полиции Оклахома-Сити. Я попал в двадцать восемь перестрелок и получил четыре дырки. Я убил восемнадцать человек. Опыт достался мне тяжело, и теперь я глубоко убежден: когда дело доходит до оружия, у американского полицейского очень мало шансов, поскольку он не имеет достаточной подготовки. Поэтому я хочу одного – создать профессиональную, хорошо обученную рейдовую группу. Безукоризненное взаимодействие, полная взаимозаменяемость, обучение, подготовка и тренировки, тренировки, тренировки. Говоря о полицейских, я имел в виду и ФБР, особенно теперь, когда повышали всех старых стрелков. Младенца прикончили, но он забрал с собой двух прекрасных молодых агентов ФБР, потому что их не учили иметь дело с таким типом, беспредельно жестоким и храбрым, как бешеный бык и раздраженный гусь, вместе взятые. Господи, как жаль, что я не оказался там в этот день! Они всадили в него семнадцать пуль, а он продолжал отстреливаться и уложил обоих. Он был той еще штучкой. Поэтому, черт побери, мне нужна отлично обученная команда, обученная лучше всех. А еще нужен тот, кто станет хлестать этих лодырей шомполами. Я намерен быть старым папашей, мудрым и спокойным. Но мне позарез нужен законченный погоняла, который будет хлестать их по задницам и вби-

⁶ Наемный убийца (*исп.*).

⁷ БАР – автоматическая винтовка системы «Браунинг» (Browning automatic rifle).

вать в их головы уроки. Мне нужен человек, который не побоится стать ненавистным для всех, потому что быть ненавистным – это часть его работы. Мне нужен человек, который не раз стоял лицом к лицу с вооруженными врагами и убивал их, а не они его. Мне нужен, черт возьми, стопроцентный герой. Теперь вам ясно, при чем здесь Эрл Свэггер?

Эрл чуть заметно кивнул.

– Эрл, – сказал Ди-Эй, – вы годитесь для этой работы, как ни один другой человек на земле.

– Похоже на то, – согласился Эрл, глядя на ярко одетых веселых юношей, которые потягивали шампанское, танцевали джиттербаг, заливисто смеялись, тискали молодую плоть, и подумал: «Проклятье, я снова дома».

Глава 5

За окном тянулась Западная Виргиния, хотя, возможно, это был Огайо. Ночью трудно определить точно, да и поезд неудержимо мчался вперед. Эрл сидел в отдельном купе, наблюдая, как за окном в темноте пролетает Америка, и чувствовал, как вагон потряхивает на стыках. Голова болела, зато после целого дня героического пьянства он чувствовал себя более или менее трезвым.

Отдельное купе было последней подачкой страны одному из ее героев. Обладателю Почетной медали не подобало ехать на сидячем месте, не полагалось пытаться дремать вполглаза в неудобной позе, потому что в ребрах у него все еще сидел металл и спина болела. Но он не пил.

Джун спала на нижней полке. Эрл отчетливо слышал ее ровное дыхание. Но сам он все еще сидел на кожаном диванчике перед маленьким круглым столиком, улавливая ритм колес и устремляясь мыслями вперед, к тому, что станет его новой судьбой. Потом Джун заворочалась:

– Эрл?

– Я думал, ты спишь, милая. Тебе нужно немного поспать.

– Я не могу спать, если ты никак не засыпаешь. Эрл, с тобой все в порядке?

– Да, мэм. Все хорошо.

– Эрл, ведь ты пил, правда? Я чувствую запах.

– Да, я останавливался, чтобы выпить, пока гулял. Я праздновал. Я был счастлив. Я повстречался с президентом. Я побывал в Белом доме. Я получил большую медаль. Меня фотографировали. Таких дней бывает не много.

– Эрл, кстати, о медали. Она оказалась в кармане твоих форменных брюк. Лента вся помялась. Я положила ее в коробку. Ты должен беречь ее. Когда-нибудь ты передашь ее сыну.

– Знаешь, милая, если у меня когда-нибудь будет сын, вряд ли я скажу ему: «Смотри, каким великим человеком был твой отец». Так что если у меня будет сын, я позволю ему просто вырасти без всяких баек о том, какой я славный и знаменитый. Тем более я не припомню в своей жизни ни одного великого дня, черт бы его побрал.

– Эрл, в последние дни ты такой сердитый.

– Я справлюсь с этим, клянусь тебе, Джуни. Знаю, тебе будет нелегко. Ведь я теперь совсем не похож на того человека, за которого ты вышла замуж.

– Тот Эрл был красивым и гордым и в своей форме выглядел просто восхитительно. Кинозвезда, да и только. Все девушки были без ума от него. А я так влюбилась! Боже, я тогда думала, что не доживу до рассвета. А потом он пригласил меня танцевать. Но этот Эрл человечнее того. В нем больше от мужчины, настоящего мужчины. Он делает свою работу, даже если ненавидит ее, и никогда ни на кого не жалуется. Он настоящий мужчина, и теперь он каждую ночь будет дома, и я не получу письма о том, что он убит.

– Сладенькая моя, какой же ты персик. Ты лучше всех на свете.

Он наклонился в темноте и поцеловал жену.

Та прикоснулась к нему рукой – по-особому, давая понять, что нынешняя ночь очень хороша для телесной близости. Но он остался сидеть.

– Сначала я должен кое-что тебе сказать.

– Эрл, мне не нравится этот тон. В чем дело? Это касается тех двоих типов, которые явились в отель искать тебя?

– Да, ты права.

– Хлыщ в дорогом костюме и печальный старик. Хлыщ мне очень не понравился.

– Мне он тоже не слишком понравился, но тут уж ничего не поделать. Его зовут Беккер, и когда-нибудь он станет большой шишкой. Он уже занимается политикой, избран на серьезную должность. Эти два парня предложили мне работу.

– Ты согласился?

– Будет побольше денег. И еще – я не оставлю свои пальцы в пилораме. Мне обещали сотню в неделю. Получается больше пяти тысяч в год до вычета налогов. Кроме того, есть страхование жизни и медицинские выплаты от штата Арканзас, так что можно будет не беспокоиться об оплате докторов. Они даже подбросили денег на новую одежду. Я должен купить несколько костюмов.

– Но это опасно.

– Почему ты так думаешь?

– Чувствую по твоему голосу.

– Конечно, может возникнуть некоторая опасность. Но вовсе не обязательно. Главным образом это будет обучение.

– Обучение?

– Придется обучать нескольких мальчишек. Я буду работать с молодыми полицейскими, натаскивать их. Пользование огнестрельным оружием, стрельба, движение, основы тактики, немного дзюдо и тому подобное.

– Эрл!

– Да, мэм?

– Эрл, ты будешь готовить их к войне?

– Ну не совсем, милая. Ничего похожего на войну. Им нужно совершать облавы в игорных заведениях. Этот парень – новый окружной прокурор Гарленда.

– Хот-Спрингс!

– Да, Хот-Спрингс. Он попытается очистить город.

– Мы переезжаем в Хот-Спрингс?

Да будь он проклят, если отложит это хотя бы ненадолго. Он сделает так, что Джун обратится переезду из поселка для ветеранов в Кемп-Чаффи туда, где у них, возможно, будет дом со стенами, ровными от пола до потолка, а не сходящимися кверху от середины, с настоящим полом вместо грубого настила из некрашенных, всегда грязных досок, с потолком, который не гремит и не протекает под дождем. У них будет большой холодильник, и ей не придется ходить за покупками каждый день. Душ прямо в доме, а может быть, не только душ, но и ванна. И газовая плита.

– Пожалуй, что переедем, – сказал он, помолчав. – Пожалуй, что скоро. У нас будет хороший дом за городом, подальше от суеты. Там, в этом городе, вскоре может начаться изрядная суета.

– Но ведь я туда не еду, ведь так, Эрл?

– Нет, мэм. Не сразу. Мне нужно сначала осмотреться. Но тебе не о чем беспокоиться. Зарплату будут переводить прямо тебе. Ты сможешь положить часть денег на счет в банке штата, а то, что мне потребуется на текущие расходы, я буду получать по чекам. Ты хорошенько подумаешь, что нам понадобится, а через некоторое время мы переедем насовсем.

Джун ничего не сказала – лишь передернула плечами, повернулась на спину и напряженно уставилась в верхнюю полку. Когда выражение ее лица несколько смягчилось, стало казаться, что мыслями она далеко-далеко от темного купе.

– Понимаешь, в первые дни я просто не смогу устроить тебя там, – сказал он. – Придется немного подождать. Я побуду в Техасе; там мы будем обучать этих ребятишек, а после переберемся в Гарленд. Но я даже не буду ходить в рейды. Я нужен им как инструктор и сержант. Я должен согнать всех этих мальчишек в одно стадо, так же как в корпусе, только и всего. Там

действительно небезопасно, по крайней мере, так они говорят, но ты же знаешь, нужно только не забывать об осторожности.

– Мне все понятно по твоему голосу. Ты будешь ходить с ними на облавы. Такой у тебя характер.

– Это не планируется. Они вовсе не хотят, чтобы великий герой вроде меня совался под выстрелы.

– Они-то, может, и не планируют, но твой характер не переделать, и ты будешь следовать его велениям. То есть водить людей в бой и делать все возможное, чтобы они уцелели. Такой уж ты есть.

– Об этом и речи не было. Мы не хотим брать туда с собой женщин из простой предосторожности. В Хот-Спрингсе все прогнило. И уже давно. Все полицейские продажны, газеты продажны, и судьи тоже продажны.

– Я слышала, что там полным-полно гангстеров и шлюх. Что и Аль-Капоне, и Элвин Карпис, и Ма Баркер ездили туда отдыхать и принимать ванны на горячих водах. Что у них есть оружие и убийцы. Что там убили твоего отца.

– Мой отец погиб в Маунт-Иде, но мог погибнуть в любом месте, где только есть мерзавцы, которым нравится грабить других людей, а такие встречаются повсюду. Он не имел никакого отношения к Хот-Спрингсу. Это совсем другая история, не верь никаким слухам. Тут дело в деревенских парнях, которые любили ходить с дробовиками.

– О, Эрл, ты совершенно не умеешь лгать. Ты снова отправляешься на войну, потому что война – то, что ты лучше всего знаешь и больше всего любишь. А меня собираешься оставить в Форт-Смите, где я никак не смогу связаться с тобой. Останется только сидеть и ждать, не притащится ли кто-нибудь с телеграммой и не скажет: «О, миссис Свэггер, штат Арканзас скорбит вместе с вами, потому что ваш муж Эрл погиб. Но не расстраивайтесь, все в порядке, он был настоящим героем, вот еще одна позолоченная железка, которая вознаградит вас за эти неприятности».

– Джун, клянусь, ничего со мной не случится. А даже если случится... ну, черт возьми... в общем, ты получишь пять тысяч, и ты самая красивая девчонка во всем Форт-Смите, и тебе больше не нужно будет ютиться в хижине. Когда кончится вся эта неразбериха с жильем, ты, вероятно, сможешь подыскать себе хорошую квартиру. Скоро все наладится, клянусь тебе.

– А кто вырастит твоего сына?

– Моего... Но у меня же нет сына.

– Может быть, это дочь. Неважно, сын или дочь, но оно растет у меня в животе.

– Господи... – сказал Эрл.

– Я не стала говорить до окончания церемонии, чтобы ты не отвлекался. А потом ты ушел на весь день.

– Мне очень жаль, милая. Я даже и подумать не мог.

– А чего еще, по-твоему, нужно было ожидать? Думаешь, можно четыре раза в неделю укладывать меня в постель и не получить ребенка?

– Мне казалось, что тебе нравится ложиться со мной в постель.

– Я *люблю* это. Ты когда-нибудь слышал, чтобы я сказала «нет»?

– Нет, мэм, вроде бы не слышал.

– Но это ничего не меняет, не так ли?

– Я обещал им. Я сказал: «Да». Будет больше денег. Жить станет легче.

– Подумай о своем мальчике, Эрл.

Но Эрл не мог послушаться ее. Разве можно рожать ребенка в мир, где мужчины поливают друг друга пламенем из огнеметов или идут врукопашную со штыками и прочими подручными средствами? А теперь еще атомная бомба, которая может в любой момент превратить любой кусок этой проклятой земли в новую чертову Хиросиму. Он смотрел на лицо жены,

неясное пятно, белевшее в темноте, и чувствовал, как Джун отдаляется от него. Он думал о крошечном существе, что росло в ее животе, и эта мысль ужасала его. Он никогда не хотел стать отцом, не считал себя достаточно сильным для этого.

Ему сделалось страшно. Внезапно он почувствовал почти непреодолимое желание сделать то, чего он никогда не делал на Тихом океане: повернуться, убежать, удрать, оставить все это позади.

Он как наяву увидел свое безрадостное детство, почти целиком состоявшее из страха и боли. Он не хотел этого для своего мальчика.

– Я... я не знаю, что сказать, Джуни. Я никогда не думал о мальчике или девочке. Даже и мысли не возникало.

И еще одно чувство владело им, чувство, которое он так часто испытывал прежде: он снова подвел кого-то, кто любил его.

Он хотел, отчаянно желал подарить ей то, что помогло бы исправить положение. Хоть какую-нибудь мелочь.

И наконец придумал.

– Я пообещаю тебе одну вещь, – сказал он. – Твердо пообещаю. Я брошу пить.

Глава 6

Мальчишке было жарко. Мальчишка курил. Белокурые волосы с рыжеватым оттенком наполовину закрывали плоское, словно морда мопса, лицо, а сигарета, свисавшая из уголка рта, придавала ему особенно наглый вид; в сложенной чашечкой ладони левой руки, которую он поднес ко рту, покоились игральные кости.

– О, деточка, – бормотал он. – Шестерочка, сестреночка, дrochenочка, утеночка, курвеночка, маманечка, говненочка, сластеночка, детка, детка, детка, детка, будь послушной деточкой, сделай, что говорит папочка, сладкая конфеточка, деточка, шестерочка!

На его лице отразился почти религиозный экстаз, он принялся медленно вращать крепко стиснутый кулак, на лбу поверх густых веснушек выступили крупные, ярко сверкавшие капли пота. Он закатил глаза, а потом прикрыл веки, хотя, возможно, последнее было связано вовсе не с заклинанием судьбы, а с дымом от «Лаки страйк», не вовремя попавшим в глаза.

– Давай, милый, давай, давай! – сказала его подруга, выглядывавшая из-за плеча мальчишки.

Она казалась лет на десять старше своего спутника. Увесистые пухлые груди туго натягивали короткое платье, открывавшее взору все, на что стоило обращать внимание. Это была платиновая блондинка с губами, накрашенными рубиново-красной помадой; ее серьги и ожерелье сверкали алмазами. Она прикоснулась к плечу мальчишки – на удачу.

Его лицо исказилось судорогой, и он разжал кулак.

Кости бешено запрыгали по столу, и Эрл вспомнил о японском «Бетти» – двухмоторном бомбардировщике, который когда-то на его глазах, подбитый, упал в море. Самолет совершенно невероятным образом кувыркался в воздухе, пару раз подпрыгнул на поверхности воды, подняв фонтан брызг, и канул в глубину. Кости, в отличие от самолета, остались на поверхности стола. Эрл снова взглянул на парнишку, который всем телом подался вперед; его глаза, полные надежды, были широко раскрыты.

– Проклятье! – в ужасе закричал мальчишка, увидев на обращенных кверху гранях маленьких кубиков три и четыре точки. Не две и четыре, или три и три, или пять и одну, которые были ему нужны. Выпали несчастные семь очков, а значит, он проиграл.

– Сожалею, сэр, – произнес крупье с чисто профессиональным равнодушным почтением в голосе и отработанным движением пододвинул к себе лопаточкой ставку белобрысого мальчишки – кучку двадцати-, пятидесяти- и столларовых банкнот.

Этот проигрыш, пожалуй, равнялся новому – и самому большому в его жизни – годовому жалованью Эрла. Впрочем, мальчишка только ухмыльнулся и вытащил из кармана комок смятых купюр, большой, как кулак Демпси⁸.

– Он просадил кучу денег, – сказал Эрл Ди-Эй Паркеру, который стоял рядом с ним в переполненной комнате на втором этаже клуба «Огайо», наблюдая за игрой. – И продолжает улыбаться. Откуда у такого молокососа столько бабла, чтобы пригоршнями разбрасывать ее? И где он подцепил эту куклу – прямо с календаря?

– Там, откуда он взялся, всего этого добра хватает, – ответил Ди-Эй. – Вы ведь не часто ходите в кино, верно, Эрл?

– Нет, сэр. Времени не хватает.

– Ну так вот, этого мальчишку зовут Микки Руни. Большой актер. Всегда играет этих деревенских олухов, молодых парней из провинции. Он выглядит на четырнадцать, но на самом деле ему двадцать шесть, он был дважды женат и выбрасывает по десять тысяч за ночь

⁸ Демпси Джек (Вильям Харрисон Демпси; 1895–1983) – американский боксер, чемпион мира в тяжелом весе 1919–1926 гг.

всякий раз, когда приезжает в город. Я слышал, что игроки называют его «мистер Эй-парни-давайте-устроим-шоу!».

Эрл потряс головой, не скрывая отвращения.

– Это Америка, Эрл, – сказал Ди-Эй. – То, за что вы сражались.

– Давайте пойдем отсюда, – предложил наконец Эрл.

– Конечно. Но только сначала осмотритесь, запомните все как следует. Возможно, когда вы в следующий раз увидите это место, у вас в руках будет «томми».

В клубе было темно и людно. Здесь, на втором этаже, где царила игра, висела непроницаемая пелена дыма и воздух был пропитан вьевшимся навсегда запахом табака. Этот запах напоминал серную вонь на Иводзиме, а в помещении ощущалось безумие, сходное с тем, что владело людьми на очищенной от японцев прибрежной полосе, куда начали доставлять раненых и боеприпасы и где никто не представлял, как можно попасть вглубь острова. Шуму было, пожалуй, не меньше, чем там.

В одном конце зала крутилось колесо рулетки, выкачивая деньги из карманов сосунков. Под низко висящими лампами стояло с дюжину столов, за которыми играли в покер. Вдоль стен выстроилась шеренга игровых автоматов, перед которыми толпились многочисленные паломники, взывавшие к милосердию бога наживы и приносившие ему свою дань в виде пятицентовиков, десятицентовиков и серебряных долларов. Но любимой игрой посетителей «Огайо» были кости; собравшиеся вокруг многочисленных столов щеголи доверяли свою удачу паре кубиков, которые, подпрыгивая, катились по зеленому сукну, отчего похожие на айсберги груды денег перемещались по столам. Негритянская джазовая группа наяривала горячий бибоп⁹, фортепиано выдавало сумасшедшие риффы¹⁰, саксофон, кларнет и еще какой-то инструмент с печальным звуком повествовали об утраченном – состояниях, любви и надеждах.

Эрл снова покачал головой. «Господи помилуй!» – подумал он.

– А теперь, Эрл, пора идти, – сказал старик. – Здесь не любят бездельников вроде нас. Либо играй, либо проваливай.

Спускаясь вниз, они миновали бар, тоже переполненный. Пять девушек сбились с ног, выполняя заказы. За их спинами на причудливом стеллаже красного дерева выстроились ряды темных бутылок, обещавшие заманчивое забвение.

– Хотите выпить, Эрл?

– Нет, – отрезал тот. – Я завязал с этим дерьмом.

На Эрле был новый костюм-тройка, синий в полоску, на шее – желтый галстук, на ногах – сверкающие коричневые полуботинки. Коричневую фетровую шляпу он низко надвинул на глаза. Он чувствовал себя так, словно его обмотали бинтами, зато выглядел на полсотни долларов – столько он истратил на свое новое барахло.

– Это, пожалуй, хорошо, – одобрил Ди-Эй. – Пьяным я победил в шестнадцати перестрелках, но, будь оно все проклято, потом стал пить так, что боялся в один прекрасный день проснуться в Гонконге с разбитым носом, большой бородой, татуировками на всем теле и вновь обретенной китайской семьей, которую нужно будет содержать.

– Такое случалось со знакомыми мне морскими пехотинцами, не с одним и не с двумя, – заметил Эрл.

Они вышли на улицу. На другой стороне, словно семь роскошных лайнеров, пришвартованных к пирсу, в ночи сверкали семь главных городских достопримечательностей – водолечебниц, которые даже в этот час были переполнены людьми. Все они стремились причаститься к чудесной силе богатых минералами вод, которые поступали из невидимой с этого места горы: мощный неиссякаемый поток с температурой в сто сорок один градус по Фаренгейту.

⁹ Бибоп – стиль джазовой музыки, сложившийся в 1940-х гг.

¹⁰ Рифф – небольшая ритмическая фигура, часто служащая сопровождением к сольной импровизации (в джазе).

Люди посещали эту маленькую долину уже несколько столетий, и таким образом город приобрел весьма необычную постоянную клиентуру – тех, кому было просто необходимо попасть сюда. Если вам требовалось избавиться от растяжения мышц, или артрита, или сифилитического нервного расстройства, вы приезжали в Хот-Спрингс и по многу часов просиживали в воде, от которой поднимался пар и которая, как ничто другое, снимала боль и вычищала заразу из всех уголков тела. Выходя из ванны, вы чувствовали себя заново родившимся. Лучше? Ну... возможно. Во всяком случае, не так, как прежде. Но годы шли, город предлагал своим посетителям все новые и новые услуги, уже не столь прозаического характера, и к 1946 году основную массу приезжих составляли не больные старики, а молодые и вполне здоровые люди. Не было ни одной человеческой потребности, которую в Хот-Спрингсе нельзя было удовлетворить за один-единственный вечер, к какой бы сфере она ни относилась – сексуальной, финансовой, криминальной или религиозной.

Трубопровод от пресловутых горячих источников теперь тянулся по кривой, отмечавшей бывшее местоположение засыпанного ручья. По одну сторону располагались водолечебницы, а по другую раскинулась коммерческая, вернее, развлекательная часть города: устричные заведения, рестораны, тир, ночные клубы, казино, букмекерские конторы и, конечно, публичные дома. Улица представляла собой широкий бульвар и была так освещена, что вряд ли можно было заметить разницу между дневным и ночным светом. Только гора, находившаяся в собственности американского правительства, оставалась невидимой, зато прочую пакость можно было рассмотреть во всех подробностях.

– Похоже на Шанхай в тридцать шестом году, – сказал Эрл, – вот только глаза у шлюх не раскосые.

С их наблюдательного пункта – они стояли на тротуаре перед водолечебницей «Фордайс», откуда открывался обзор в оба конца улицы, тянувшейся между горами и как бы охраняемой с севера гигантскими воротами, образованными массивным зданием отеля «Арлингтон» с одной стороны и намного более высоким зданием «Медикал арт» с другой, – улица казалась просто гигантской. Миля суеты и греховности сияла огнями, уходившими за горизонт. Но это была лишь показная сторона сложного явления, носившего наименование Хот-Спрингс. От главного проезда, извиваясь, уходили и тянулись по холмам другие дороги, и в каждом квартале имелись публичный дом, и казино, и букмекерская контора, а часто – по несколько штук. Дальше, в сторону Малверна, цвет становился черным, поскольку греховный Хот-Спрингс не знал никаких расовых барьеров, и чем дальше, тем больше становилось дыма и пара – там находились отель «Питиэн» и одноименная водолечебница, единственное место в городе, где негры, которые делали здесь всю реальную работу и обеспечивали жизнедеятельность округа, имели возможность и сами окунуться в целебную горячую воду.

– Нет, я совершенно не понимаю, как Беккер собирается прикрыть эти заведения силами всего двенадцати человек, – сказал Эрл. – Да здесь дивизии не хватит.

– Для того и нужна подготовка, – ответил старик. – В городе около полутысячи букмекерских контор, и они-то и есть первая цель всей операции. От них кормятся все остальные. Но среди них есть одна, так называемая центральная контора, откуда денежки растекаются по всей сети. Туда сходятся все телефонные линии, там первыми узнают все результаты всех соревнований, тамошние гении постоянно выдают сведения о текущем соотношении шансов и передают их в другие конторы, чтобы там могли принимать ставки до последнего момента. Потом они получают результаты, объявляют их, и все продолжается. Очень даже серьезный бизнес: контора берет два процента и всегда находится в выигрыше, независимо от того, выиграл или проиграл игрок. Но есть проблема: все сильно зависит от состояния связи, от того, насколько быстро они получают внешнюю информацию. Без этой информации их просто нет. Понимаете, в чем хитрость? Если мы сможем закрыть главную контору, то разрушим всю систему. Мы прижмем их к ногтю.

– А нам известно, где она находится?

– Нет, конечно. Об этом знает много народу, но вряд ли кто-нибудь захочет известить нас. Нужно будет ударить сразу по многим местам, закрыть их, сломать машину и передать задержанных копам. В полиции их не продержат и дня, но весь смысл в том, чтобы машина дала сбой. Стоит только пошевелить эти заведения, и сразу выяснится, что некоторые уже десять, а то и двадцать раз получали от департамента полиции Хот-Спрингса предписания о закрытии. Только дело почему-то никогда не доходило до конца. Поэтому мы разносим букмекерские лавки, уничтожаем игровые таблицы, конфискуем деньги и бланки, ищем финансовые отчеты и все, по чему можно установить, где находится центральная контора. Сами видите, это довольно просто. Очень похоже на войну. Мы занимаем японский штаб, и вот она, победа.

Они не спеша шли на север по Сентрал-авеню. Из большинства окон двух- и трехэтажных домов на западной стороне, неприязнительных с архитектурной точки зрения, высывались девушки, которые то и дело окликали двоих видных собой мужчин.

– Эй, сладенькие! Заходите к нам, мы научим вас интересным штучкам.

– Малыш! Ты, большой! У нас здесь так сладко, что ты обязательно растаешь!

– Сэры, у нас самые лучшие девочки, настоящие конфетки. Самый высший сорт.

– Что, Эрл, тянет зайти? – поинтересовался старик.

– Не-а. Если я туда сунусь, то как пить дать подхвачу гонорею. Плюс ко всему моя жена далеко отсюда и к тому же беременна, так что мне не нужны осложнения.

– Беременна? И давно?

– Мм... Если честно, не знаю. Уже некоторое время, только я не замечал.

– Эрл, если бы я знал, что ваша жена беременна, то не стал бы уговаривать вас идти к нам. Здесь может быть довольно горячо.

– Не беспокойтесь на этот счет, старина. Сами знаете: я буду заниматься делом, которое знаю лучше всего на свете.

– Неужели вы не чувствуете себя счастливым? У меня был сын, и я никогда не сожалел об этом, хотя он умер совсем молодым. Это было счастливое время. Так или иначе, вы будете отцом. Считается, что это радостное время для каждого мужчины.

– А-а, – недовольно буркнул Эрл.

– Вы поймете это, Эрл. Поверьте мне, обязательно поймете.

Они шли дальше, справа тянулись водолечебницы, слева – казино и дома терпимости. Через некоторое время водолечебницы уступили место премиленному небольшому парку, где отцы города посадили деревья, разбили цветущие клумбы и тому подобное. Это было действительно очень красиво, а сзади высилась гора, дарившая Хот-Спрингсу нагретую минеральную воду, благодаря которой город не походил ни на один другой.

На тротуаре было полно народу – в Хот-Спрингсе никто не сидел на месте. Двое мужчин, тайно осуществлявших рекогносцировку, проходили мимо отчаявшихся людей, которые прибыли в Хот-Спрингс, потому что верили, будто горячие источники смогут их вылечить, и мимо кучек богачей, которые приехали сюда ради развлечений. Относившиеся к первой категории носили потертые костюмы и были худы и бледны; они уже казались наполовину мертвыми и оставались как бы невидимыми для искателей удовольствий – лощенных, в отличных костюмах и платьях, в соломенных шляпах или шляпках с вуалью. Эти, в большинстве своем полные и розовощекие, были приветливы и нетерпеливы и жадно ждали ночных развлечений. Время от времени по улице проезжала черно-белая патрульная машина с несколькими заспанными полицейскими, которые лениво скользили взглядами по толпе, выискивая карманников, грабителей или просто драчунов.

– Если действовать по закону, мы должны сказать этим копам, что там играют на деньги, – проронил Ди-Эй.

– То-то они удивятся, – отозвался Эрл.

Они подошли к роскошному зданию кварталах в четырех к северу от клуба «Огайо», буквально в тени небоскреба «Медикал-арт» и гигантского отеля «Арлингтон», сверкавшего рядами ярко освещенных окон. Но хотя «Арлингтон» был великолепен, он все же не мог соперничать по элегантности со строением на противоположной стороне улицы.

Это был «Южный клуб». Черный мраморный фронтон, опиравшийся на мраморные колонны портика, сразу заявлял о немалых амбициях; камень был отполирован, и фасад сверкал в темноте, словно дворец из голливудского кинофильма о жизни в средневековом Багдаде. В холле сияла люстра, изливавшая на улицу потоки света, да и все вокруг сверкало огнями. К портику медленно подплывали лимузины и высаживали пассажиров, от которых за милю тянуло большими деньгами. Обычной одеждой для мужчин были смокинги, а женщины, в большинстве своем густо увешанные драгоценностями, носили полупрозрачные белые платья, плотно облегавшие тело.

– А вот куда ходят самые большие шишки, – объяснил Ди-Эй. – Это настоящий шедевр Оуни. Боже, какие деньжищи он там делает!

– Что он о себе думает? Что он король или, может быть, один из тех египетских парней, которые делали себе могильные памятники размером с гору?

– Да, в этом роде, – подтвердил Ди-Эй. – У него там два казино, три комнаты для покера с высокими ставками и зал, куда он привозит звезд первой величины. Если не ошибаюсь, на этой неделе у него Перри Комо. А однажды был Бинг Кросби. О, это самое милое местечко между Сент-Луисом и Новым Орлеаном. Отличное место. Ничего подобного нет нигде.

– Дела у него идут нормально, не так ли? – осведомился Эрл, внимательно рассматривая здание и подходы к нему, будто разрабатывал план ночной атаки.

– Давайте задержимся здесь ненадолго и понаблюдаем за обстановкой.

Они не без труда отыскивали свободную скамейку на тротуаре Сентрал-авеню, уселись и принялись наблюдать, как к зданию подкатывает медлительная череда лимузинов и из каждого выходит пара щеголей и щеголих, а то и несколько пар. Ни дать ни взять конгресс модников. Эрл в своем новом синем костюме чувствовал себя так, будто облачен в отрепья.

– А теперь – пара слов о том, откуда взялся «Южный». В тысяча девятьсот сороковом году наводнением снесло мост через Арканзас выше Литл-Рока. Из-за этого бокситовым королям пришлось изменить маршрут пересылки денег из Чикаго для выплаты жалованья работникам рудников Хэтти-Флетчер. «Алкоа» направила деньги в Талсу, а оттуда, естественно, на ближайшую узловую железнодорожную станцию, которой оказался Хот-Спрингс. Только один перевод, пока восстанавливали этот несчастный мост на Арканзасе. Та выплата была особенной: видите ли, в сороковом году никто здесь не имел текущих счетов и вся сумма перевозилась наличными. Более четырехсот тысяч долларов. Как бы то ни было, почтовый вагон с деньгами в пятницу, поздно ночью, въехал на товарный двор железнодорожной станции здесь, в Хот-Спрингсе, и пятеро очень крутых парней провернули дело быстрее, чем вы сможете произнести детскую считалку. Они точно знали, какой из почтовых вагонов – а их на станции было много – им нужен. Подорвали замок каким-то хитрым устройством и влетели внутрь. Один из охранников попытался достать оружие, и они расстреляли всех из обычных «Томми». Четверо парней были мертвы через секунду. В каждом вагоне имеется по четыре больших хранилища для почты, и эти парни точно знали, которое из них нужно открыть своими бомбочками. Прошло меньше трех минут, как они уже смылись со всей суммой. Конечно, департамент полиции Хот-Спрингса не смог быстро прислать на место патрули, – наверное, они там нисколько не интересовались деньгами. Полицию штата известили только наутро, а когда в дело вмешалось ФБР, все следы давным-давно простыли. Разумеется, они выставили кордоны на дорогах, и обратились за помощью в правоохранительные органы трех окрестных штатов, и дали объявления по радио, и даже перетрясли всех известных им любителей вооруженных ограблений и стрельбы в этих самых трех штатах. Но все было проделано слишком тонко для местных

простофиль. Не думаю, что сам Джонни Диллинджер был способен на такую операцию, и, уж конечно, розыск не дал ровным счетом ничего. Грабители просто исчезли, ушли, словно вода в песок. Вы, как морской пехотинец, должны это оценить, Эрл. Настоящий рейд командос.

– Видимо, у них был информатор, – сказал Эрл.

– Само собой. А главное вот в чем: через две недели Оуни Мэддокс покупает старый отель «Конгресс», сносит все подчистую и начинает строить на его месте «Южный клуб». Откуда он взял деньги? Из внешних источников? Я так не думаю. Во всяком случае, Беккер не может найти сведений о каких бы то ни было заимствованиях: дело находится всецело в руках Оуни. То ли он устал работать на подхвате у серьезных парней, то ли не хочет быть связанным с ними, то ли углядел возможность прибрать к рукам город со всеми его потрохами. Сами понимаете, никто не может ничего доказать, но остались четыре вдовы и куча сирот, которые не получили после смерти мужей и отцов ничего, разве что трогательное письмо с соболезнованиями от железной дороги, хотя я не уверен. А Оуни получил «Южный клуб».

– Ненавижу гадов, которые платят другим, чтобы те убивали для них людей.

– Ну да, конечно, – рассеянно отозвался Ди-Эй, глядя на часы. – Да, вовремя, минута в минуту. После хорошего бифштекса у «Кой». Вот, сэр, тот самый человек, о котором мы говорили.

Эрл увидел, как вдоль очереди лимузинов проехал самый темный, самый внушительный автомобиль, какой ему когда-либо приходилось видеть. Негр в ливрее вышел на мостовую со свистком во рту и остановил движение, чтобы дать возможность машине подъехать к тротуару, не дожидаясь, пока освободится место.

– Пуленепробиваемый «кадиллак» тридцать восьмого года, – сообщил Ди-Эй. – Самая крутая тачка в Арканзасе. А может, и вообще по эту сторону от Чикаго.

Автомобиль, стоивший семь тысяч сто семьдесят долларов, был, естественно, черным, обтекаемой формы и сверкал массивными бамперами, серебристой радиаторной решеткой и боками крыши. Он носил гордое название «Флитвуд-таункар, серия 75» – неоспоримый флагман «Кадилака». Его V-образный 16-цилиндровый двигатель имел объем 346 кубических дюймов; форма темного щегольского капота говорила об устремленности не только вперед, но и в будущее. Автомобиль подплыл прямо к почетному месту, и к нему тут же подбежали двое чернокожих в ливреях, спешивших открыть дверь для мистера Мэддокса.

– Теперь самое время для Перри Комо, – сказал Ди-Эй.

Оуни вышел, потянулся всем телом и втянул дым сигареты, вставленной в мундштук, а левой рукой пригладил зачесанные назад волосы. Он был одет в светло-кремовый смокинг.

– Он вовсе не выглядит крутым, – отметил Эрл. – Скорее просто модником.

– А вы знаете, что он англичанин? Или вроде англичанина. Он прибыл в эту страну, когда ему было тринадцать, а теперь выпендривается и называет всех «старина», «дорогой дружище» и так далее, в духе Рональда Колмена¹¹. Но это всего лишь маска. В пятнадцать лет он заправлял уличной бандой в Ист-Сайде. За ним числится с дюжину убийств. Он гнусный беспредельщик, вот что я вам скажу.

Эрл не сразу убедил себя в том, что это описание относится к богатому вертопраху, низкорослому лощеному типу, уделяющему столько внимания своей внешности.

Оуни благовоспитанно наклонился, протянул ладонь, взял за кончики пальцев изящную женскую руку, обтянутую серебристым рукавом, и помог ее обладательнице выбраться из автомобиля. Дама сделала реверанс и выпрямилась, представ во всей красе.

– Ну вот, теперь появилась дама, – сказал Эрл. – Ведь это дама?

¹¹ Рональд Колмен (1891–1958) – англо-американский киноактер, исполнял роли романтических героев, чаще всего аристократического происхождения. Получил премию «Оскар» за роль в фильме «Двойная жизнь» (1947).

– Дама, конечно, – ответил Ди-Эй. – Ну разве не чертовщина?! Эту даму я знаю и готов держать пари, что знаю и нашего следующего гостя.

Женщина отступила в сторону и широко улыбнулась, заполнив ночь блеском своих зубов. Она обладала редкостной привлекательностью. Именно такой хотели стать все девочки (но это почти никому не удавалось), именно с такой мечтали спать все парни. Темно-рыжие, мягкие, как музыка, волосы ниспадали на плечи.

– И какова же ее история? – спросил Эрл.

– Имя – Вирджиния Хилл. Что называется, из деловых. Ее знают и любят в Чикаго, где она сдружилась с кое-кем из итальяшек, которые держат в руках город. Они называют ее «Фламинго», потому что она длинная и красивая. Но пусть ее внешность не вводит вас в заблуждение. Это крутая штучка из сталелитейных городов Алабамы. Она прошла нелегкий путь, повидала виды. Когда хочет, живет с кем-нибудь, а когда хочет – одна. Ей двадцать восемь, но опыта у нее на все шестьдесят. А вот и последний игрок. Хотя он, возможно, не настолько интересен.

Пожалуй, так оно и было. Третий человек, вышедший из автомобиля, оказался загорелым до смуглоты, как бывает у футболистов или других профессиональных спортсменов. Одет он был не в смокинг, а в коричневый парусиновый костюм с двубортным пиджаком, из кармашка которого торчал желтый носовой платок; на ногах – белые туфли. Сорочка под пиджаком была ярко-синей, а на голове сидела белая мягкая шляпа. В зубах он держал сигару, и даже с противоположной стороны улицы на его скулах можно было разглядеть желваки, говорившие об изрядной силе. От него исходили флюиды не то непреклонности, не то себялюбия или самоуверенности, но в целом окружавший его ореол был не тем, которым мог бы похвастаться нормальный богатый человек.

– А это что за тип? – спросил Эрл.

– Бенджамин Сайджел. Больше известен как Багси¹², но в лицо его так не называют. Этакий психованный красавчик из нью-йоркского Ист-Сайда, имеющий крепкие связи с самой верхушкой. За два-три года до начала войны его отправили в Лос-Анджелес, где он руководил рэкетирами и водил дружбу с кинозвездами. Но все это чертовски интересно. Какого дьявола он делает здесь, в гостях у Оуни Мэддокса? Что за яйцо собрались снести и высидеть эти две пташки? Уверяю вас, Багси приехал сюда не для того, чтобы греть задницу в минеральной воде.

Три знаменитости тем временем немного постояли на тротуаре, обменялись несколькими фразами, беззаботно посмеялись чему-то, не обращая внимания на зевак, привлеченных мощью их обаяния. Потом они плечом к плечу поднялись по ступенькам и направились в ночной клуб.

Эрл проводил их глазами и заерзал на скамейке, чувствуя себя удрученным. Ему казалось, что это совершенно неправильно: столько прекрасных парней отдали свои жизни на говенных рифах Тихого океана «ради Америки», и вот перед ним эта самая Америка, место, где гангстеры в смокингах водят под ручку самых красивых женщин, владеют самыми шикарными клубами и вообще ведут жизнь, какой позавидовал бы махараджа. Все это – Оуни Мэддокс, Багси Сайджел – терзало его душу до крови, до боли.

– На мой вкус, – сказал он, немного помолчав, – они одеваются чересчур уж хорошо. Неплохо было бы малость извлекать их в грязи, верно?

– Это наша работа, – ответил старик. – Ваша и моя, сынок. Только думаю, что в тюрьме им позволят носить смокинги.

¹² Багси (от bugs) – ненормальный, рехнувшийся (амер. сленг).

Глава 7

Вирджиния пребывала в дурном настроении – вполне обычное дело, но этим утром ее гнев вышел далеко за пределы обычного.

– И когда же они намерены приехать? – требовательно спросила она.

– Я их вызвал. Приедут, как только смогут, – ответил Бен, уставившись на самую любимую вещь на свете – свое вызывающе красивое лицо в зеркале.

Он никак не мог правильно пристроить галстук-бабочку. Бабочка была ярко-красной, с мелкими синими значками, обозначающими что-то мудреное. Он купил галстук в «Салке», когда в прошлый раз был в Лондоне вместе с графиней.

– Ну так пусть лучше потрясут своими задницами, – сказала Вирджиния.

«Они» означало целый отряд посыльных, необходимых для торжественного перемещения Вирджинии и Бена из «Аполлона» – так назывался этот номер люкс «Арлингтон-отеля» – в лимузин, на котором им предстояло переехать на станцию железной дороги Миссури – Тихий океан, к поезду в 4:15 до Сент-Луиса, чтобы потом пересесть на экспресс «Суперчиф», шедший непосредственно в Лос-Анджелес. Такая армия требовалась потому, что Вирджиния, где бы ей ни приходилось бывать, обязательно соблюдала все тонкости высшего стиля, включая самое меньшее десяток больших чемоданов из кожи аллигатора. Бен тоже любил путешествовать стильно и тоже не был согласен ни на что, кроме кожи аллигатора, но все же ограничивал себя восемью чемоданами.

А потому восемнадцать чемоданов лежали в гостиной «Аполлона» и ждали, когда их унесут вниз. Однако Вирджиния терпеть не могла ждать. Ожидание было не для Фламинго. Оно годилось для оставшихся 99,999999 процента обитателей мира. Вирджиния решила, что ей нужно выкурить сигарету. Но когда она вышла на террасу, ее ослепило яркое солнце Арканзаса. Темные очки были уже упакованы. По какой-то причине лучи, ударившие ей в лицо, окончательно разъярили ее.

Она вернулась в комнату; сигарета несколько не успокоила ее нервы. Вирджиния не любила курить в закрытом помещении, потому что одежда пропитывалась запахом дыма. Ей хотелось скандалить.

– Этот городишко – какая-то проклятая свалка, – заявила она. – За каким чертом мы сюда приехали? Ты говорил, что я здесь встречу с людьми из кино.

– Но, дорогая, ты же действительно встречалась с людьми из кино. Ты видела Алана Лэдда, Дика Пауэлла и Джун Эллисон.

– Ты что, идиот? – ядовито осведомилась Вирджиния. – Они не люди из кино. Они – люди из Хот-Спрингса! Не понимаешь, в чем разница?

– Алан Лэдд считается знаменитым киношником! – возразил Бен.

– Да, но его жена вертит им как хочет и следит за ним, словно ястреб. И ни за что не позволит ему поболтать с симпатичной девчонкой вроде меня! Я чувствовала, как эта стерва всю дорогу пялилась на меня! Да она выцарапала бы мне глаза, вот только, если бы попробовала, я бы ей так подправила рожу, что она целый долбаный год не видела бы ничего, кроме звезд перед глазами. А этот твой Дик Пауэлл, он же просто мистер Боб из заводской лавки. Словно старпер-политикан, который только и знает, что грести взятки за каждый плевок! Знаю таких типов: на словах все до небес, а как дойдет до дела, так шиш. Улыбается – мол, как поживаете, – а на самом деле несколько мной не интересуется! Я хочу познакомиться с Кэри Грантом или Джоном Уэйном. Не со всей этой швалью, а с мистером Купером или мистером Богартом! А это все шушера. Тому, кто водится с шушерой, в Лос-Анджелесе делать нечего.

Бен вздохнул. Когда на Вирджинию находил припадок, ее можно было остановить разве что апперкотом в челюсть. Он проделывал это уже несколько раз, и ему порядком надоело.

Сколько можно дубасить девку! Порой он жалел, что не имеет мужества развязаться с нею, но при соответствующем настроении она оказывалась настоящей тигрицей в постели – с ней не могла сравниться никакая другая женщина из всех, кого он знал.

– Пойми же, я приехал сюда по делу, – сказал он. – Надо кое-чему поучиться у Оуни. У него есть прекрасные идеи.

– У этого зануды? Да он такой же англичанин, как мой дядя Клайтелл.

– Конфетка, через несколько дней мы вернемся в Лос-Анджелес. Я куплю тебе новую норку. Мы устроим большой прием. Придут настоящие звезды. А сейчас послушай. Это было очень выгодно для меня. И там тоже все пойдет на лад. Вот увидишь, чего мы достигнем за десять лет. Мы станем такими...

– Ты повторяешь это целых полгода и все равно остаешься чокнутым парнем, которого прислали в Лос-Анджелес, чтобы ты вышибал для них бабки, а я до сих пор не могу и слова сказать! Ты звонил своему адвокату?

– Видишь ли, дорогая...

– Значит, не сделал! И ты все еще женат на этой паскуде Эстель?! Ты все еще мистер Кракоу! Мистер Кракоу, не хотите ли яичницы с беконом, и давай найдем фургон до Блумингдейла, дорогой, там сегодня распродажа! Ты не только не развелся, но даже и пальцем не пошевелил для этого. Ты, чокнутый жиденыш, я знала, что ты все врешь! Лжец, лжец! Долбанный лжец!

Она отступила на шаг, схватила с приставного столика красного дерева лампу, стоявшую не менее двухсот долларов, подняла ее над головой и шагнула к Багси. Ее ноздри раздувались, в глазах пылало форменное безумие.

Но к этому времени он тоже успел утратить контроль над собой.

– Не смей называть меня чокнутым! – взревел Бенни.

Ничто не выводило его из себя так, как это слово. В мозгу вспыхнула ослепительно белая молния, начисто спалившая все сдерживающие начала. Он расправил плечи, сжал кулаки и сделал шаг навстречу своей противнице, которая наступала на него с яростным видом.

Но тут стук в дверь известил о прибытии носильщиков. Вирджиния фыркнула, поставила лампу, открыла дверь и гордо направилась к лифту.

Вирджиния с каменным выражением на лице взидала на Хот-Спрингс, проплывавший за окном «кадиллака». При ярком дневном свете это был всего лишь очередной дрянной городишко наподобие Толедо или Падьюки.

– Вирджиния, – обратился к ней Оуни, – вы не принимали наши знаменитые ванны? Очень успокаивает нервы.

– Вот еще, чтобы я позволила всяким черномазым драть меня железными щетками! А прическу прикажете загубить? И пальцы на ногах сморщатся, как изюм, – возмущенно ответила Вирджиния.

– А-а, понятно. Конечно, кому что нравится, – ответил Оуни.

Бен вскинул на него быстрый взгляд, предупреждая о том, что его подруга пребывает не в настроении.

Оуни кивнул, откашлялся и ответил Бену понимающим взглядом.

– Оживленное место, – заметил Бен. – У вас тут дела и впрямь идут что надо.

– Да, не могу не согласиться. Это можно назвать будущим.

Бен кивнул. Он понимал, что Оуни воспринимает себя не просто как профессионала, а скорее как старого мудреца, которого посещают редкие, но меткие озарения. Именно поэтому многие нью-йоркские деятели относились к нему как к трепачу, не желали прислушиваться к его предсказаниям и передразнивали, хоть и осторожно, его английские манеры. Но Бен был любопытен и имел свои соображения.

– Будущим?

– Да. Полагаю, вы можете сами увидеть это, Бен. Вы способны это почувствовать. Это почти так же, как с Браком, висящим в моей квартире. Вы должны это *чувствовать*. Если вы почувствуете, то можете понять его значение во всей глубине.

Неизменно спокойное выражение лица Бена призывало Оуни продолжать, а также заставляло предположить, будто Бен глуп и нуждается в наставлениях, что совершенно не соответствовало истине.

– Будущее. Бен, проводная связь мертва. Война убила ее. Благодаря войне, старина, технологии связи стали развиваться по экспоненте. Нам было необходимо контролировать телеграф и телефон, потому что мы управляли коммуникациями. Мы были *организованными*. Мы могли получить информацию о любых скачках и спортивных соревнованиях по всей стране в считанные секунды, и никакая другая организация, включая американское правительство, не была способна конкурировать с нами. Информация – это власть. Информация – это богатство. Но началась война, и в конце концов правительство сообразило, насколько важна информация для управления предприятием всемирного масштаба. Сообразило и начало финансировать исследования в этой области. После того как джинн выйдет из бутылки, загнать его обратно нельзя никакими силами. Следующие несколько лет, Бен, заставят вас изумиться. Как насчет телевидения? Это великое дело! А прямая телефонная связь? Мгновенная, без операторов или промежуточных станций. Счетные машины высшего качества, благодаря которым обычный человек сможет производить сложнейшие вычисления. Так что наше великое преимущество утеряно, а с ним источник нашего богатства и власти. Мы должны измениться! Измениться или умереть! В Нью-Йорке не понимают этого, но поверьте мне, грядут большие перемены. Нужно подчинить их себе, не бояться их, а суметь использовать в своих интересах, разве вы не видите?

Бен кивал с понимающим видом. В 1940 году они с графиней были в летнем доме Муссолини и слушали, как этот лысый выпендрежник разглагольствует на такие же темы. Будущее! Завтра! Коренные перемены!

И чем ему это помогло, когда его расстреляли, а потом повесили вверх тормашками на крюке, прикрепленном к рояльной струне, и старые крестьянки заплевали его жирный труп?

– Да-да, понимаю, – с невинным видом откликнулся он.

– Бен, наше будущее – в казино. Именно туда пойдут самые большие деньги. Город казино, город, которым мы будем владеть и управлять. Именно это я пытаюсь создать здесь, медленно и верно, имея в виду долгосрочную цель: сделать игорный бизнес легальным в Арканзасе. Это все равно что получить лицензию на чеканку денег. Сюда нахлынут миллионы людей. Днем они будут шляться по городу, обедаться – пища будет недорогой, даже дешевой, – смотреть шоу, для начала с Перри Комо и Бингом Кросби, а по ночам погружаться в волшебный мир, испытывать острые ощущения и волнение, которые прежде были доступны только самым крупным шишкам и вырождакам из аристократических фамилий. Они будут платить! Платить с величайшей охотой! В конечном счете мы превратимся в американскую корпорацию наподобие «Синклер ойл», или «Моторола», или «Ар-си-эй». В конечном счете мы сами станем Америкой!

– Разговоры, разговоры, одни разговоры! – отрезала Вирджиния. – Вы, чурбаны. Чикагские шулеры обернут вас до нитки, а вы даже не заметите. Ничего не изменилось и не изменится, Оуни. Эти старые ублюдки ни с кем не станут делиться тем, на чем сидят своими задницами. Пришьют вас и глазом не моргнут, стоит только заикнуться о перемене этих гребаных правил.

Они так увлеклись разговором, что ни один из них не заметил черного «форда» 1938 года выпуска с двумя мрачными детективами, тащившегося за ними на расстоянии нескольких автомобильных корпусов.

Поезд вытянулся у перрона, словно жирная желтая змея, поражая своей толщиной и длиной. Дизельный локомотив, казалось, тосковал по горизонту, по равнинам, которые нужно было пересечь, по рекам, которые следовало преодолеть, по горам, на которые предстояло подняться. Обтекаемый, он напоминал ракетный корабль; маленькая кабинка находилась в двадцати футах над землей. Машина издавала глухой шум и таинственное ворчание; ее опекал сонм почтительных хранителей. Проводники и прочая железнодорожная обслуга рыскали по платформе, проверяли билеты, направляли людские потоки внутрь и наружу. Толпа на перроне бурлила.

Среди всей этой суеты, безразличные к ней, стояли два великолепно одетых лорда, куря гигантские сигары и с величественным видом ожидая отправления. Для того чтобы занести багаж в купе, требовалось время, и поэтому Оуни и Бен вспоминали былое.

– Тот поезд взяли где-то здесь, верно? – поинтересовался Бен.

– Именно так, старина.

– Девятнадцать сорок один?

– Девятнадцать сорок.

– И что там хапнули?

– Насколько я помню, более четырехсот тысяч наличными. «Алкоа» везла зарплату на свои бокситовые рудники в Хэтти-Флетчер. В Боксит.

– Боксит?

– Да, старина. Они назвали город в честь единственного добываемого там продукта – боксита. Боксит из Боксита управляет миром – при помощи какого-то алхимического процесса, в котором я ничего не понимаю, его превращают в алюминий, а потом делают легкие суда, самолеты и оружие. Мы выиграли войну благодаря алюминию. Чудесный металл. Металл будущего.

– Проклятье, мне кажется, что здесь, в Хот-Спрингсе, будущее на каждом шагу! Это случилось прямо здесь, на станции?

– Строго говоря, не совсем. Это был почтовый вагон, и поезд стоял на грузовом дворе товарной станции. Его отсюда не видно, но это на самом деле двор. Там несколько путей, башня, с которой управляют движением, и склады с другой стороны. Вы увидите это место, когда поедете.

– А что команда? Ее ведь так и не сцапали?

– Совершенно верно. По-видимому, приезжие. Ни один местный вор не способен на такую виртуозную работу.

– Я слышал, что это были детройтские парни, которые обычно работают на «Пёрплз». Кое-кто из них во времена беспредела ходил под Джонни Ди. Знают, с какой стороны братья за пушку. Я слышал это от самого Джонни Испанца.

– Я думал, его уже нет на свете.

– Никто и никогда не сможет убить Джонни Испанца. Лучший стрелок во всей Америке.

– Что ж, раз вы так говорите... Я-то считал, что лучшим стрелком в Америке был я. Я мог бы много рассказать вам о своих невероятных приключениях в Нью-Йорке, перед Большой войной!

Оба рассмеялись. Бен глубоко затянулся своей сигарой, лучшим из лучших продуктов Гаваны, и окинул взглядом перрон, залитый лучами вечернего солнца. И внезапно подумал: «А где Вирджиния?»

– Где Вирджиния? – спросил он; тревога разом вытеснила владевшую им приятную вялость.

– Но ведь она стояла здесь секунду назад, – ответил Оуни.

– Она была в кошмарном настроении сегодня утром. Иногда она бывает совершенно несносной, – сказал Бен, осматриваясь вокруг и отгоняя подступившую к сердцу панику.

Наконец он увидел ее. Вирджиния гуляла по платформе и курила, пока носильщики грузили их багаж. Но с кем она разговаривала? Сквозь толпу он не мог разглядеть как следует, понимая только, что этого человека он не знает. Но в следующий момент народ, как по волшебству, расступился, и он увидел ее непрошеного спутника. Высокий, крутой с виду джентльмен в синем костюме и надвинутой на глаза мягкой фетровой шляпе, судя по всему, привыкший командовать. Бен сразу учуял копа, а еще через секунду им овладел гнев, полностью лишивший его способности рассуждать.

– Будь она проклята! – рявкнул он.

Его лицо побелело от ярости, в висках запульсировала кровь, и он решительно зашагал туда, где застряла его женщина.

Утро они потратили на изучение игорных заведений, которых в городе были сотни – и мелкие, самые низкопробные букмекерские конторы в негритянских районах Малверна, и заурядные залы с игорными автоматами на западной стороне Уошито-авеню, и достаточно аристократический «Тадж-Махал» на Централ-авеню. Любой из этих притонов мог быть центральной конторой, но как это узнать? Ни один из семи или восьми, которые они осмотрели снаружи и изнутри и где проиграли по несколько четвертаков, не показался им хоть чем-то примечательным. В конце концов они остановились возле греческой кофейни и взяли гамбургеры и кофе.

– Так вот чем занимаются полицейские? – спросил Эрл. – Шляются по городу и изучают обстановку?

– В основном, – согласился Ди-Эй, откусывая хороший кусок гамбургера. – Но когда случается настоящее дерьмо, это происходит быстро. Точно так же, как на войне.

– Ладно, мистер Паркер. Я верю вам.

– Эрл, прежде чем все это кончится, вы вспомните первые дни с некоторой ностальгией. Начало всегда привлекательнее продолжения.

Эрл кивнул и вновь принялся за свой бургер.

Через некоторое время Ди-Эй отошел, кинул пятицентовик в телефон-автомат и набрал номер. Вернулся он с широкой улыбкой на морщинистом загорелом лице.

– Мой агент в «Арлингтоне», один из посыльных, говорит, что Багси и его красотка сегодня выезжают и они чуть не всей гостиницей отправляются наверх – выносить и грузить в машину их багаж. Давайте отправимся туда и посмотрим, не сможем ли мы прицепиться к ним.

Эрл поставил свою кружку с кофе и бросил на прилавок несколько монет. Двое мужчин вышли и уселись в свой «форд».

Когда они добрались до «Арлингтона» и припарковались на Централ-авеню, не выпуская из виду главный вход, выяснилось, что задача совсем не сложная. Тридцатифутовый лимузин отъехал от главного входа отеля. За ним следовал пикап, полный багажа и чернокожих мужчин. В третьем автомобиле, «додже», сидели шестеро боевиков из числа бандитов Оуни (все родом из горных районов, они принадлежали к одному семейству Грамли), тупо посматривая вокруг – якобы следили за безопасностью.

Эрл и Ди-Эй следовали за кортежем на небольшом расстоянии и видели, что пассажиры лимузина все время разговаривают. Эрл обратил внимание на то, что беседовали в основном Багси и Оуни. Женщина по большей части смотрела в окно; ее неподвижное лицо напоминало маску. Кавалькада влилась в напряженный поток уличного движения на Централ, и полицейский регулировщик поспешно переключил светофор, открывая путь важным персонам. Ди-Эй и Эрлу пришлось остановиться на красный. Когда они добрались до станции, чернокожие мужчины в ливреях уже извлекли багаж из грузовика, погрузили на несколько ручных тележек и покатали к большому желтому поезду.

– Это поезд Атчисон – Топика – Санта-Фе? – поинтересовался Эрл у Ди-Эй, который выехал на Маркет-стрит и теперь искал, куда приткнуть машину.

– Нет, Эрл, не тот. Это Миссури – Тихий океан, отправление в четыре пятнадцать на Сент-Луис, первый этап в поездке до Лос-Анджелеса. Давайте выйдем, послоняемся и поглядим, что получится. Скорее всего, толку не будет, но уж больно я устал от букмекеров из Нигертауна.

– Полностью согласен, – ответил Эрл.

Они порознь прошли через толпу на перроне, которая становилась тем гуще, чем ближе становилось время отправления. Эрл закурил сигарету, нашел столб, прислонился к нему и принялся покуривать и разглядывать платформу. Довольно скоро он обнаружил обоих гангстеров, которые оживленно разговаривали, стоя около здания вокзала; каждый из них курил гигантскую сигару. Похоже, что эти парни неплохо проводили время. Ничего особенного не происходило, если не считать того, что в поезд садилось все больше и больше народу и проводники начинали потихоньку звереть. Поглядев на «гамилтон», Эрл увидел, что уже почти четыре часа. Скоро всем скомандуют занять свои места. Нога немного побаливала; левое запястье тоже беспокоило. Эрл несколько раз согнул левую руку и переступил с ноги на ногу, пытаясь отвлечься от боли. Он не привык носить галстук целыми днями, и это тоже действовало на нервы, но он не собирался ослаблять узел, даже невзирая на сильную жару, пока Ди-Эй не сделает этого первым. Он мечтал принять основательный горячий душ в своем номере.

Внезапно Эрл заметил, что перед ним кто-то остановился, и мысленно выругал себя за рассеянность. Это оказалась женщина. Темно-рыжие волосы были собраны в пучок под желтым беретом. Она была одета в желтый дорожный костюм с юбкой до колена, открывавшей ноги в белых туфлях гораздо выше, чем у большинства женщин. Темные глаза смотрели прямо ему в лицо.

– Эй, красавчик, – сказала женщина, – вы зажгли последнюю спичку, чтобы закурить, или у вас в коробке есть еще пара штук?

Ничего похожего на женскую застенчивость. И пахло от нее тоже не так, как от остальных. Акцент у нее был тягучим и приводил на память горячие лепешки, которые подают прохладным южным утром. Эрл решил, что она из Джорджии или Алабамы.

– Пожалуй, найдется, мэм, – ответил он. – Позвольте, я проверю.

Он извлек коробок из внутреннего кармана, ловко открыл его, вынул спичку, чиркнул и сложил ладони чашкой. Его большие руки успешно защищали слабое пламя от порывов ветра. Женщина подошла к нему вплотную, приложила свои ладони к его рукам, чтобы еще больше прикрыть огонек, и сунула кончик «честерфилда» в пламя.

– Вот и все, – сказал Эрл.

– Благодарю вас, мне это было нужно.

Она отступила, глубоко затянулась и выдохнула длинную струю дыма.

– Я вас, кажется, знаю. Вы ведь снимаетесь в кино? – спросил он.

– Было пару раз, малыш, – ответила женщина. – Только нужно очень уж сильно пялить глаза, чтобы увидеть меня на экране. Это дрянной бизнес, если не знаешь больших парней, а я, так уж получилось, знаю не тех больших парней. Больших парней, с которыми я знакома, все слишком боятся. А вы, красавчик, часом, не знакомы с какими-нибудь большими парнями?

– Нет, мэм, – сказал Эрл, улыбнувшись. – Разве что парочка генералов, вот и все.

– О, солдатик. А я решила, что вы коп.

– Вообще-то, я был морским пехотинцем.

– Могу держать пари, что вы уложили кучу японцев.

– Знаете, мэм, это нельзя сказать наверняка. Все происходило очень быстро, дыму столько, что в двух шагах ничего не видно.

– Мой чурбан-друг торчал в Лос-Анджелесе, сидел на проводе, по которому передавали спортивные новости. Он настоящий герой, вошь поганая. Затянул меня в этот городишко, чтобы, мол, встретиться с киношниками, а они здесь – сплошная шушера, дрянь. Я десять лет убила на то, чтобы выбраться из таких вот городишек, и вот я опять в дыре.

– Вы из Джорджии, мэм?

– Из Алабамы. Бессемер, город стали. Если вы там не бывали, то можете считать, что ничего не потеряли, мой сладкий. Я...

Боковым зрением Эрл заметил чье-то приближение. Человек казался разъяренным, разгоряченным едва ли не докрасна и несся так быстро, что кто-нибудь другой мог бы растеряться.

– Что здесь происходит, твою мать?

Это был Багси Сайджел; его ноздри раздувались, а глаза побелели от злости. Около углов рта застыли серые желваки. Тело излучало неприкрытую агрессию, а зрачки прищуренных глаз походили на две булабочные головки.

Он грубо схватил женщину за локоть и дернул так резко, что у нее мотнулась голова и хрустнули шейные позвонки. А он продолжал стискивать ее руку с такой силой, что у него побелели суставы на пальцах.

– Что это значит, Вирджиния?! – гаркнул он.

– Господи, Бен, я только попросила у этого бедного парня огоньку, – ответила она, пытаясь высвободить руку.

– Сэр, – вмешался Эрл, – здесь не было вообще ничего.

– Заткнись, ковбой. Будешь говорить, когда я тебе прикажу. – Он снова повернулся к Вирджинии. – Ты, обдолбанная шлюха, у меня так и чешутся кулаки, чтобы начистить тебе харю. Живо в поезд. Шевелись, уноси отсюда свою проклятую задницу!

Он толкнул ее в сторону вагона и шагнул было следом. Но вдруг передумал и вернулся к Эрлу. Его яростные глаза мерили незнакомца с головы до ног.

Эрл ответил ему твердым взглядом.

– Что уставился, мужлан?

– Я никуда не смотрю, сэр.

– Ты, поганый пес, я просто обязан вытряхнуть из тебя дерьмо прямо здесь. Я должен втоптать тебя в асфальт. Ты никто. Просто кусок гребаного дерьма.

Ярость придавала его лексикону особую красочность.

– Бен, оставь бедного парня в покое. Я спросила...

– Заткнись, лахудра! Да засуньте ее в поезд, черт возьми! – заорал он на двоих Грамли, которые подошли на тот случай, если ему потребуется поддержка.

Эрл увидел самого Оуни, а позади него – еще двоих телохранителей, стоявших в нескольких шагах. Вокруг уже столпились зеваки, но, несмотря на многочисленность, стояла почти мертвая тишина.

– Да ты знаешь, кто я такой? – продолжал орать Бен.

– Бен, держите себя в руках, – сказал издали Оуни.

– Он же просто парень с платформы! – выкрикнула женщина, вырываясь из рук громил.

Но теперь гнев Бена полностью сосредоточился на Эрле, который стоял на том же месте с непроницаемым лицом.

– Ты знаешь, кто я такой? – снова выкрикнул Сайджел.

– Нет, сэр, – ответил Эрл.

– Твое счастье, что не знаешь, гребаный идиот. Знал бы, у тебя бы яйца от страха раскололись. Ты бы полные штаны наложил. Ты на кого тут разгавкался? Да тебе не должно быть места в одном штате со мной, понимаешь, придурок деревенский?

– Да, сэр, – сказал Эрл. – Я только зажег спичку, чтобы леди прикурила сигарету.

– Ну так скажи спасибо своей гребаной счастливой звезде, что я не суну тебя под поезд. Ты понял это, пастух дерьмовый? Понял, я спрашиваю?

– Да, сэръ, – ответил Эрл.

Багси подался почти вплотную к нему.

– Я убил семнадцать человек, – процедил он. – Скольких убил ты, жалкая деревенщина?

– Точно не знаю. Человек триста или триста пятьдесят, – ответил Эрл.

Багси невольно взглянул ему в лицо.

– И смотрите, – проникновенным голосом добавил Эрл, – такая забавная штука: те парни, которых я убивал, все до одного пытались убить меня. У них были и винтовки, и пулеметы, и танки. А парни, которых убивал *ты*, сидели в парке или на заднем сиденье автомобиля и думали о футбольном матче.

Сказав это, он чуть заметно улыбнулся.

В первый момент Багси остолбенел. Никто никогда не говорил с ним таким тоном, особенно во время его хорошо отработанных припадков ярости. А больше всего он был задет тем, что этот деревенский олух нисколько не боялся его. Парень улыбнулся Багси и – чтоб он сдох, чтоб он сдох, **ЧТОБ ОН СДОХ!** – самым натуральным образом подмигнул.

Багси нанес удар правой рукой. Конечно же, не наотмашь – он отлично дрался и знал, что от удара наотмашь легко закрыться или уклониться. Это был удар снизу вверх, в который вложили всю силу тренированного тела, обладавшего молниеносными рефлексам, стальной мощью, великолепной координацией и направляемого контролируемой яростью. Он хотел ударить ковбоя прямо под левый глаз.

Он выбросил вперед кулак и довольно долго – что-то между пятой и шестой тысячными долями секунды – ощущал нарастающее удовольствие, которое всегда рождал в нем триумф в сражении, удовольствие от момента, когда он навязывал непослушному миру свою волю, от силы своей личности, от своей красоты, от своей хитрости, от всех качеств, несомненно нашедших в нем наивысшее воплощение. Он знал важных людей! Он знал с кинозвездами! Он трахал графиню, он трахал Уэнди Барри, он трахал сотни самых красивых во всем мире звездочек! Он был Багси, Багмен, Багхаус¹³, друг Мейера и Лаки, он очень даже немало значил в этом мире!

А потом это ощущение исчезло. Со скоростью, которую он, пожалуй, даже не мог себе представить, ковбой подставил очень сильную руку под его запястье, чтобы не столько блокировать удар, сколько просто изменить его направление, а второй рукой ударил сам.

Багси не был трусом. Ему приходилось участвовать во множестве уличных драк, и в большинстве из них он одерживал победы. Он не знал усталости в драке, если ее результат имел для него значение, а его знаменитая ярость позволяла отключать чувство боли – та доходила до сознания лишь спустя несколько часов. Ему приходилось выдерживать множество ударов. Но такого, как сейчас, он еще никогда не получал. Короткий правый удар, нанесенный с расстояния, пожалуй, дюймов в десять, но с превосходным знанием дела. Кулак попал чуть пониже сердца и, похоже, сломал сразу три ребра. Это был молот, поршень, звуковой удар реактивного самолета, атомная бомба. Удар сразу вышиб дух из Багси. Перед глазами сначала покраснело, потом почернело, ноги подогнулись, и он осел на платформу, испуская звуки, похожие не то на скрип, не то на дребезжание, чувствуя, как из ноздрей течет желчь или кровь, грозящая бесповоротно уничтожить его любимый галстук-бабочку. В следующее мгновение его стошнило, и он изверг все, что съел за завтраком. Он забился в конвульсиях, прижал колени к груди, пытаясь отогнать боль, отчаянно хватал ртом воздух и чувствовал то, о чем успел забыть за последние годы, – *страх*.

¹³ *Bag man* – посредник между преступным миром и полицией, также держатель «общака» – гангстер, собирающий откупные деньги и распределяющий их среди членов шайки. *Bughouse* и *Bugsy* – сумасшедший, чокнутый.

Его противник присел рядом с ним на корточки.

– Знаешь, что я тебе скажу? – произнес Эрл. – Я ведь ударил вполсилы. А если еще раз увижу тебя в этом городе, врежу так, что у тебя кишки размотаются под ногами. Теперь садись в поезд и уезжай подальше. И не возвращайся сюда никогда, ни для чего, ни по какому случаю.

Он выпрямился и взглянул Оуни в глаза.

– Может быть, вы или кто-нибудь из ваших парней хочет помериться со мной силами, мистер Мэддокс? Прошу.

Оуни и вся его команда под фамилией Грамли отступили.

– А я-то надеялся, – сказал Эрл.

Он усмехнулся, подмигнул рыжей красотке и пошел прочь.

Глава 8

После того как к Багси вернулась способность говорить и держаться на ногах, но не цвет лица, он обратил свой гнев на Оуни, требуя от того немедленно сказать, кто этот наглый ковбой. Оуни сознался, что видел его впервые в жизни. Пока двое Грамли под руки вели Багси, изо всех сил пытавшегося превозмочь боль в боку, к пульмановскому вагону, он произносил фразы, которые следовало расценивать исключительно как эдикты, подкрепленные всей мощью его подельников:

– Узнайте, кто этот парень. Выясните, где он живет, с кем и под кем ходит, чем занимается. Узнайте про него все до последних мелочей. Но не трогайте его даже пальцем. Я сам его трону. Он мой, поняли?

Оуни кивнул.

– Любовь моя, – с деланным сочувствием вмешалась Вирджиния, – а чем ты собираешься его тронуть? Гаубицей? Атомной бомбой? Реактивным самолетом? – Она победным жестом отбросила назад волосы и рассмеялась громким грудным смехом, звучавшим сочно и хриловато. – Дорогой, – продолжила она, отсмеявшись, – у тебя же кишка тонка снова полезть за колотушками, вот что я тебе скажу. Ха! Как он тебе врезал! Ты бы видел себя! Бедный старикашка. Вот ты и дожил: белый приложил тебя так, что ты чуть не отбросил копыта!

– Вирджиния, заткнись, – приказал Багси. – Это ты во всем виновата.

– По-твоему, я могла предполагать, что он сильнее Джека Демпси? Нет-нет, ты сам оказался идиотом и стал задираться. Не видел, что это крутой парень? По нему сразу видно. Он стоял как крутой. И разговаривал как крутой. И, радость моя, кулаки у него тоже крутые!

– Не хотите пригласить доктора, старина? – спросил Оуни. – Мы могли бы задержать поезд.

– И позволить этому олуху еще раз посмеяться надо мной? Чтобы какой-то деревенский костолом указывал на меня пальцем? Нет, Оуни, бо-ольшое спасибо. Вы говорили, что держите весь город в руках. Говорили, что нам здесь не угрожает никакая опасность, что в городе, принадлежащем Оуни, ничто не происходит без его согласия. И тем не менее кое-что происходит. Какой-то громила. Наверняка боксер-профи. Никогда не видел парня, который умел бы так быстро махать руками, и еще ни разу в жизни ни один долбак не долбал меня так сильно. Так что, может быть, у вас не такой уж безопасный город и работа ваша не так уж хороша.

С этим он решительно, хотя и сильно хромая, вскарабкался по лесенке в тамбур спального вагона поезда Миссури – Тихий океан и был почтительно препровожден в купе целой толпой негров-проводников.

Вирджиния последовала за ним, но когда поставила ногу на ступеньку, обернулась и шепотом обратилась к Оуни, который тоже еще не пришел в себя от потрясения.

– Скажите этому ковбою, чтобы держал ухо востро. Проклятый Багмен злопамятен, как черт. И передайте этому милашке: если его когда-нибудь занесет в Лос-Анджелес, пусть разыщет там меня!

Вскоре после этого поезд тронулся, и Оуни понадеялся в глубине души, что навсегда распрощался с Бенджамином Сайджелом по прозвищу Багси, который приезжал «отдохнуть и принять лечебные ванны» по настоянию Мейера Лански и Фрэнка Костелло, очень важных нью-йоркских персон.

– Ладно, – сказал он, проводив взглядом последний вагон и обращаясь не столько к обступившим его Грамли, сколько к самому себе, – теперь понятно: здесь что-то происходит. Узнайте, кто этот парень, причем быстро. Но не трогайте его! Здесь творятся какие-то дела, и я должен знать, что за дерьмо заваривается у меня под боком.

Оуни был не на шутку встревожен: назревали большие перемены, он знал это наверняка и, чтобы удержаться на гребне волны, обязан был добиться того, чтобы его дела шли без сучка без задоринки. Хот-Спрингс должен был оставаться маленькой, абсолютно спокойной империей, где не случается ничего непредвиденного, куда парни, принадлежащие к разным бандам, могут спокойно приезжать и спокойно развлекаться, встречаться, общаться между собой, не имея проблем с законом. Именно это он продавал. Это был его главный и неповторимый продукт. Все, чем он обладал, появилось благодаря этому. Лишившись этого, он лишится всего.

– Мистер Мэддокс, он давно уже ушел, – сообщил Флем Грамли, один из сыновей Папаши Грамли, старший из братьев. – Затерялся в толпе, мы даже не успели заметить, куда он направился. Кто бы мог подумать, что у какого-то парня хватит смелости помять ребра Багси Сайджелу?

– Найдите его.

Вот и все, что смог ответить Оуни.

Они отъехали от станции молча. Эрл хмуро смотрел вперед. Его рука немного ныла. Он подумал, что утром она разболится по-настоящему.

– Знаете, что я вам скажу? – нарушил наконец молчание Ди-Эй. – Никогда еще не видел, чтобы один человек так сильно бил другого. Вы, наверное, занимались боксом.

– Немного, – проронил Эрл.

– Профессионально?

– Нет, сэр.

– Эрл, мы тут не в игрушки играем. Где? Когда? Как?

– В тридцать шестом, тридцать седьмом и тридцать восьмом. Я был чемпионом Тихоокеанского флота в среднем весе. Третий чемпионат выиграл у очень крепкого поляка. Мы дрались на старом линкоре «Аризона» в Манильском заливе.

– Вы очень быстро двигаетесь, Эрл. Таких быстрых рук я ни у кого не видел, даже у Младенца. Должно быть, вы немало поработали с мешком за эти годы.

– Да, сэр, по правде говоря, размолотил несколько штук.

– Эрл, вы та еще штучка.

– Со мной все в порядке, – ответил Эрл. – Но я допустил ошибку, верно?

– Да, Эрл, так и есть.

– Я должен был позволить ему ударить меня?

– Да.

– Понятно, – сказал Эрл.

Он почти сразу понял, что допустил промашку, и прокрутил случившееся в мыслях, поэтому заранее знал, что намеревается сказать ему старик.

– Вы ведь сами понимаете, в чем дело, Эрл?

– Да, сэр, понимаю, – ответил Эрл. – Я позволил моей гордости взять верх. И позволил этому маленькому ничтожеству там, на платформе, занять слишком много места в моих мыслях.

– Именно так, Эрл.

– Теперь я понимаю, как должен был себя вести. Я должен был позволить ему ударить себя. Повалить меня на землю и почувствовать себя королем. Я должен был просить его больше не бить меня. Тогда он подумал бы, что я испугался его, что он поймел меня, как хотел. И если бы нам пришлось снова встретиться, он смотрел бы на меня, как солдат на вошь, а у меня появилась бы возможность пригвоздить его к двери ближайшего сарая так, чтобы он никогда уже не освободился.

– Все верно, Эрл. Вы умеете учиться. Но есть и другая сторона. Вы начисто забыли об осторожности. Вы имели дело с вооруженным полусумасшедшим профессиональным преступ-

ником, окруженным такими же, как он, вооруженными до зубов мерзавцами. У вас не было оружия. Если бы вы ударили его еще раз, то, скорее всего, уже были бы мертвы, и ни один суд присяжных в округе Гарленд не вынес бы обвинительного приговора вашим убийцам – не забывайте о влиянии Оуни, который принялся бы защищать Багси. Получается, что игра вовсе не стоила свеч.

– Я не привык слишком беспокоиться о себе, – ответил Эрл.

– Как и подобает настоящему герою. Но время героизма закончилось, Эрл. Настало время согласованных несиловых действий, осторожной профессиональной разведки, подготовки, дисциплины. Дисциплины, Эрл! Я знаю, вы сможете вдолбить молодым полицейским, что мы должны соблюдать строжайшую дисциплину. Но вы должны и сами показывать пример, стать воплощением дисциплины. Вы меня понимаете?

– Да, сэр.

– Мне вовсе не по душе то, что приходится таким тоном говорить с героем нации, но я должен выложить все начистоту.

– Ну так валяйте, сэр, говорите.

– Это хорошо, Эрл. Это очень хорошее начало.

Некоторое время они опять ехали молча.

– Теперь они знают, что в городе появился новый парень, а то и несколько, – сказал Эрл после долгой паузы.

– Да, Эрл, знают.

– И поэтому нам не следует возвращаться в гостиницу?

– Правильно.

Они выехали из Малверна, миновав негритянский квартал; старик то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида. В негритянских публичных домах и в пивных уже начиналось оживление, говорившее о приближении долгой шумной ночи. Проститутки выглядывали в окна, покуривали, что-то кричали. На тротуарах сутенеры уговаривали прохожих, независимо от расовой принадлежности, зайти в заведение – выпить пива после жаркого дня и, может быть, развлечься как-нибудь еще. Время от времени попадались негритянские казино довольно жалкого вида, не такие большие, как игорные дома для белых. Но чаще всего перед глазами мелькали просто чернокожие люди, сидевшие без дела, скучавшие, поглядывавшие по сторонам.

– Эрл, скажите, что у вас оставалось в комнате?

– Смена нижнего белья. Постиранное белье в ванной. Несколько пар носков. Две новые рубашки. Бритва, мыльный порошок. Зубная щетка и тюбик «Колгейта». Пара пачек сигарет.

– Какие-нибудь книги, документы, что-нибудь еще в этом роде? То, по чему можно установить вашу личность?

– Нет, сэр.

– Вот и хорошо. Вы проживете без этого барахла?

– Легко.

– Это хорошо. Если я что-то понимаю в этой жизни, они уже переворачивают город вверх тормашками в поисках Джо Луиса¹⁴, который так грубо обошелся с их почетным гостем. Я заплатил за номера до следующего понедельника, и если мы рассчитаемся сегодня или примемся упаковывать вещи и укладывать их в машину, сразу станет понятно, кто мы такие. Поэтому лучше всего тихо исчезнуть. Они проверят во всех отелях, кто внезапно сорвался или уехал, не расплатившись. Если мы не сделаем ничего, что привлекло бы к нам ненужное внимание, то еще некоторое время поведем их за нос.

– Да, сэр, – сказал Эрл. – Пожалуй, я немного сожалею.

¹⁴ Джо Луис (Джозеф Луис Барроу; 1914–1981) – американский боксер, чемпион мира в тяжелом весе (1937–1949).

– Эрл, в этой работе от сожаления нет никакого толку. Уверенность куда лучше, чем сожаление. Запомните: разум – лучшее оружие. Думайте головой, а не быстрыми кулаками.

Повинуясь приказу Оуни, семейство Грамли и в самом деле перевернуло город вверх тормашками. У местного заправилы имелась команда парней, во время сухого закона занимавшихся проводкой караванов со спиртным, а теперь – осуществлением всех жестких мер, которые он считал необходимыми. Эта команда состояла из многочисленных Грамли, связанных между собой различными степенями родства: несколько Лютов, множество Биллов, не менее трех, а возможно, даже семь Слайделлов, а также Верн и Стив. Слайделлы Грамли считались хуже всех, и их нужно было держать порознь – они всегда подначивали друг друга убить парочку-другую лишних людей, чем порой портили дело.

Один Грамли посетил все гостиницы, мотели и палаточный лагерь и везде изучил – когда с полного согласия персонала, а когда и с угрозами – регистрационные книги. Двое, Билл и Лют, обошли публичные дома, порасспросили мадам и девочек и пережили попутно несколько сексуальных приключений, что было вполне ожидаемо. В конце концов, Грамли есть Грамли. Еще несколько Грамли проверяли водолечебницы. Другие вылавливали по городу многочисленных посыльных и монтеров связи, работавших на Оуни, и передавали им приказ: держать глаза широко открытыми. Оуни даже велел нескольким своим парням-неграм – это были определено не Грамли – посетить черные районы и порасспросить людей, так как ни в чем нельзя было быть уверенным: времена изменились, белые люди вполне могли скрываться среди негров и иметь с ними общие дела. Кто знает, какие еще чудеса преподнесет сорок шестой год? Даже полиции были даны определенные рекомендации. Впрочем, Оуни не ждал от нее многого: от копов всегда было мало толку.

Но все эти усилия ничего не дали. На след ковбоя напасть не удалось. Оуни начал беспокоиться.

Поздно вечером он сидел на своей крыше, высоко над потоком машин и людей, протекавшим по Сентрал-авеню, шестнадцатью этажами ниже. Была мягкая арканзасская ночь. На стеклянном столике возле него стоял стакан с мартини, а в пепельнице лежала сигарета, заправленная в мундштук. Перед собой он видел стену, испещренную светящимися окнами, – отель «Арлингтон» был полон сосунков с туго набитыми карманами, мечтавших сделать вклад в благосостояние Оуни. Правее гостиницы возвышалась гора Хот-Спрингс с двадцатью семью скважинами горячей воды, успокаивающей души и излечивающей триппер.

В руках Оуни держал голубя – приятную гладкую птицу с живыми фиолетовыми радужками во весь глаз, с теплом, доходившим до самого сердца Оуни, с грудью, раздувавшейся от нежного воркования. Настоящее воплощение тепла и нежности.

Он пытался разобраться в своих проблемах, и ни одна из них не казалась особенно серьезной, если рассматривать ее по отдельности, но вместе они слагались в довольно серьезный нажим. На него охотился Колл Бешеный Пес, он задолжал пару пуль «Гудзонским тряпичникам», постоянно ощущал наезды Тома Дьюи, сумел разобраться с самыми серьезными людьми из Нью-Йорка, так что нынешние дела не должны были иметь никакого значения.

Однако имели. Возможно, он начал стареть.

Оуни поглаживал птицу по голове и вдруг сделал интересное открытие. Раздумывая о том, что мешало ему жить, он незаметно для себя выдавил жизнь из голубя. Птица была бесповоротно мертва.

Он бросил трупик в корзину для бумаг, одним глотком допил мартини и ушел внутрь.

Часть 2

Дневная жара Август 1946 года

Глава 9

В первое утро Эрл вывел группу молодых полицейских на спортивное поле, находившееся в центре городка, из недавно опустевших казарм на территории армейских складов в Ред-Ривер, обнесенной несколькими милями колючей проволоки. Безжалостно жгло тexasское солнце. Все были одеты в шорты и спортивные туфли. Он гнал их нещадно. Гнал непрерывно. Гнал вперед и вперед. Никто не выбыл. Но никто не мог сравниться с ним. Чтобы задать им ритм, он громко напевал бессмысленные песенки, которые были в ходу у морских пехотинцев:

Я не знал, но мне сказали: Эскимо вкусней едва ли. Ты бежишь, Раз-два, Словно мышь, Три-четыре.

Их было двенадцать, молодых людей, имевших хорошую репутацию и приличную подготовку. За время многолетних странствий в джунглях закона Ди-Эй завел знакомства с множеством полицейских начальников. Получив это назначение, он встретился с некоторыми из них и попросил одолжить ему самых способных молодых полицейских, мечтавших о большой карьере и желавших послужить во временном подразделении, которое будет проводить рейды под руководством живой легенды ФБР, согласно новейшим тактическим разработкам. Платит штат Арканзас; места откомандированных считаются вакантными до тех пор, пока те не вернутся в свои отделы с новым опытом, который, в свою очередь, смогут передать коллегам. Таким образом, выиграют все. Благодаря репутации Ди-Эй недостатка в добровольцах не наблюдалось.

Мальчишкам было от двадцати до двадцати шести лет; несформировавшиеся юнцы с чистыми лицами и волосами, закрывавшими глаза. Кое-кто изрядно напоминал Микки Руни, которого Эрл видел в Хот-Спрингсе, но ни в одном не было и тени светского лоска киноактера. Эти серьезные дети куда больше походили на молодых морских пехотинцев – сколько же их было! – которых Эрлу довелось видеть живыми и мертвыми.

После шести миль он позволил им остановиться, вытереть пот со лбов, выжать промокшие насквозь от пота майки и отдышаться. Сам он лишь слегка запыхался.

– Что ж, парни, у вас неплохо получается, – громко сказал он, сделал паузу и добавил: – Для гражданских.

Ответом стал дружный стон.

Затем наступило время для очередной хитрости. Эрл знал, что он должен истребить в этих мальчишках чувство страха, сомнения, осознание собственной индивидуальности и в самый короткий срок слепить из них подобие единой команды. В 1930 году на Пэррис-Айленде для этого требовалось двенадцать изматывающих тяжелых недель; правда, за время войны этот период смогли сократить до шести недель. Но Эрл изобрел одну хитрость, которая почти безотказно действовала в каждом взводе, где он служил или был командиром, и не сомневался, что здесь эта штука тоже сработает.

Он даст им новые имена.

– Ты, – сказал он, – как тебя звать?

Помимо всего прочего, Эрл в совершенстве овладел искусством принимать угрожающий вид. При желании его взгляд становился пронизывающим и холодным, а сам он, как казалось подчиненному, невероятным образом увеличивался в размерах, пока не заслонял собой гори-

зонт. Вот и этот молодой человек попятился от него, от его мощи, его мужественности, его командирства.

– Э-э... Шорт, сэр. Уолтер Эф, – ответил двадцатилетний юноша, не отличавшийся от остальных ничем, кроме темных волос и напряженного выражения лица.

– Шорт, готов держать пари, что тебя всю жизнь звали Шорти¹⁵. Я прав?

– Да, сэр.

– И опять же могу побиться об заклад, что тебе это чертовски не нравилось.

– Да, сэр.

– Хм... – Эрл демонстративно закатил глаза, как будто глубоко задумался о чем-то. – Ты бывал во Франции, Шорт?

– Нет, сэр.

– Ладно, с этого момента твое имя будет Френчи. Просто потому, что я так решил. Френчи Шорт. Как тебе нравится?

– Ну ладно...

– Вот и прекрасно. Рад, что тебе понравилось. Так, а теперь слушайте все! Сейчас вы все во весь голос крикнете: «Здорово, Френчи!»

– Здорово, Френчи! – загремели успевшие отдохнуть парни.

– Так, Шорт, теперь ты Френчи. Понял?

– Я...

Не дослушав, Эрл перешел к следующему, долговязому, неуклюжему с виду мальчишке с всклокоченными белобрысыми волосами и веснушчатым лицом; его тело почему-то казалось чересчур длинным.

– Ты?

– Хендерсон, сэр. Си-Ди Хендерсон, Талса, Оклахома.

– Ну вот, с тобой уже начинаются проблемы, Хендерсон. Нашего босса, как вы все знаете, зовут Ди-Эй, так что нам нельзя злоупотреблять инициалами, а то мы сразу запутаемся. Что значит «Си»?

– «Карл».

– «Карл»? Что-то мне не очень нравится.

– Мне и самому не нравится, сэр.

– Хм... Как же тебе помочь? Вот что мы сделаем: прибавим к твоему имени букву «о». А «эс» прибавлять не будем. Будешь Карло. Не Карлос, а Карло. Карло Хендерсон. Нравится?

– Э-э... Я...

– Парни, поздоровайтесь с Карло.

– Привет, Карло!

Так он переименовал всех. В группе появился коренастый Тощий, банальный Длинный, который, однако, был чуть ниже среднего роста, Ник, умудрившийся сильно порезаться, пока брил почти незаметную щетину, Тэрри, читавший книгу «Тэрри и пираты», щупленький и низкорослый Медведь, крупный Орешек, флегматичный Шустрик. Утратив наконец вдохновение, Эрл закончил процедуру, переименовав Джимми в Джеймса и Билли Боба в Боба Билли, Джефферсон же сделался не Джеффом, а Эффом.

– Итак, тех людей, какими вы были прежде, больше не существует. А что же существует? То, чем вы стали теперь, то, что вам предстоит сделать, и то, чему вас будет учить мистер Ди-Эй Паркер собственной персоной, героический федеральный агент, прикончивший Младенца Нельсона и уложивший в гробы банду Баркера. Вам очень повезло, что вы будете учиться у такого замечательного человека. Теперь вам не придется слушать легенды, он самый насто-

¹⁵ *Shorty* – коротышка (англ.).

ящий. Вы встретитесь с ним завтра и получите возможность впитать частицу его мудрости. Вопросы?

Вопросы, вероятно, были, и много, но никто не набрался смелости и не задал их.

Когда Ди-Эй наконец-то показался своим людям – это случилось на одном из обширных стрельбищ старого военного городка, – он мало походил на живую легенду. Вероятно, молодежь рассчитывала увидеть такого же вояку, как Эрл, – натренированного, энергичного, резкого, с бычьей шеей, желваками на щеках и громоподобным голосом, – но парней ожидало разочарование. Перед ними появился довольно крупный, но уже старый человек в мешковатом костюме, стоптанных ботинках и мягкой фетровой шляпе с обвисшими полями. Казалось, он только что слез с трактора на каком-нибудь поле в Оклахоме, так как постоянно отплевывался от пыли.

Это произошло после утренней пробежки, когда молодые успели переодеться в свою обычную повседневную одежду, то есть в костюмы и галстуки, и уже начали проклинать жару.

Старик не стал отдавать никаких приказов вообще, сразу дав понять, что намерен пользоваться не властью, а мудростью. Начал он с того, что предложил подчиненным сесть. Затем он громко посетовал на жару и посоветовал снять пиджаки. Когда пиджаки были сняты, он прошелся среди своих курсантов и осмотрел их личное оружие, по большей части современные «Смиты» и «Кольты» «спешел» тридцать восьмого калибра в наплечных кобурах, как и подобает полицейским в штатском. У одного оказался даже старый «Бисли» калибра.44–40.

– Это серьезное оружие, молодой человек.

– Да, сэр. Мой дедушка носил его, когда был шерифом в округе Чикасо, перед Первой мировой.

– Понимаю, понимаю. Беда в том, что оно заряжается чересчур медленно для наших целей. Не поймите меня превратно. «Кольт» одинарного действия – прекрасное оружие. Равно как и «Смит-Вессон» двойного действия. Но сейчас тысяча девятьсот сорок шестой год, и времена успели измениться. Значит, нам придется учиться тому, как действовать в условиях нового времени.

– Да, сэр, – отозвался юноша. – Именно поэтому я сюда и прибыл.

– Хороший мальчик. Далее. Я предполагаю, что все вы отличные стрелки. Даже готов держать пари: каждый стреляет так, что остается только позавидовать. Давайте-ка посмотрим, сколько у вас таких. Поднимите руки.

Двенадцать рук взлетело в воздух, извещая о молодой непоколебимой самоуверенности их хозяев.

– Все. Эрл, только посмотрите! Они все мастера.

Эрл, стоявший в стороне со сложенными на груди руками и недовольным выражением, которое редко сходило с лица хорошего сержанта, молча кивнул.

– Да, сэр. Мне и самому доводилось использовать «Смит», – сказал Ди-Эй.

Он поднял полу пиджака и явил свету то, что ему не удавалось полностью спрятать: свой собственный «Смит-Вессон хеви дьюти» калибра.38/44 с белыми роговыми накладками на рукояти, покоившийся в хитроумной мексиканской кобуре, которая висела на особой портупее, ниже брючного ремня.

– Да, сэр, прекрасное оружие. А теперь скажите, кто сможет сделать вот это?

Он сунул руку в карман и извлек серебряный доллар. Затем отвернулся от курсантов и подбросил монету в воздух. Блестящий кружок взлетел вверх, на мгновение завис и начал падать. А старик молниеносным движением, за которым невозможно было уследить, вскинул руку и выстрелил не целясь, настолько быстро и внезапно, что, казалось, движение вообще не заняло времени. Монетка звякнула и отлетела футов на тридцать.

– Вы. – Ди-Эй указал на самого младшего из полицейских. – Не могли бы принести ее старику?

– Конечно, сэр, – отозвался парнишка, которому Эрл накануне дал имя Френчи.

Шорт сбегал и принес упавшую монетку.

– Подержите ее, – сказал Ди-Эй.

Молодой полицейский вытянул руку, в которой держал монету, пробитую пулей тридцать восьмого калибра точно по центру. Сквозь дыру бил луч яркого тexasского солнца.

Молодежь возбужденно зашептала.

– Ну вот, – сказал Ди-Эй, – думаете, что это высший класс, да? Если честно, это промах. Потому что я попал точно в центр. Обычно, когда я развлекаю детей такими фокусами, я стараюсь попадать поближе к краю, чтобы было удобнее вешать монетку на цепочку и носить на шее. Кто из вас может сделать так же?

Не поднялась ни одна рука.

– Мистер Эрл, как по-вашему, вы сможете? – спросил старик.

Эрл был очень хорошим стрелком, но знал, что такой трюк ему не по зубам.

– Нет, сэр, – признался он.

– Говоря по правде, – сказал Ди-Эй, – в мире найдется всего четыре-пять человек, которые могут с уверенностью сделать такой выстрел. Пара тexasских рейнджеров. Мой старый приятель Эд Макгиверн, цирковой стрелок. Возможно, один pistolero¹⁶ из Айдахо, некий Элмер Кит. Видите ли, тому, что умею я, что умеют те парни, которых я вам назвал, вы научиться не сможете. Для этого нужен особый талант. Способность мозга за доли секунды рассчитать движение мишени и скоординировать с ним движения собственной руки и глаза. Вот и все. Это всего лишь дар природы.

Он повернулся к слушателям.

– Я показываю это вам, потому что хочу, чтобы вы увидели и забыли. Мне повезло. Мне очень сильно повезло. Вам – нет. Вы обычные люди. Вы не сможете сделать этого. Никто в ФБР не мог сделать это. Поэтому я хочу научить вас, как может уцелеть и победить в перестрелке обычный человек, не такой, как я. Вы видели быструю и довольно зрелищную стрельбу; теперь забудьте об этом. Быстро и зрелищно – не решение проблемы. Решение – это уверенность и точность. Теперь отнесите револьверы в ваши шкафы и закройте их там. Вы больше не будете использовать их, не будете стрелять одной рукой и не будете доверять своим рефлексам. Вот наш рабочий инструмент.

Он снял пиджак и показал всем автоматический пистолет калибра.45, висевший у него под мышкой слева в сложной кожаной сбруе.

– Мы пользуемся вот такими автоматическими пистолетами сорок пятого калибра. Носим их взведенными и поставленными на предохранитель. Вынимаем пистолет одной рукой, подхватываем второй и крепко держим, сосредоточившись на прицеле. Локти ставим так, чтобы получился треугольник. У нас есть треугольник, образованный руками, между нашим телом и оружием, и треугольник, образованный ногами, между нашим телом и землей. Треугольник – единственная жесткая фигура, существующая в природе. Немного приседаем, именно так тело хочет сделать, когда нам страшно. Мы не полагаемся на способность нашего сознания производить сложные расчеты в условиях высочайшего напряжения и волнения и не рассчитываем на то, что пальцы будут совершать сложные движения, когда они хотят только согнуться. Каждая из всех этих чертовых вещей делается очень естественно, просто и уверенно. Наши движения просты и естественны. Самое главное: мушка, мушка и еще раз мушка. Все зависит от тренировки. Если вы видите мушку, то победите и выживете, если не видите, то умрете. Я слышал смех? Я слышал, как кто-то захихикал? Конечно слышал. Вы хотите ска-

¹⁶ Стрелок (*исп.*).

зять, что мужчина стреляет одной рукой. Для стрельбы по мишеням и полицейских игр со стрельбой нужна одна рука. Старые ковбои стреляли с одной руки, все звезды кино пользуются одной рукой. Вы не хотите пользоваться двумя руками, потому что это девчачья стрельба. Вы – большие сильные мужики. Вы обойдетесь и одной рукой. Такие мысли наверняка приведут вас в могилу.

Он вынул из кармана еще один серебряный доллар, повернулся и подбросил монету. Пистолет превратился в расплывчатое пятно, невероятно быстро заняв место в вершине треугольника, образованного руками, и из этого расплывчатого пятна трижды полыхнуло огнем. Монета подскочила в воздухе три раза и отлетела заметно дальше, чем первая. Шорт снова сбегал за ней и поднял на вытянутой руке. Доллар не годился на сувенир. Он был искорежен до полной неузнаваемости.

– Вот видите, парни. Двумя руками можно сделать все так же быстро, как и одной.

В первый день они работали с незаряженными стандартными армейскими пистолетами сорок пятого калибра. Быстро выдернуть из лоуренсовской кожаной кобуры, носимой на пояском ремне над бедром, прицелиться, произвести холостой выстрел. Затем взвести курок, поставить на предохранитель и убрать в кобуру. Такова была система Ди-Эй – носить пистолет взведенным и поставленным на предохранитель: когда ты его вынимаешь, большой палец попадает прямо на предохранитель и сдвигает его, оружие тем временем обращается дулом к цели, другая рука обхватывает рукоять, и ты подаешься всем корпусом вперед, опуская голову и поднимая оружие, пока не увидишь перед собой крошечный выступ мушки, накладывающийся на нечеткий черный силуэт.

Раз!

– Вы должны научиться медленно делать верное движение, прежде чем начнете выполнять его безошибочно и быстро, – повторял Ди-Эй. – Приготовьтесь и... вынуть... целься... огонь!

Северотехасский ветер унес дюжину щелчков.

– Теперь повторить, – приказал старик. – И думайте о нажиме на спусковой крючок. Контролируйте его. Палец движется прямо назад. Нажим на спусковой крючок должен быть ровным, верно направленным и вообще идеальным.

Упражнение повторялось снова и снова, пока кожа на пальцах курсантов не растрескалась до крови. Даже Эрл безостановочно выхватывал и направлял в цель свой пистолет, отлично понимая, что не имеет права ни пожаловаться, ни отказаться выполнять упражнение. Но кое-что во всем этом серьезно беспокоило его.

В конце концов вверх поднялась рука.

– Сэр, а вы уверены насчет всего этого? Я могу гораздо быстрее действовать своим «Офишл полис». Мне бы не хотелось отказываться от своего револьвера.

– Есть еще вопросы?

В первый момент воцарилась тишина, но затем поднялась одна рука. Потом другая. И третья.

– Мушка очень маленькая, намного меньше, чем у моего «Смит-Вессона». Я и не вижу ее толком.

– Я слышал, что автоматические пистолеты отказывают гораздо чаще, чем барабан револьвера. Это меня сильно беспокоит.

– Мне кажется, я чувствовал бы себя лучше, если бы носил пистолет на полувзводе и взводил бы до конца большим пальцем, когда нужно его вынуть, как делал это с моим старым однозарядным.

Робким сомнениям не было конца.

И даже у Эрла были сомнения. Ему не нравилось ходить с пистолетом, поставленным на предохранитель. Чтобы выстрелить, нужно было нащупать этот маленький рифленый выступ и нажать на него, причем в напряженной и даже, возможно, очень напряженной ситуации. Его сильно раздражала мысль о том, что он может навести оружие на кого-то, намереваясь его убить, нажать на спуск – а выстрела не последует.

– Эрл, а как ваше мнение?

– Мистер Ди-Эй, вы здесь босс.

– Вот, молодежь, посмотрите на Эрла. Он хороший морской пехотинец и поддерживает старика до последнего, независимо от того, насколько сильно тот спятил. Но, Эрл, что вы скажете бы, если бы я не был боссом? Валяйте, Эрл, скажите этим ребятишкам правду.

– Хорошо, сэр, – ответил Эрл, – раз вы так хотите, я скажу. Меня немного тревожит то, что придется носить пушки на предохранителе. Возможно, что возня с ним помешает быстро выстрелить, а я знаю по островам, что очень часто приходится быстро стрелять, иначе умрешь. В бою никакое оружие не держат на предохранителе. Может просто не хватить времени, чтобы его снять.

– Очень полезное замечание, Эрл. И все остальные вопросы тоже были очень полезными. Поэтому сейчас перейдем к другим занятиям. Вы должны понять, какая разница между тем, что работает по-настоящему хорошо, и тем, что работает хуже. Давайте вернемся в помещение.

Группа толпой двинулась к зданию, предназначенному для демонтажа взрывных устройств, где была устроена классная комната. Там у стены стояла картонная почтовая коробка примерно два на два фута, старательно упакованная в плотную бумагу и залепленная ярлыками. Взглянув на ярлык, Эрл увидел, что посылка пришла из конторы «Гриффин энд Хоув», находившейся в Нью-Йорке. Порывшись в памяти, он попытался определить, откуда знает это название, но так и не вспомнил, хотя ощущение, будто оно где-то встречалось, не проходило.

– Так, ребята, пусть двое из вас поставят эту штуку на стол, – распорядился Ди-Эй.

Двое молодых полицейских поспешно повиновались. Судя по тому, как они напряглись, в коробке содержалось изрядное количество стали.

– Эрл, откройте, пожалуйста, коробку.

Вынув перочинный нож, Эрл разрезал упаковочную бумагу и картонные стенки с трех сторон. Подняв крышку, он увидел внутри несколько небольших – приблизительно восемь на шесть дюймов – коробок с надписями «„Кольт“, Хартфорд, Коннектикут», эмблемой «Кольта» – жеребенок, поднявшийся на дыбы, – и еще одной надписью: «Модель, утвержденная национальным правительством».

– Я долго работал на «Кольт» и договорился с ними об этом оружии. Его переправили через фирму «Гриффин энд Хоув», это известные нью-йоркские торговцы оружием. Эрл, выньте один, пожалуйста, и покажите его всем.

Эрл извлек одну коробку и сорвал с нее крышку. Внутри лежал отливавший глянцевой чернотой «Кольт» правительственной модели, но Эрл сразу обратил внимание на то, что боковина в одном месте заметно выпирала, будто лежавший в ней предмет был больше того, для которого предназначалась коробка. Он достал пистолет.

– Ну и что там у вас? – спросил Ди-Эй. – Объясните им, Эрл.

– Прицел заметно крупнее, – не задумываясь сказал Эрл.

Действительно, вместо регулируемого прицела здесь стоял фиксированный, более крупный – широкая полоса с прорезанным точно по центру углублением. А на конце дула вместо маленького, похожего на узелок выступа торчало большое квадратное широкое лезвие.

– Нестандартная задняя часть. Мушка системы «Патридж». Что еще, Эрл?

Эрл взял пистолет за рукоять, ухватился поудобнее, и большой палец самым естественным образом уперся в предохранитель, который тоже оказался заметно больше: рычажок с при-

варенной пластинкой. Подушечка большого пальца удобно легла на предохранитель, и было ясно, что не попасть на него нельзя даже в самой большой спешке.

– Теперь продемонстрируйте выстрел, – сказал старик.

Эрл послушно повернулся в безопасном направлении, взвел курок и отпустил предохранитель. Когда он надавил на него, усилие на большом пальце не превышало двух унций, а затем рычажок с четким щелчком сдвинулся. Эрл нажал на спусковой крючок, который сработал под усилием в четыре фунта – ровно и плавно.

– Это боевой пистолет, – пояснил старик. – Лучший из всего, что у них есть. Совершенно безопасный, если носить взведенным и на предохранителе. Рама обработана и отполирована, все движется легко, как язычок котенка, лакающего молоко. Четко фиксированный ход крючка. Пистолет семизарядный, перезарядка занимает две секунды, а то и меньше. Патроны сорок пятого калибра с остроконечными пулями обладают самой большой останавливающей способностью, если, конечно, вы не решите перейти на «Магнум» калибра триста пятьдесят семь, обращению с которым вам придется учиться в лучшем случае года два. И наконец, самое короткое в мире, безошибочно выверенное движение спускового механизма. Джентльмены, это оружие, которое вы будете носить с собой, из которого вы будете стрелять, с которым вы будете жить. Оружие, которое вы будете чистить два раза в день. Оружие, с которым вы выиграете любой поединок, если будете хорошо за ним ухаживать. Должен сказать вам, что его изобрел гений. Не я, ни в коем разе. Нет, это именно то, что Младенец сделал со своим сорок пятым. Он был убийцей и, как утверждали некоторые, даже сумасшедшим, но по части оружия соображал лучше любого другого, не исключая, пожалуй, и самого старого Джона Браунинга.

Вынуть, целясь, огонь.

Вынуть, целясь, огонь.

Держим двумя руками, предохранитель сдвигается большим пальцем в тот самый момент, когда пальцы второй руки охватывают первую руку, сжимающую рукоять, и надвигают мушку на цель.

– Не надо точно совмещать все три точки прицела, – объяснял старик. – Надо одно – мгновенно сориентироваться. Вы должны знать, что оружие направлено в нужную сторону, вы не должны тратить время на совмещение мушки с прорезью прицельной рамки. Вы ориентируетесь по мушке. Видите, что мушка совместилась с целью, и стреляете.

Вынуть, целясь, огонь.

Вынуть, целясь, огонь.

Эрл удивился тому, как хорошо все стало получаться, стоило обрести некоторый навык. Немало помогали очень сильные и быстрые руки, зато вся его огромная практика яростной боевой стрельбы и спокойной учебной стрельбы по мишеням теперь не значила почти ничего. Впрочем, у него, несомненно, имелась толика того дарования, которое в избытке имел Ди-Эй: пистолет моментально вылетал из кобуры, дуло устремлялось к цели, и – БАМ! – пуля почти всегда оставляла пробоину в центре мишени.

– Забудьте о голове, забудьте о сердце, – поучал старик. – Цельтесь в самое широкое место и палите, пока враг не упадет. Стреляйте в центр. Точно в середину. Если он не хочет валиться и все еще идет на вас, стреляйте в таз, перебейте тазовые кости. Это поставит его на место. Чтобы свалить с ног кое-кого из этих громил, нужна чуть ли не коробка патронов. Именно поэтому вы должны стрелять быстро, метко и много. Обычно тот, кто выпустил больше пуль, уходит на собственных ногах.

Ди-Эй наблюдал за своей командой, прищулив глаза, и его взгляд был настолько пристальным, что не упускал ни одной мелочи. Этот мальчик, тот мальчик, снова этот, и снова он же: небольшие недостатки в технике, слишком резкие движения, недостаток концентрации, палец неудобно лежит на спусковом крючке, так и норовит дернуться, или, что хуже всего,

заметна неспособность к скучной работе – повторению движения, которое одно может вбить эти идеи в голову. Но Ди-Эй был терпелив, добр и никогда не раздражался.

– Шорт, должен отметить, что вы действуете очень хорошо и достаточно быстро, – похвалил он молодого парня из Пенсильвании, который действительно очень быстро учился и был лучшим из всех.

Шорт и впрямь двигался быстро. Не так быстро, как Эрл или сам Ди-Эй (чуть погодя старик уверился в том, что никто не может двигаться быстрее Эрла), но быстро. Паренек уловил верное движение с первого раза и с тех пор выполнял его правильно.

Хендерсон из Оклахомы был далеко не таким неловким. Высокий и белокурый, со слишком длинными руками и чересчур большими кистями, он словно путался в собственных конечностях и совершал лишние движения. Он не имел тех же способностей, что Шорт и еще некоторые курсанты. Но, боже, как же он работал! Он вставал раньше всех и практиковался в имитации выстрелов, а после занятий уделял этому упражнению еще немало времени.

– Ты настоящий труженик, сынок, – похвалил его Ди-Эй.

– Да, сэр, – согласился Хендерсон. – Мои старики сумели меня этому научить.

Он сражался против воображаемых преступников до тех пор, пока на его пальцах не появлялись кровавые мозоли.

– А вот это, – сказал Эрл через несколько дней, – отличная штука.

Он держал в руках автомат «Томпсон» сорок пятого калибра, модель 1928 года, с отлично обработанным деревянным цевьем, компенсатором, вертикальной рукояткой и идеально регулируемым прицелом системы Лаймана.

Еще пять новеньких, лоснящихся от масла экземпляров такого же оружия лежали перед ним на столе.

– Мистер Ди-Эй немало поработал в Мэне, поэтому на всех пушках стоит клеймо «Полиция штата Мэн». Они будут нашим главным наступательным оружием, не только из-за огневой мощи, но и из-за психологического эффекта. Если ты очутишься рядом с таким оружием со стороны дула, возникнет мысль, что, пожалуй, хватит воевать. Правда, это не слишком-то помогало, когда мы имели дело с японцами, но должно сработать с горцами из Хот-Спрингса.

Курсанты впились взглядами в оружие, которое сержант держал перед собой на вытянутых руках.

– Это полностью автоматическое оружие с полусвободным затвором, – продолжил Эрл. – Слово «полусвободный» очень важно, оно означает, что оружие может стрелять только с отведенным назад затвором. Если забыл взвести затвор, считай, что тебе сильно не повезло. Если не приставишь магазина, он не будет стрелять, разве что ты собственными руками вложишь патрон в патронник, а потом взведешь затвор. Правда, я никогда не слышал, чтобы хоть кто-нибудь это делал, но моя теория говорит, что, если существует хоть какая-то возможность что-то испортить, всегда найдется новичок, который сумеет это сделать, как бы ему ни было трудно. Никогда не досылайте патронов в патронник, потому что любой будет уверен, что он пуст, и именно так происходят несчастные случаи при обучении. У вас будет множество возможностей пролить кровь в Хот-Спрингсе, делать это здесь ни к чему. Сегодня вечером я научу вас разбирать автомат, чистить его и собирать. Вы будете разбирать, чистить и собирать оружие каждый раз, когда будете им пользоваться, причина – та, которую я уже называл: хорошо ухаживайте за оружием, и оно отблагодарит вас. А теперь – кто знает, как стрелять из этого оружия?

Поднялось несколько рук, принадлежавших в основном курсантам постарше, которые пришли из полиции своих штатов.

Френчи тоже поднял руку.

– Френчи Шорт, ты тоже? Что ж, молодой человек, выйди сюда. Где ты научился стрелять из «Томми»?

Френчи встал с места и подошел к сержанту:

– Моя мать была знакома с шефом полиции нашего города. Она договорилась, чтобы мне на пятнадцатый день рождения дали пострелять из всех видов оружия.

– Вот так подарок! Будь я проклят, это дорогого стоит. Ну что ж, Френчи, покажи ребятам, как это делается.

Френчи вышел на линию огня, приставил коробчатый магазин, вскинул оружие и подался вперед.

В двадцати пяти ярдах красовалась силуэтная полицейская мишень в виде мужчины, который стоял в полный рост, положив руку на бедро.

– Приготовились, парни! – скомандовал Эрл.

Френчи переступил с ноги на ногу и нажал на спусковой крючок. Ничего не произошло. Он вспомнил о затворе и потянул за рукоять – послышался глухой щелчок хорошо смазанного металла, – снова встал в позу для стрельбы и нажал на спуск. И опять безрезультатно.

– Дерьмо! – пробормотал он.

– Предохранитель, – напомнил Эрл.

Френчи наугад сдвинул какой-то рычажок.

Снова вскинул автомат к плечу.

Прозвучал одиночный выстрел. Магазин упал на землю.

– Дерьмо!

– Теперь послушайте меня. Френчи решил, что уже все знает. Не стал ждать, пока научится. Он был уверен, что знает, и хотел похвастаться. На этой работе нет места хвастовству, потому что хвастовство наверняка погубит вас. Поняли? Здесь командная работа, а не «Эй, посмотрите, какой я молодец!». А еще, – Эрл подмигнул Френчи, – когда приставляешь магазин, нужно хорошенько шлепнуть его по дну и убедиться, что замок защелкнулся. Иногда он не запирается полностью, но пружина держит магазин на месте, а тебе кажется, что все, полный бибоп. На самом деле никакого бибопа нет, а есть только боп – один-единственный боп. Френчи не знал, что магазин у него в автомате держится на не очень-то честном слове. И что он теперь скажет Младенцу Нельсону, который бежит на него с обрезом? Нужно сильно ударить по магазину снизу и услышать, как замок защелкнется.

Эрл вставил магазин в гнездо, сильно хлопнул по нему снизу ладонью, отжал рукоять затвора, выпрямился и приложил приклад к плечу.

– Теперь, ребята, заткните уши, но широко откройте глаза. Я буду стрелять трассирующими, чтобы вы могли проследить за полетом пуль.

Он нагнул голову, приняв классическую стрелковую стойку, рекомендованную ФБР, и выпустил сразу полмагазина. Не обращая внимания на застарелую боль в левом запястье, он очень крепко стиснул цевье, не позволяя дулу смещаться, куда ему захочется. В этом была вся штука. Оружие дергалось, затвор скакал взад-вперед, пустые гильзы градом летели вбок, дуло норовило уползти в сторону под действием вспышек огня, выброса пороховых газов и, конечно, огня трассеров. Грохот пуль, летевших к мишени, сливался в один оглушительный рев. Со среза дула срывалось такое яркое пламя, что отдельных вспышек, конечно же, нельзя было разглядеть – в отличие от огненных струй, бивших из хвостовой части каждой пули. Они вспыхивали на невообразимо короткие доли секунды, обозначая траекторию полета. Струи как бы существовали и в то же время нет: иллюзорные бело-голубоватые полосы, похожие на электрические разряды, более прямые, чем можно сделать при помощи лучшей линейки, тянувшиеся без единого отклонения от дульного среза к мишени. Пули Эрла моментально проделали в центре силуэта, стоявшего в двадцати пяти ярдах, отверстие с неровными краями.

– Что, впечатляет? А теперь скажу вам, что все это совершенно неправильно. Никогда не стреляйте очередями длиннее, чем по три патрона. В кино все время строчат точно так же, как я сейчас, но у них прямо за камерами сидит толпа всяких помощников с горой таких

вот «Томми», и они готовы в любой момент прибежать и перезарядить пушку, когда камеры остановятся и звезда усядется выкурить свой «Кэмел». А вам придется самим таскать свой боезапас, и никому, конечно же, не захочется просадить его впустую. Если только ты не гений, каждый чертов выстрел после третьего пойдет в молоко. Так уж получилось, что я гений. Возможно, Френчи тоже. А вот все остальные, кажется, нет. Теперь смотрите, *как* мы должны стрелять.

Он снова повернулся к мишени, вскинул оружие к плечу и выпустил три короткие очереди по три патрона. Каждая очередь угодила в голову мишени, каждую сопровождал огненный шлейф. А от головы мишени не осталось почти ничего, только разлохмаченный картон.

На протяжении нескольких дней они с утра упражнялись с пистолетами, а ближе к вечеру – с автоматами. Они упорно трудились, одни овладевали оружием быстрее других, но под конец каждый достиг определенных успехов. Благодаря использованию трассирующих пуль – старому приему, который в ФБР давно применяли для обучения своих агентов, – было значительно легче замечать ошибки и вовремя указывать стрелку, что дуло его автомата ушло в сторону и пули ложатся не туда, куда нужно. Но Эрл сразу предупредил, что трассирующие пули можно использовать только при обучении и никогда – в бою: во-первых, они сразу выдают положение стрелка, а во-вторых, пылающий состав при попадании пули, скажем, в сухой деревянный дом, сено, листву или мусор почти наверняка вызовет пожар. На таких островах, как Иводзима, подобная проблема не вставала, зато в городе вроде Хот-Спрингса, где большинство казино находилось в старых деревянных зданиях, об этом необходимо было помнить.

На пятый день Эрл показал курсантам автоматическую винтовку «Браунинг».

– Это оружие можно смело назвать убийцей японцев. Оно стреляет большими стандартными правительственными пулями тридцатого калибра, которые несутся со скоростью около двух тысяч трехсот футов в секунду и пробивают все, во что попадают. Если надо достать парня, стоящего за мягким прикрытием, пуля пробьет защиту и попадет в него. Против автомобилей или легких грузовиков не придумано ничего лучшего. Магазин на двадцать патронов, дальность прицельной стрельбы – тысяча ярдов, отвод газов из канала ствола с запиранием, удобно переносить, но весит изрядно – около шестнадцати фунтов. Они идут в комплекте с сошками, но сошки сразу же выбрасывают. Здесь сошек уже нет. Каждый взвод морской или простой пехоты имел хотя бы одну такую винтовку, они составляли основу огневой мощи при прикрытии всех маневров отряда и использовались для подавления стрельбы противника с дальнего расстояния. Мы будем использовать это оружие очень избирательно. Оно может пробить три стены и прикончить человека, который в своей квартире идет в ванную. Но вы должны уметь владеть им хотя бы на тот случай, если мы нарвемся на действительно отчаянных парней, сидящих в надежном укрытии и намеренных биться до последнего. Вот тогда-то и понадобится «Браунинг». Для Джона Уэйна он не годится. Из него нельзя палить очередями во все стороны, как в кино. Слишком мощное оружие для этого.

Однако для молодежи оказалось гораздо проще стрелять из «Браунинга», чем из «Томми»: винтовки были заметно тяжелее и лучше гасили отдачу, а кроме того, оказалось, что длинные стандартные патроны тридцатого калибра намного легче заряжать в магазин, чем короткие для «Томпсона». Курсанты стреляли с расстояния в сто ярдов и быстро научились кучно всаживать пять пуль в центр силуэтной мишени.

Половина времени была потрачена на оружие, которое следовало знать, хотя и не предполагалось использовать: дробовики «Винчестер-97» и карабины М-1. А потом наступил выходной, и большинство учащихся отправились в Тексаркану, чтобы посмотреть кино или развлечься еще как-нибудь. А Эрл и Ди-Эй составляли график. Все знали, что должно было последовать потом.

Настоящая потеха.

Глава 10

Оуни никогда не устраивал встреч в одном месте два раза. Эта привычка осталась у него с былых времен. Нельзя действовать шаблонно, потому что шаблон очень быстро погубит тебя. Если ты выжил после охоты, которую вел на тебя Колл Бешеный Пес, то обязательно приобрел элементарные навыки выживания, остающиеся на всю жизнь.

Таким образом, когда Оуни созывал совещание, приходилось разыскивать по всему городу большинство Грамли высшего ранга: управляющих казино, главных букмекеров, заведующего телефонной и телеграфной связью, адвоката Ф. Гарри Херста – в общем, тех, кто управлял другими людьми, которые, в свою очередь, управляли бесчисленным количеством рядовых агентов, и так далее, и так далее.

Никто не знал заранее, когда последует вызов и куда придется направляться. Поэтому в тот день сбор был обычным, то есть не более необычным, чем любой другой. Оуни назначил встречу в водолечебнице «Фордайс» на Сентрал-авеню. Ради этого случая заведение временно закрыли для посетителей.

Все разделись, завернулись в простыни и теперь сидели под многоцветной витражной стеклянной крышей, разукрашенной цветочным орнаментом. Можно было подумать, что собравшиеся восседают среди цветов. Дело происходило днем, как и полагается, если речь идет о деловом совещании. Сквозь стеклянный потолок лился солнечный свет сине-лилового оттенка. Каждый искупался в воде, которую природа нагрела до ста сорока градусов по Фаренгейту, и почувствовал себя распаренным, как вываренный изюм. Затем все прошли через игольчатый душ, промывший поры. Теперь они сидели в парной и походили бы на облаченных в тоги римских сенаторов, если бы не плавающие по помещению клубы пара. Снаружи патрулировали Грамли, исключая малейшую возможность того, что поблизости окажутся шпионы или случайные наблюдатели. В женскую половину водолечебницы направили нескольких девочек Грамли с целью удостовериться, что ни одна леди не сделала попытки спрятаться там.

Встреча проходила в деловой обстановке, и Оуни вовсе не выглядел космополитом, любезным хозяином, который с величайшим тактом принимал важных гостей из других мест и говорил со светским британским акцентом, усвоенным благодаря его актерским способностям, а не врожденной памяти. В своем святилище, где его власть была абсолютной а престиж – непререкаемым, Оуни разговаривал, как обитатель манхэттенского Ист-Сайда, где он жил с тринадцати до сорока трех лет.

– Ничего, – повторил он, разжевывая незажженную сигару, великолепную гавану. – Только время профукали!

– Ни даже самого поганого хвостика, – подтвердил Флем Грамли, сделавшийся старшим Грамли после того, как Папаша Грамли месяц назад забузил и ушел на покой, заявив, что устал и с него хватит. Флем, закаленный в бутлегерских войнах двадцатых годов, говорил на арканзасском диалекте, с сильнейшим сельским акцентом, и для того, чтобы начать понимать его, требовался не один год знакомства. – Мы прочесали весь город от сих до сих и обратно. Эти проклятые фраера смылись, как ветром сдуло. Чертова Богом проклятая штука, будь она проклята.

Оуни впился зубами в сигару так, что чуть не откусил от нее кусок.

– Только, – добавил Флем, чуть помолчав, – малость попозже братан Слайдел, тот, пацан Уилла Слайдела, а не Джада, не Боба, не...

– Да, да, – сказал Оуни, не желая выслушивать перечень тех, кто мог и кто не мог быть отцом Слайдела Грамли.

– А, ну да, сэр, так вот этот Слайдел, он чего сделал? Проверил один мотель за Уошито, «Лучший туристский». И ему сдалось, что какие-то фраера там подсняли нумерки на недельку.

Один старый, такой навроде грустный. А второй помладше и такой навроде сильно крутой, такое вот дело, значит.

– Получается, их было двое? – заметил Оуни.

– Угу, сэр, очень даже может быть. Менеджер говорит, что они куда-то свалили посереде недели. И так и не приперлись до хаты. Уиллов Слайдел взял ключ, проверил обе комнатенки. Ничего полезного. Нижнее белье, зубные щетки, да порошок, да газета из Литл-Рока. Ни оружия, ничего вообще толкового. Эти парни катаются налегке, уж не знаю, те они, кого мы ищем, или не те.

– Мне плевать на все это дерьмо, – громче, чем стоило бы, заявил Оуни. – Если бы эти говнюки были ни при чем, они, мать их, не стали бы бросать в мотеле свои подштанники. Они могли свалить из города, но не до проверки. Эти парни, они знали, что я буду их искать. Этот чертов ковбой, попортивший ребра Сайджелу, он знал меня. Он посмотрел на меня и сказал... – Оуни довольно убедительно воспроизвел убийственно-язвительную реплику Эрла: – «Может быть, вы или кто-то из ваших парней хотите помериться со мною силами, мистер Мэддокс? Прошу». Этот раздолбай знал меня. Откуда он меня знает? Я его не знаю. Откуда, черт вас возьми, он меня знает?

Оуни вгляделся в плававшие по комнате клубы пара, будто надеялся отыскать в них решение и этой новой проблемы, и всех остальных. У парня с вокзала были лучшие руки, какие ему приходилось видеть.

– Этот долбанный тип, у него есть удар. Я не один год содержал боксеров. Просто здоровый болван не мог так ударить. Я-то знаю, что такое бокс, так вот, парень был нокаутером!

– Это могли быть нью-йоркские парни? Или чикагские парни?

– Может, и чикагские парни, – согласился Оуни. – Багси из Нью-Йорка, и я уверен, что его там каждая собака знает. Если бы они были из Нью-Йорка, я знал бы о них. Нет, но как же он врезал этому еврею!

– А если копы? – решил поумничать кто-то.

– Вы проверяли полицейских? – спросил Оуни Флема Грамли.

– Ага, сэр, а как же. Шеф говорит, что это не был никто из егойных парней. И никаких новых он не нанимал. Он звонил в Литл-Рок своему другу из ФБР, так тот говорит, что это никакие не федеральные типы. И не из акцизного департамента или еще какого-нибудь дерьма в этом роде. Вы уж поверьте мне, я этих акцизников знаю от и до, так вот, эти фраера никакие не налоговики. Ни один акцизник не сумеет так врезать.

– А вдруг они работают на нового окружного прокурора? – спросил кто-то. – Рядом с Беккером у нас нет никаких источников.

Флем ответил не задумываясь:

– Этот мальчишка так напугался, когда Руфус бросил ему на лужайку дохлую собаку, что его с тех пор даже в городе не видно. Даже в своем офисе почти не бывает!

Ответом ему был дружный смех.

С этим вопросом покончили. Было много и других важных дел, касавшихся старого бизнеса: новая китайская прачечная около Оуклона задерживала платежи, и ее хозяев нужно было приучить к аккуратности; пивоваренный завод «Джакс» из Нового Орлеана поставил слишком много пива, но Грамли убедил водителя грузовика не сообщать об этом; колесо рулетки в «Подкове» заедало, что позволяло с немалым успехом угадывать выигрышные поля, оно поддавалось ремонту, но лучше было бы заменить стол целиком; начинался сезон скачек в Хайалиа, и Оуни предстояло подумать над отправкой в центральную контору еще одного-двух человек – во время сезона в Хайалиа сведения оттуда передавали так часто, что провода, казалось, дымились от перегрузки.

Но после окончания совещания менеджер «Золотого солнца», заведения, расположенного около оуклонского ипподрома, отвел Оуни в сторону:

– Оуни, я кое-что слышал.

– И что же, Джок?

– Может быть, это ничего не значит, но вы в любом случае должны знать.

– Ну так валяйте.

– Мой шурин из Лос-Анджелеса частенько открывает заведение во внеурочный час для Микки Коэна. Так уж случилось, что он служил в игорном доме на пароходе, который они держали за пределами двенадцатимильной зоны.

– И что?

– Так вот, после того как пароход прикрыли, дела у них идут паршиво. Но Микки сказал моему шурину, что скоро наступят хорошие времена.

Оуни слушал внимательно. Микки Коэн был правой рукой Багси.

– И что же это значит?

– Он говорит, что скоро найдется много работы для настоящих профессионалов игорного дела.

– То есть? Багси попытается получить этот пароход обратно?

– Нет, Оуни. Задумка куда крупнее. Похоже, он купил большой кусок пустыни возле границы с Невадой. Азартная игра в Неваде не запрещена. Туда никто не ездит, но там это вполне законное дело.

– Я все еще не...

– У него большой план. Он собирается выстроить город. Большой город. И вложить сколько-то там нью-йоркских денег. План считается совершенно секретным. В общем, он собирается выстроить в пустыне город, где будет идти игра на деньги. Выстроить Хот-Спрингс в пустыне. Лично я думаю, что это дерьмо. Кому нужно переться в гребаную пустыню и проигрывать там свои денежки?

Однако Оуни уже понял смысл визита Багси и увидел в нем серьезную угрозу своему будущему. Значит, Багси затеял собственную игру. Но Хот-Спрингс мог быть только один. Он мог находиться либо здесь, в Арканзасе, где был создан и где, по всем понятиям, было его место, или в гребаной невадской пустыне, куда этот Багси, жидовская рожа, вознамерился его перенести.

В двух местах он существовать не мог.

Кому-то предстояло умереть.

Глава 11

Ди-Эй продумал все очень тщательно – разбил команду на огневые группы по два человека и сформировал два отделения, по три группы в каждом. Одно предназначалось для проникновения с парадного входа, а второе – с черного.

Пришло время отрабатывать операции с разряженным оружием, но в остальном снаряжение было полным, включая тяжелые бронежилеты, которые все ненавидели лютой ненавистью.

Конечно, молодой Карло Хендерсон оказался в одной группе с еще более молодым Френчи Шортом, полным всяческих соображений, слишком важных, чтобы хранить их при себе. Эти соображения были одной из причин того, что никто другой не хотел работать с Френчи.

– Посуди сам, – говорил Френчи, – с какой стати я буду пользоваться дробовиками и карабинами? Это тебе не двадцатые годы. «Томпсоны» придуманы для войны в окопах. Для стрельбы очередями. Попадаешь в помещение, поливаешь его очередью и...

– Да ведь тебе же все время твердят: не стреляй длинными очередями, – ответил рассудительный Карло. – Мистер Эрл прямо так и сказал: стреляйте по три выстрела.

– Что ты говоришь? Да ведь эти болваны просто свихнутся, если в них стрелять. Они разнесут в клочки все, что хоть немного движется. И превратят свои драгоценные казино в дома из швейцарского сыра.

– Ты бы лучше делал то, что тебе говорят.

– А-а, – протянул Френчи, – значит, ты тоже один из них? Тебе, наверное, нравится все это дерьмо. И этот громила, мистер Эрл, который шляется здесь с таким видом, будто он Бог, или Джон Уэйн, или кто-то еще в этом роде.

– Да он, по-моему, нормальный мужик. Я слышал, на войне он был большим героем.

– Ну и что он с этого поимел? Строит из себя сержанта и готовится высаживать двери казино в арканзасской дыре, в Хот-Спрингсе. Дерьмо все это. Неужели он не мог нажать со своей медали ничего большего?

– А ты-то что здесь делаешь, если все это такое дерьмо?

– Э-э-э...

– Ну?

– Ты никому не скажешь?

– Конечно нет. Ты мой напарник. Я должен прикрывать тебя.

– Меня вышибли из Принстона. Дружище, у моего старика аж задница покраснела от злости! Он судья, большая шишка, вот и пристроил меня в департамент полиции. Но чего я на самом деле хочу, так это пробиться в ФБР. Однако без бумажки из колледжа – нет, сэр! Зато если я покажу себя хорошим копом...

– За что тебя выгнали?

– Длинная история, – ответил Френчи; его взгляд вдруг сделался жестким, и глаза вспыхнули фанатичным огнем. – Совершенная туфта, можешь мне поверить. Меня обвинили в том, чего я вовсе не делал! Как бы там ни было, если мне удастся попасть в ФБР, то оттуда можно будет перебраться в УСС. Ты хоть знаешь, что это такое?

– И что?

– Что, что! Хендерсон, да ты еще тупее, чем кажешься. Это Управление стратегических служб. Знаешь, дружище, там я был бы как раз на месте! Работа в разных странах, в чужеземных странах, а у меня настоящий талант к языкам и акцентам. Да все парни, которых собрали сюда, искренне верят, что я вылез из какого-то жабьего болота в Джорджии! А уж в УСС можно вдоволь повалять дурака. Во время войны они взрывали поезда, убивали нацистских генера-

лов, перерезали провода и подслушивали разговоры дипломатов. Мой дядя занимался всем этим.

– Ладно, – сказал Хендерсон, – но пока лучше тебе забыть обо всем этом и сосредоточиться на том, что нам предстоит делать через несколько минут.

– Ладно, только я возьму «Томпсон», договорились?

– Мне казалось, что тебе не нравится «Томпсон».

– Я не говорил, что он мне не нравится. Я сказал, что им нужно пользоваться не так. Но я хочу ходить с «Томпсоном».

– Вот и прекрасно. Я пойду первым.

– Нет, первым пойду я. Сам посуди, я намного быстрее, чем ты, я лучше стреляю, я ловчее, я умнее, я...

– Ты не можешь идти первым и нести автомат. Это против правил.

– Правила! – огрызнулся Френчи с таким видом, будто только и делал, что боролся с правилами. – Будь они прокляты, эти правила! Да подавись ты своими правилами!

В качестве учебного объекта выбрали строение 3-3-2, одну из множества пустых казарм, построенных в безжизненной техасской степи. Эта ничем не отличалась от остальных: неухоженное, чуть покосившееся здание из рассохшегося дерева, выкрашенное облупившейся желто-коричневой краской. Несколько оконных рам, оставленных открытыми, скрипели и раскачивались под ударами всепроникающего ветра.

Строение 3-3-2 было целью. Двенадцать полицейских заняли позиции в третьей от объекта казарме, провели рекогносцировку, изучили объект атаки и выработали план. Длинный, самый старший из всех (ему было уже двадцать шесть), дорожный патрульный из Орегона, назначенный номинальным командиром, вел себя рассудительно и даже мудро, отлично понимая, что простота действий – залог успеха. Он был уверен, что все пройдет легко, если, конечно, все будут действовать по плану и поддерживать друг друга.

Однако ему почти сразу же начал мешать Френчи. Френчи все знал лучше всех. Френчи все рассчитал. Френчи, обаятельный, разговорчивый, своенравный, продолжал утверждать:

– Я лучше всех стреляю и поэтому должен идти впереди. В самом деле, почему лучшему стрелку не позволяют идти первым?

– Шорт, а ты не хочешь дать попробовать кому-нибудь другому?

– Я просто говорю, что правильнее всего использовать лучших людей впереди. Я очень хорошо стреляю. Никто не может стрелять так, как я. Разве я не прав? Если я не прав, поправьте меня. А раз так, я должен входить первым.

У него совсем не было совести, и на все доводы он просто плевал. В конце концов, чтобы отвязаться от него и продолжить работу над планом, Длинный дал Френчи добро на то, чтобы он, в паре со своим партнером, пошел передовым в группе, штурмующей задний вход.

Затем он разъяснил остальным их обязанности; курсанты надели поверх пиджаков жилеты с вшитыми в них тяжелыми броневыми пластинами и нахлобучили шляпы. Все уселись в три автомобиля – два старых черных «форда» дорожного патруля и «де сото», некогда принадлежавший подразделению по контролю над торговлей спиртным, – покатали по пустынным улочкам казарменного городка и вскоре с разных сторон подъехали к строению 3-3-2.

Длинный посмотрел на часы.

– Всем группам, – скомандовал он в микрофон карманной рации. – Начать развертывание!

Автомобили остановились. Люди высыпали наружу. Один сразу же споткнулся и упал, уткнув дуло автомата в техасский суглинок и забив компенсатор сухой землей. Второй умудрился на бегу удариться коленом о нижнюю кромку своего бронежилета – толстенную пуленепробиваемую пластину, – упал, скорчившись от боли, и больше не участвовал в операции.

Но Френчи, первым выскочивший из заднего автомобиля, успел первым и к двери. Он держал автомат наперевес. Карло, не такой ловкий и хуже приноровившийся к броне, замешкался позади.

Френчи пнул дверь.

Та даже не пошевелилась.

– Дерьмо! – разозлился он.

– Черт возьми, ведь ты же по плану должен дожидаться меня! – сказал Карло, подбежав к двери с остальными четырьмя членами их группы.

– Гребаная дверь забита.

Френчи пнул ее снова, без всякого результата.

– Мы должны...

Но Френчи не мог ждать. Он стянул через голову тяжеленный бронежилет, разбил стекло в окне, головой вперед нырнул в темноту, очень удачно упал и сразу же вскочил на ноги.

– Служба окружного прокурора, – заорал он во весь голос. – Облава! Руки вверх!

– Подожди меня, черт возьми! – тщетно взывал несчастный Хендерсон, все еще остававшийся по ту сторону двери.

Френчи услышал, как отставшие колотили в дверь. Впрочем, ему даже не пришлось в голову отпереть ее. Он не собирался никого ждать и бросился по длинному коридору в темноту, дразнившую своей неизвестностью. Тело, освободившееся от двадцати фунтов брони, казалось очень легким. Коридор вывел Шорта в более просторное помещение, и он мгновенно навел свой незаряженный автомат на угрожающе-громоздкие тени: как он понял через секунду, то были всего лишь старые столы и стулья. А в следующий момент помещение заполнилось дымом. Дымовое облако сразу разошлось, полностью дезориентировав его. Шорт закашлялся, побежал дальше – все еще в полном одиночестве – и оказался в более просторном месте, где дым был не таким густым. Все предметы вокруг казались сломанными. Затем он увидел перед собой контуры, напоминавшие человеческие фигуры. Ни о чем не думая, он опустился на колено, привычным движением навел на них мушку «Томми» и нажал на спуск. Затвор громко лязгнул.

Он передернул затвор, понимая, что в реальной обстановке убил бы несколько человек, и внезапно прямо перед ним появилась еще одна фигура.

Ба-бах! Он выстрелил снова и в следующую секунду узнал изумленное лицо Карло Хендерсона, которого только что «убил». Он метнулся налево, в сторону лестничной клетки, пинком распахнул дверь и выбежал.

– Шорт!

Он обернулся. Позади стоял Эрл, нацелив свой пистолет сорок пятого калибра прямо ему в лицо. Громко клацнул спусковой крючок.

– Прими мои поздравления, Шорт, – сказал Эрл. – Ты только что убил трех человек из своей команды и своего напарника, а еще погиб сам. А теперь подумай о том, что ты мог бы натворить, если бы добрался до второго этажа!

Ди-Эй собрал курсантов прямо на грунтовой дороге, проходившей перед строением 3-3-2. Он предложил им освободиться от бронежилетов, положить оружие, снять шляпы и пиджаки и слегка распустить галстуки, а курящим разрешил курить. День, по обыкновению, выдался жарким, и у большинства молодых полицейских одежда промокла от пота. Вид у всех был довольно печальный и удрученный.

– Что ж, друзья, – начал Паркер, – если бы я сказал, что вы хорошо поработали, это была бы беззастенчивая ложь. Скажу честно: толпа голодных енотов, запертых в подвале с десятью фунтами сырого мяса, пожалуй, действовала бы более согласованно. По большей части то, что я видел, представляло собой ошибки, помноженные на ошибки. Я не понимаю, что слу-

чилося с вашей системой взаимодействия. Команда переднего входа, по крайней мере, держалась вместе, но, к великому сожалению, ее перебила команда черного входа. В который уже раз повторяю вам: половина успеха заключается в том, что обе команды входят одновременно. Это принципиально важно. Вы должны появиться сразу с двух сторон и поразить находящихся внутри своей мощью. Они должны понять, что у них нет шансов на победу и сопротивление бесполезно. Сознаюсь, что мы устроили вам несколько сюрпризов. Мистер Эрл бросил дымовую гранату, только чтобы сбить вас с толку. Я сказал бы, что это удалось ему в высшей степени. Кто-нибудь со мной не согласен? Черный ход был заперт. Хоть кому-нибудь пришло в голову посмотреть на притолоке? А ведь именно там и лежал ключ. Вместо этого команда заднего входа сразу же раскололась. Согласовывала ли она свои действия по рации со второй командой, у главного входа? Нет. Я сидел на втором этаже и контролировал радиосвязь. Вы не поддерживали связь, а когда связи нет, нужно ожидать самых неприятных сюрпризов. И наконец, друзья мои, ни в коем случае нельзя слишком возбуждаться. Мы имеем неудачный опыт: один член команды отделился от остальных и повел себя чересчур агрессивно. Предполагалось, что он находится в группе прикрытия, а он вместо этого помчался вперед, открыл огонь по своей же второй группе, затем застрелил напарника, выбежал на лестничную клетку, даже не подумав проконтролировать зону позади себя, и был без труда застрелен мистером Эрлом. Друзья, нужно научиться сохранять спокойствие. Если вы станете действовать под влиянием эмоций, то будете представлять опасность для своих же товарищей. Мы должны работать в команде, помните об этом. Взаимодействие, связь, хорошее умение стрелять, контролируемая агрессивность, разумная тактика. Вот основа нашего искусства. Хотите что-нибудь добавить, Эрл?

– Только одно. Мне это знание дорого досталось. Бой получится таким, каким получится. Вы должны быть готовыми вступать в бой, идти туда, куда он вас приведет, и побеждать. Помните: всегда обманывайте противника – и всегда будете побеждать.

Стрельба и движение.

Это был самый необходимый элемент обучения и самый опасный.

– Я отложил это напоследок, – объяснил Ди-Эй, – потому что вы должны отработать навыки обращения с оружием и самодисциплину, прежде чем сможете хотя бы подумать об этом. В таких делах если вы оплошааете, то наверняка убьете своего товарища или случайного прохожего.

Учебный курс, который лично разработал Ди-Эй, преподавался в бывшем административном корпусе (естественно, временном, как и все постройки этого городка), откуда осуществлялось управление всей округой, когда здесь хранилось армейское имущество. Теперь здание было предназначено к сносу, оставалось ждать лишь появления в бюджете необходимых средств. С ним можно было делать все что угодно, и Ди-Эй разрешил стрелять по всем стенам, кроме переднего фасада. Это дало сектор обстрела в добрых двести семьдесят градусов.

– Вы проходите по помещениям командами по два человека, как во время настоящего рейда. Идущий справа берет на себя цели справа. Тот, что слева, соответственно, цели слева. Короткие контролируемые очереди. Помните: напарнику нужно верить, как самому себе. И ради бога, держитесь вместе!

Это говорил Эрл. Ему надлежало идти по пятам за каждой парой и обеспечивать безопасность во время выполнения упражнения.

Пока очередная пара проходила по зданию, остальные курсанты ждали своей очереди. Изнутри доносились только быстрый стрекот «Томми» и отрывистый лай пистолетов, говорившие о том, что команда расправляется со своими мишенями. Потом появлялись возбужденные невредимые парни, и Эрл вызывал следующую пару.

Наконец настала очередь Карло и Френчи.

– Ладно, парни. Главное, не волнуйтесь. Шорт, сегодня ты намерен выполнять правила?

– Да, сэр.

– Прекрасно. Так, у кого будет большая пушка?

Напарники не обсудили это заблаговременно и теперь уставились друг на друга.

– Хендерсон, ты покрупнее. Поэтому возьми автомат. Шорт, ты чертовски ловко обращаешься с пистолетом. Вот и будешь им пользоваться. Помните: соблюдайте скорость движения, внимательно следите за своими мишенями, не отходите от напарника. Постоянно знайте, где он, тогда никто не пострадает.

– Понял, – заявил Френчи.

Два молодых офицера под наблюдением Эрла зарядили и поставили на предохранители свое оружие, а потом облачились в тяжелые бронежилеты.

– Так, – сказал он, – теперь держите дула на нужной высоте, идите плечом к плечу. Никуда не торопимся, внимательно смотрим по сторонам, чтобы не пропустить цели. Стреляете только по черным мишеням. По мишеням с белым крестом не стреляете. Они обозначают гражданских лиц. Хендерсон, помни: очереди по три выстрела в самый центр мишени. Ты, Шорт, контролируешь левую сторону, а ты, Хендерсон, правую. Держите оружие не напрягаясь. Ладно, парни, я иду прямо за вами. Готовы?

Оба согласно кивнули.

– Давайте постараемся сделать все хорошо, – добавил Эрл.

Френчи пнул дверь, которая на сей раз легко распахнулась. Почти соприкасаясь плечами, они шли по длинному коридору. Через несколько шагов Эрл быстро щелкнул прикрепленным к стене выключателем, и перед полицейскими возникли две мишени. Френчи – его пистолет был очень, очень быстрым! – всадил две пули в грудь своей. Долей секунды позже Хендерсон короткой экономной очередью проделал в правом силуэте дыру, как раз там, где у человека находится сердце.

– Хорошо, отлично, – похвалил Эрл. – Теперь двигайтесь дальше, не мешайте друг другу, не останавливайтесь, чтобы полюбоваться собой, сохраняйте предельное внимание.

Они дошли до угла. Френчи отскочил к стене, его оружие, поддерживаемое треугольником рук, опирающимся на треугольник ног, грозно метнулось в поиске целей. Мгновением позже из-за угла выскочил Карло и опустился, приняв позу для стрельбы с колена. Перед ними были две мишени, и Эрл почти физически почувствовал, как мальчишки напряглись, наводя на них оружие; впрочем, они тут же расслабились, заметив, что мишени помечены белыми крестами.

– Все чисто, – пропел Френчи.

– У меня тоже, – отозвался его напарник.

– Хорошее решение, – сказал Эрл. – Идите дальше.

Пара двинулась к лестничной клетке.

– Помните прошлый раз? – спросил Эрл.

Это был намек. Френчи выскочил на площадку, оборачиваясь в прыжке к тому месту, которого не было видно из-за дверного проема, а Карло присел возле дальней стены, нацелив свой «Томпсон» вверх по лестнице. Оба мгновенно увидели свои мишени. Пистолет Френчи рывкнул дважды, продырявив два силуэта с расстояния в два фута, а Карло выпустил семь или восемь коротких очередей и разнес в клочки два силуэта, возникшие на верхней лестничной площадке.

– Чисто.

– Чисто.

Пороховой дым заполнил небольшое помещение. Под ногами хрустели стреляные гильзы.

– Хорошая работа, – одобрил Эрл.

Френчи быстро вынул из пистолета полупустой магазин и вставил новый.

– Прекрасно, Шорт. Никто, кроме тебя, не додумался перезарядить, а некоторые даже побежали вверх с пустыми пистолетами. Хорошо мыслишь, сынок.

Френчи не мог сдержать довольной улыбки.

Все трое, крадучись, двинулись вверх по лестнице.

Им пришлось еще раз отскочить к противоположным стенам, когда они поднялись вверх и перед ними возник еще один пустой коридор. По обеим сторонам тянулись ряды дверей.

– Теперь нужно очистить комнаты, – подсказал Эрл.

Пара врывалась в комнату за комнатой. Работа оказалась напряженной: они распахивали двери, мгновенно просматривали помещения, обнаруживали цели, которые следовало расстрелять, и цели, которые следовало пропустить. Огонь был быстрым и точным, и ни один из двоих ни разу не ошибся. Ни один невинный не погиб, ни один плохой парень не уцелел.

В конце концов осталась одна комната, последняя.

Напарники переглянулись. Френчи кивнул, набрал полную грудь воздуха, пинком распахнул дверь, ворвался в комнату и повернул голову, глядя, нет ли цели слева. На один шаг сзади него, чуть правее, двигался Карло, который увидел три силуэта, отделенные от входа столом, вскинул «Томми» к плечу, поймал взглядом мушку и нажал на...

Френчи на мгновение обалдел, почувствовав, что вроде бы не должен никуда двигаться, но внезапно явившееся ощущение свободы и скорости сорвало его с места. Дело было в бронежилете: ремень лопнул, и жилет скособочился, мгновенно изменив распределение веса и лишив Шорта возможности управлять своим телом. Затем оборвался второй ремень, и обе части жилета, одна за другой, свалились на пол, но Френчи уже успел потерять равновесие. Его кинуло вперед, а когда он переставил ноги, они разъехались – на полу так некстати валялись пустые гильзы.

Происходившее казалось ему совершенно нереальным. Время почти остановилось. Грохот «Томпсона» сделался оглушительным и полностью вытеснил из действительности все остальное. Даже падая, Шорт чуял запах порохового дыма, ощущал исходящий из дула жар. Его качнуло в сторону огня, что бил из ствола, и он испытал моментальный приступ ужаса, ясно осознав, что умрет, так как в следующий миг пересечет линию, по которой летят пули, а Карло совершенно не ожидает подобного, и это будет концом.

«Вот дерьмо!» – успел подумать он, ныряя под струю пуль.

Однако он как-то умудрился не попасть под свинцовый град и упал на землю невредимым, хотя из глаз посыпались искры, а затем кто-то тяжело рухнул на него и он услышал голоса, показавшиеся ему приглушенными.

– Господи помилуй! – воскликнул Карло.

– Ты жив? – спросил Эрл.

Эрл лежал на полу в не очень естественной позе. Впрочем, он тут же вскочил на ноги.

– Ты живой? – повторил он. – Цел?

– Черт возьми все это! – пробормотал Карло.

– Шорт, ты ранен?

– Э-э... Нет, я... Что случилось?

– Я чуть не убил тебя, вот что случилось, – ответил Карло; его голос явственно дрожал. – Ты упал прямо на мою линию огня, я не успел убрать...

– Все хорошо, что хорошо кончается, – перебил его Эрл. – Ну-ка, успокойтесь!

– Что за чертовщина с тобой приключилась? Как ты там очутился?

– Жилет развалился, и я упал вперед, а ноги разъехались на поганных гильзах.

– Ты везучий сукин сын, Шорт. Знаешь, что мистер Эрл отвернул ствол моего автомата в сторону, наверное, за десятую долю секунды до того, как тебя должно было прошить? Он подскочил, схватил автомат за ствол и оттолкнул его!

– Боже, – выдавил из себя Френчи, чувствуя, как на него накатывает волна запоздалого страха.

– Ну как, парни, с вами все в порядке? – спросил Эрл.

– Боже, – повторил Френчи и согнулся в приступе рвоты.

– Ничего страшного, такое часто бывает после пережитой опасности. А теперь соберитесь – и пошли отсюда.

– Вы спасли мне...

– Да, да, а заодно спас и самого себя от трех недель дурацкой писанины. Шевелитесь, парни, пора уже и отдохнуть. Нет никаких причин сходить с ума из-за всякой ерунды. Только одно, Шорт: в следующий раз проверь ремни. Возьми за правило проверять снаряжение всякий раз, когда отправляешься в рейд. Понял?

– Я никогда...

– Вот это «никогда», Шорт, и могло тебя прикончить.

Но, сказав это, он подмигнул, и Френчи почувствовал себя немного лучше.

Поблизости не было никакого офицерского клуба, куда Эрл и Ди-Эй могли бы пойти в этот вечер. Возможно, это было даже хорошо, поскольку ни один, ни другой не пили. Но Ди-Эй пригласил Эрла на обед. Они отыскиали в Тексаркане, около железнодорожной станции, заведение, где готовили барбекю, и заказали жареное мясо на ребрышках и много холодной колы.

Мясо оказалось хорошим, в помещении было полутемно и прохладно, музыкальный автомат играл какой-то негритянский блюз, и скачущий ритм бибопа помог обоим отвлечься от текущих дел. Потом они довольно долго сидели и курили, допивая последнюю колу, но Эрл уже достаточно хорошо знал старого агента и понимал, что следует быть готовым к неожиданности. К тому же у него имелся собственный сюрприз, который он намеревался рано или поздно преподнести Ди-Эй, и сегодняшний вечер подходил для этого ничуть не меньше, чем любое другое время.

– Ну, Эрл, вы проделали прекрасную работу. Уверен, что вы – лучший из всех сержантов, которые когда-либо служили в морской пехоте. Вы смогли сделать из них подобие людей в немыслимо короткий срок.

– Да, сэр, – ответил Эрл, – дела у мальчишек действительно идут неплохо. Жаль, что у нас нет лишней пары месяцев на подготовку. Но это серьезные, дисциплинированные молодые люди, они упорно трудятся, прислушиваются к тому, что им говорят, и, возможно, смогут справиться с работой.

– Кто вас беспокоит?

– Конечно же, этот Шорт. Есть в нем то, что не позволяет мне до конца поверить в него. Он хочет делать все как можно лучше и в определенных обстоятельствах может принять глубоко неверное решение. Спору нет, он быстро учится и ловко обращается с пистолетом. Но все равно, пока не полетят пули, ни о ком нельзя сказать ничего определенного.

– Я согласен с вами насчет Шорта. Чуть ли не единственный янки во всей группе, а по разговору – такой южанин, какого не найдешь от истока до самого устья Суони.

– Я тоже это заметил. Не могу даже предположить, откуда это в нем. Может быть, примесь южной крови?

– Ничего подобного. Он сказал мне, что у него есть дар усваивать диалекты. Может быть, он и сам не замечает, как это у него выходит.

– Может быть. Хотя лично я не встречал ничего подобного за все пятнадцать лет службы в морской пехоте.

– Я спрашиваю вас об этом потому, что получил кое-какие новости.

– Я в этом не сомневался.

– Мистер Беккер очень волнуется. Его здорово донимают анонимными телефонными угрозами и тому подобными штуками, а жители города уже смеются: дескать, когда же он начнет хоть что-нибудь делать, а не просто сидеть у себя в офисе за закрытыми дверями, ни с кем не разговаривая. За его женой, куда бы она ни направилась, в открытую шлятся по пятам парни Грамли. А ведь нас нанимали именно для того, чтобы покончить со всем этим. Скоро придет пора выступать. Как по-вашему, мы готовы?

– Если серьезно, то полностью готовым быть вообще нельзя. Но можно сказать, что мы готовы, при одном условии.

– Я думаю, что знаю, каково это условие, Эрл, – сказал старик, насупив брови.

– Как и моя жена. Она говорит, что таков уж мой характер.

– Она знает вас, Эрл. И я вас тоже знаю, хотя впервые увидел вас в лицо недели три тому назад. Вы, черт возьми, герой. И я никогда не пойму, как вам удалось дожить до конца этой войны.

– Как бы то ни было, я должен быть там. Мальчишки привыкли ко мне, и им станет страшно, если меня не окажется рядом.

– Они преодолеют страх.

– Мистер Паркер, я должен быть там. Вы сами это знаете, и я тоже. Им нужна твердая рука, а вы будете слишком заняты подготовкой рейдов вместе с Беккером, и, кроме того, придется разбираться с полицией, а потом и с прессой.

– Эрл, если вы нарветесь на пулю, я себе никогда этого не прощу.

– А если один из этих юнцов нарвется на пулю, когда я буду сидеть где-нибудь за тридцать земель и попивать кока-колу, то я себе этого никогда не прощу.

– Да, вы твердый орешек для любого босса.

– Я знаю, что правильно и что неправильно. Плюс к тому ни один из этих чертовых горцев с дробовиками со мной не справится.

– Эрл, нельзя недооценивать врага. Вы должны были накрепко заучить это на войне. Оуни Мэддокс в Нью-Йорке был известен под кличкой Мокрушник. Согласно данным управления нью-йоркского окружного прокурора, он в свое время убил более двадцати человек. А когда начнется это дерьмо, он пустит против нас бандитов, которые давно уже научились нажимать на спусковой крючок. Не надо ребячиться, Эрл. Против нас будут крутые парни. На это нужно настроиться.

– Значит, вы разрешаете мне идти с вами?

– Черт возьми! Да, Эрл, вы пойдете. Я вижу это так же ясно, как свой нос в зеркале во время бритья. Но я хочу, чтобы вы сначала поехали домой и поговорили со своей женой. Слышите меня? Чтобы вы поговорили с нею как мужчина. Чтобы она все знала. А вы скажете ей, что любите ее и что все будет прекрасно. И послушаете, как в животе у нее шевелится малыш. Вот, смотрите, здесь двадцать пять долларов. Пригласите ее на хороший обед в самый прекрасный ресторан Форт-Смита.

– В Форт-Смите нет прекрасных ресторанов.

– Тогда наймите повара.

– Да, сэр.

– А потом мы с вами встретимся во вторник в Хот-Спрингсе.

– Во вторник?

– Именно так, Эрл. Наше первое задание. В двадцать два ноль-ноль мы разнесем «Подкову». Во вторник ночью. Мы сразу зайдем с козырей.

Глава 12

Эрл вернулся домой в пятницу, уже под утро. Поселок ветеранов мирно спал, и он не сразу нашел свою хижину. Низенькие строения из рифленого алюминия так мало отличались друг от друга, что большинство женщин пытались украсить их цветниками, кустами, выющими растениями и другими подобными глупостями. Но все равно лачуги оставались тем, чем были, – поваленными набок бочками, наполовину врытыми в землю и используемыми под жилье. В конце концов он сумел сориентироваться – менее опытный человек мог бы блуждать здесь много часов, причем даже днем, настолько каждая улочка была похожа на любую другую, – и отыскал Пятую улицу, на которой жил в доме номер семнадцать. Эрл постучал, но не услышал ответа. Она, конечно же, спала. Он открыл дверь – Джун даже не подумала ее запирать. Эрл услышал дыхание жены из клетушки, носившей громкое название спальни; в действительности это был всего лишь закуток, образованный хлипкой стенкой, не достававшей до полукруглой крыши из тонкой жести. Женщина дышала ровно, глубоко, будто за двоих. Эрл не хотел пугать ее и поэтому не пошел в спальню, бесшумно устроившись в большой комнате.

Он поставил маленькую настольную лампу так, чтобы свет не попадал в спальню, включил ее и начал раздеваться, оглядываясь по сторонам. Помещение выглядело изрядно запущенным. Вся мебель была сильно подержанной, выпуклые стены, казалось, промялись внутрь, словно старались сделать жизнь здесь совсем невозможной. Джун приложила много сил для того, чтобы приукрасить жилище как снаружи, так и внутри, замаскировать его казенный облик, бросавшийся в глаза. Она красила стены, вешала репродукции картин и занавески, ставила безделушки. Но все попытки были заранее обречены на неудачу из-за неистребимого запаха алюминия и непрочности досок пола, прогибавшихся при каждом шаге.

Оборудован домик был самым примитивным образом: печка с плитой да маленький холодильник. Это место совершенно не подходило для того, чтобы растить ребенка.

Эрл пошел в кухню, вернее, в угол, где размещалась кухонная утварь, и открыл холодильник, надеясь найти молоко или что-нибудь другое, хотя бы бутылку кока-колы. Но Джун не ожидала его, и потому холодильник был почти пуст. Движимый каким-то инстинктом, очевидно близким к воровскому, он открыл какой-то шкафчик и действительно обнаружил там, по подсказке воспоминания, полупустую бутылку бурбона «Бун каунти».

Эрлу потребовалось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не выпить его. Ему совсем не хотелось отказываться от бурбона, потому что, проделав долгий путь до западного края Арканзаса по 71-му шоссе, он, по сути, проехал через родные места. Дорога – две извилистые полосы с хорошо укатанным щебеночным покрытием – проходила через округ Полк, где его отец был когда-то шерифом и большим человеком. Около полуночи трасса вывела Эрла напрямик в Блу-Ай, центр округа, лежащий в горах Уошито, лишь кое-где пересеченных дорогами. Он не был здесь уже много лет. По сторонам главной улицы, тянувшейся параллельно железнодорожной линии, к западу от нее, стояли невысокие здания. Эрл не стал тормозить, чтобы взглянуть на контору шерифа, которая столько лет была конторой его отца, не стал и делать крюк по Восьмому арканзасскому шоссе в сторону Борд-Кемпа, где лежали давно заброшенные земли фермы, унаследованной им, последним живым Свэггером. Он видел свои владения однажды, во время краткосрочного отпуска, и с него было достаточно.

Казалось, его окружают призраки. Неужели они выбрали эту ночь вместо Хеллоуина? Нет, призраки были воспоминаниями, частью счастливыми, частью грустными, просто яркими картинками из детства, воспоминаниями о парадах, и экскурсиях, и выездах на охоту – отец был страстным охотником, причем превосходным, и одна стена в доме была увешана его трофеями, – и о всяких других вещах, заполнявших жизнь мальчика из американской глубинки в двадцатые годы. Но он постоянно ощущал гигантский масштаб личности отца, весомость его

натуры, его неподдельную серьезность в отношении к жизни и то опасливое почтение, которое все окружающие испытывали к Чарльзу Свэггеру, шерифу округа Полк.

Эрл попытался не думать об отце, но не мог и дальше запрещать это своему разуму, как не мог запретить своим легким дышать. Мысли об отце навалились на него всей тяжестью, он отчетливо осознавал, что в ближайшее время не сможет думать ни о чем другом, и образ отца, как это не раз бывало, опять перевесит все, что происходило и происходит в действительности.

Отец, настоящий щеголь, всегда ходил в черных костюмах и белых льняных сорочках, выписанных по каталогу «Сирс и Робак». Его черные галстуки-бабочки всегда были повязаны идеально; он каждое утро уделял этому немало времени. Изборожденное морщинами лицо, неизменно серьезное, искажалось гримасой гнева в случае малейшего неповиновения отцовской воле. Он точно знал, что такое добро и зло, обо всем этом говорилось в баптистской Библии. Справа на поясе висел «Кольт-мировотворец», в заднем кармане лежала обтянутая кожей дубинка, при каждом его шаге раздавалось позвякивание ключей, наручников и других важных предметов. Он носил с собой также «оружие Иисуса» – удерживаемый под левой манжетой при помощи специальной подвязки, крохотный «Смит-Вессон» тридцать второго калибра с патронами кругового воспламенения. Такая предусмотрительность спасла ему жизнь в 1923 году, когда случилась перестрелка с тремя отчаянными парнями: он убил всех троих и стал большим героем.

Чарльз Свэггер также имел способность пугать окружающих своим видом. Причиной этого отчасти были его внушительные габариты, но в большей степени – суровая стойкость. Он открыто вставал на защиту того, что находил правильным, и в каком-то смысле олицетворял собой Америку. Бросить ему вызов означало бросить вызов Америке, и он ни на мгновение не задумывался, если нужно было пресечь неповиновение. Люди любили его или боялись, но все отдавали ему должное. Этот сильный человек умел править своим маленьким королевством. Он был лично знаком со всеми врачами, священниками и адвокатами; конечно, он знал и мэра, и всех членов окружного совета, и всех видных собственников. Он знал всех, все знали его и могли доверять ему. Он поддерживал мир везде, кроме собственного дома, где вел себя вызывающе.

Чарльз пил не каждый вечер, а только через два дня на третий. Он пил бурбон – лишь для того, чтобы считать себя тем самым мужчиной, каким его считали все окружающие, и чтобы избыть страхи, которые, вероятно, крепко засели в нем. В пьяном виде он становился еще более могущественным, более героическим и более непреклонным. Непреклонность усиливалась и становилась стихийным бедствием. Сомнения напрочь покидали его, а самоуверенность взлетала до небес. Он в который раз пересказывал события минувшего дня, сообщал о том, как разрешил все проблемы, что сказал множеству людей, которых следовало поставить на место. Но, оглядываясь вокруг, он видел, что члены его собственной семьи испытывают слишком мало почтения к человеку таких выдающихся качеств и такого благородного происхождения, как он, и это задевало его до глубины души. Он принимался исправлять многочисленные ошибки, которые якобы делала жена, и попутно напоминал ей, что ее родственники – меньше, чем ничто, по сравнению с его родней. Он замечал недостатки в поведении сыновей и порой – чем старше он становился, тем чаще это случалось – принимался воспитывать старшего, либо снимая с гвоздя ремень для правки бритв, либо вынимая поясной ремень из брюк. Мальчишка вызывал глубочайшее разочарование. Полное ничтожество. Следовало ожидать, что у такого выдающегося человека, как Чарльз Свэггер, родится замечательный сын, но нет, у него был всего лишь никчемный Эрл и еще более жалкий Бобби Ли, его младший брат, который все еще мочился в постель. Чарльз так упорно внушал своему первенцу, что тот ни на что не годен, словно был глубоко уверен в неспособности мальчика понять это, хотя на самом деле сын все понимал очень хорошо.

«Он ни к чему не способен! – орал Чарльз на свою жену. – Ни к чему! Ему давно пора найти работу, но он слишком ленив для того, чтобы работать! Он жалкое ничтожество и всегда останется жалким ничтожеством, но я вобью в него страх Божий, пусть даже это будет последним, что я сделаю в своей жизни».

Эти воспоминания мальчика, давно уже ставшего мужчиной и одиноко сидевшего сейчас в своем собственном доме, вновь пробудили в нем тягу к бутылке. Бутылка была проклятием и проявлением трусости, но также спасением от тени отца. Она манила к себе. Она предлагала себя как спасение, как спокойная музыка, как ощущение размытости, неясности и смягчения всего, что существовало в жизни. Но на следующее утро всегда приходилось просыпаться с поганим вкусом во рту и смутными воспоминаниями о том, что ты говорил и слышал недопустимое.

Эрл открыл бутылку и вылил бурбон в помойное ведро. После этого он отнюдь не почувствовал себя лучше, но, по крайней мере, переборол искушение, и в ближайшие часы ему не угрожала опасность снова запить. Он улегся на кушетку, стал лежать в темноте, слушая, как его жена дышит за двоих, и в конце концов тоже погрузился в поверхностный и беспокойный сон.

На следующее утро Джун выглядела невероятно счастливой. Муж был дома, и больше ей ровно ничего не требовалось. Эрл слушал, как жена пересказывает слова доктора, и по ее просьбе прикасался к ее животу, чтобы почувствовать, как в нем шевелится ребенок.

– Доктор говорит, что все идет прекрасно, – сказала Джун.

– Да, черт возьми, – протянул Эрл, не зная, что на это ответить. – Это здорово!

– Ты уже придумал имя? – совершенно неожиданно для него спросила Джун.

Нет. Имени он не придумал. Это вообще не приходило ему в голову. Он понял, что жена, вероятно, считала, что его мысли, как и ее собственные, сосредоточены на будущем ребенке. Но это было не так. Он лишь притворялся, что ребенок интересует его. На самом деле то, что она носила в себе, страшило его, как ничто иное. Думая о содержимом ее живота, он испытывал страх, и только.

– Я не знаю, – сказал он. – Может, назовем его в честь твоего отца?

– Мой отец был идиотом. А когда напивался – еще хуже, – ответила Джун и рассмеялась.

– Ну а мой отец был ублюдком. А когда он напивался, то делался хуже некуда.

И они рассмеялись уже вдвоем.

– Тогда в честь твоего брата.

– Хм... – протянул Эрл.

Его брата? И чего ради ей понадобилось вспоминать о нем?

– Ладно, может быть, – ответил он. – В конце концов, у нас еще масса времени. Почему бы не взять что-нибудь новенькое? Скажем, имя кинозвезды. Назовем его Хэмфри, или Джон, или Корнелл, или Джозеф, или как-нибудь еще.

– А вдруг будет девочка? – заметила Джун. – В таком случае мы могли бы назвать ее в честь твоей мамы.

– А почему бы не начать все сначала? – предложил Эрл. – Может, не стоит так цепляться за прошлое, милая?

Беременность Джун уже была заметна с первого взгляда. Ее лицо немного расплылось, и все равно она оставалась самой прекрасной из всех женщин, каких он когда-либо видел. Тяжесть, которую ей приходилось таскать на своих плечах, а вернее, в животе, нисколько не портила ее.

– Милая, я ничего не понимаю в именах. Назови ребенка сама. Ты его носишь, тебе и придумывать имя. Справедливо, правда?

– Ну как же, Эрл, ты тоже должен участвовать.

– Я просто не знаю! – Против своего желания он повысил тон и потому тут же добавил: – Прости меня. Я вовсе не хотел грубить. Ты получила деньги, да? С этим все нормально? Как ты, родная? Все без проблем? Черт возьми, ты же знаешь, каким злобным старым ублюдком я иногда бываю.

Джун через силу улыбнулась. Могло показаться, что маленькое недоразумение уже забыто, но он-то знал, что это не так.

Тем же вечером Эрл повел ее в ресторан отеля «Уорд», славившийся лучшей кухней во всем Форт-Смите.

Ее муж был очень хорош собой. Костюм прекрасно сидел на нем. Загорелый, вежливый, Эрл даже казался счастливым – таким он не был ни разу с самого окончания войны. У Джун потеплело на душе.

– Что ж, – сказала она, – похоже, дела действительно идут на лад. Ты завел автомобиль. И мы даже выбрали в такое прекрасное место, как это.

– Верно, – согласился он. – Все идет на лад. Знаешь, ты, пожалуй, могла бы снять квартиру в городе и выехать из этого поселка. Сейчас повсюду строят новое жилье.

– Но мне кажется, что это просто глупо. Зачем переезжать куда-то сейчас, когда вот-вот придется снова сниматься с места и перебираться в Хот-Спрингс? Я полагаю, что когда-нибудь все же отправлюсь в Хот-Спрингс.

– Ну, в общем, я думаю, все будет именно так, – бессмысленно промямлил он.

На его лицо набежала тень. Эта отдаленность Эрла была поистине ужасной. Иногда он как бы исчезал, словно что-то забирало все мысли из его головы и вкладывало на их место воспоминания о войне или что-нибудь в этом роде. Порой Джун чувствовала себя сродни тем женщинам, малозаметным персонажам «Илиады», женам греческих воинов, которые были богатырями, но за время войны потеряли слишком много крови, слишком часто оказывались на пороге смерти и вернулись домой с ее нестираемым клеймом. Ей на память пришло выражение, услышанное еще в детстве: «Черный, как граф смерти»¹⁷. Жители холмов частенько употребляли его, и когда ее отец, врач, брал ее с собой в объезды по миссурийским просторам, она слышала эти слова: «Черный, как граф смерти» – и хорошо понимала тон, с которым они произносились. Так или иначе, это был ее собственный Эрл, и она пребывала в уверенности, что должна спасти его от наваждения.

Подошел официант и предложил коктейли. Эрл взял лишь кока-колу, но своей жене предложил не стесняться, и Джун заказала «Мимозу», которая оказалась смесью апельсинового сока с шампанским.

– Откуда ты узнала, что в него входит?

– Прочитала в журнале «Редбук».

– Он, кажется, издается в очень большом городе.

– В Лос-Анджелесе. Очень популярный журнал. Там пишут, что теперь, когда война окончена, Калифорния превращается в край неограниченных возможностей.

– Что ж, может быть, мы переедем туда, когда все это закончится.

Но его лицо снова заволокла тень, будто мысль о Калифорнии вызвала неприятные ассоциации.

– Но я не смогу оставить мать, – поспешно проговорила Джун. – И когда я жду ребенка...

– Да я же не всерьез. Я просто не представляю, что можно делать в Лос-Анджелесе. Черт возьми, я толком не понимаю даже, что делать в Хот-Спрингсе.

– О, Эрл...

¹⁷ «Black as the earl of death». Имя Эрл (Earl) по-английски означает «граф».

Обед получился действительно прекрасным. Они заказали жареных цыплят и ростбиф. Было по-настоящему восхитительно не просто видеть Эрла, но видеть его в цивилизованном месте и самой находиться в таком уютном помещении, заполненном другими хорошо одетыми людьми. Официанты носили смокинги, какой-то мужчина играл на пианино, все было очень парадно и приятно.

– А теперь, дорогая... – сказал он через некоторое время.

На этот раз тень омрачила ее лицо. Она прекрасно знала этот тон: он означал, что следовало ждать чего-то ужасного.

– Что это значит, Эрл? Я догадывалась, что здесь не все чисто.

– Ну, это просто мелочи.

– Что-то насчет твоей работы?

– Да, мэм.

– Хорошо. Расскажи мне.

– Пустяки. Мистер Паркер... Он решил, что мне нужно съездить сюда и устроить тебе праздничный обед и все такое. Он прекрасный человек. Надеюсь познакомить вас, когда представится случай. Он ничуть не хуже тех офицеров, с которыми мне приходилось иметь дело в корпусе, включая Чести Пуллера. Он думает о работе, но притом заботится и о своих людях, а такое встречается очень редко.

– Эрл? Что это значит?

– Ладно, милая. Помнишь, я говорил об этих рейдах и сказал, что не буду в них участвовать? По казино и букмекерским лавкам. Так вот, эта молодежь занималась как проклятая и за короткое время действительно добилась серьезных успехов. Но две недели... Черт возьми, чтобы стать хорошим морским пехотинцем, требуется два года. Как бы то ни было, эти ребята, они...

Он беспомощно умолк, потому что никак не мог найти подходящих слов.

– Что они?

– О, просто они еще недостаточно знают.

– Недостаточно для чего?

– Для того, чтобы этим заниматься.

– Я не...

– Вот я и сказал мистеру Паркеру, что должен остаться с ними. На первых порах. Просто чтобы убедиться. Приглядеть, вот и все. Я собирался с тобой об этом поговорить. Тогда я сказал тебе, что буду только учить их. А теперь я пойду вместе с ними. Только и всего. Я хотел сказать тебе прямо.

Джун смотрела на него.

– Опять оружие и стрельба? Эти рейды будут силовыми?

– Вероятно, нет.

Она видела его насквозь.

– Нет. Это именно такая работа. Вам придется иметь дело с вооруженными преступниками, которые не захотят покорно сдаваться. Поэтому, что бы ты ни говорил, это будут силовые операции.

– Мы знаем, что делать в случае сопротивления. Если, конечно, оно будет. Именно этому и было посвящено обучение. Вдобавок мы носим тяжелые пуленепробиваемые жилеты.

Некоторое время она сидела молча. Потом сказала:

– Но что будет со мной и с ребенком, которого я ношу? Предположим, ты погибнешь. Тогда...

– Я вовсе не собираюсь умирать. Там деревенские старики с ржавыми дробовиками, которые...

– Там гангстеры с автоматами. Я читаю газеты. Я читаю «Сатердей ивнинг пост». Я знаю, что происходит в стране. Предположим, тебя убьют. Я должна буду одна растить нашего ребенка? Он даже не увидит своего отца? И ради чего? Чтобы спасти город, разлагающийся от грязи и коррупции целых сто лет? Предположим, ты умрешь и они возьмут верх. Значит, все это впустую? Что я тогда должна буду сказать своему мальчику? Твой папа умер, чтобы помешать дуракам выбрасывать деньги при помощи маленьких белых кубиков? Он отдал жизнь не за страну, не за семью, не за то, что ему дорого, а только за то, чтобы дуракам было труднее играть в азартные игры. И если вам удастся очистить Хот-Спрингс, те же самые дураки просто отправятся в другое место. Ты не сможешь положить конец греху, Эрл. Ты можешь только защитить от него себя и свою семью.

– Да, мэм, но сейчас я дал слово, и от меня зависят эти мальчишки. И, говоря по правде, я счастлив. Впервые с тех пор, как кончилась война, я счастлив. Я делаю что-то хорошее. Не очень много, но все же что-то делаю. Я могу помочь этим мальчишкам.

– Эрл, ты самый настоящий дурак. Ты храбрый, красивый, благородный человек, но ты дурак. И все-таки спасибо за то, что ты рассказал мне об этом.

– Давай возьмем что-нибудь на десерт.

– Нет. Я хочу, чтобы ты сейчас пошел домой и обнял меня, любил меня. Если ты все-таки умрешь, пусть у меня останется воспоминание об этом. И я смогу улыбаться, рассказывая об этом нашему сыну.

– Да, мэм, – сказал он.

Он чувствовал себя так, будто услышал лучший приказ из всех, какие получал за всю жизнь.

Глава 13

Два яйца вкрутую, подсушенный тост, свежевыжатый апельсиновый сок. Затем он три часа просматривал счета и сделал несколько телефонных звонков. На завтрак он отправился в «Кой» и съел там филе. Потом ему приспичило завернуть в устричный бар на Сентрал-авеню, где он взял дюжину свежайших крупных моллюсков, только что доставленных из Луизианы, и к ним – несколько бокалов холодного пива «Джакс». Потом он вернулся домой и вздремнул. В 15:00 пришла девочка от «Максина», и он, как обычно, хорошо провел время. В 16:00 он встретился с судьей Леграндом в гольф-клубе, и они быстро прошли девять лунок. Он набрал пятьдесят два очка, лучший результат за неделю. Эта проклятая игра всерьез увлекала его. В 18:00 он отправился в «Фордайс», принял ванну, посидел в парной и получил массаж. В 19:00 он пообедал в ресторане «Роман тэйбл» с доктором Джеймсом, главным хирургом больницы, и Клинтоном, хозяином агентства «Бьюик». Оба входили в правления местного клуба, больницы, местного отделения «Киванис» и «Славных парней». В 21:00 он отправился в «Южный», немного посмотрел шоу Ксавьера Кугата, которое, впрочем, видел уже десяток раз, затем поговорил со своими дежурными менеджерами, распорядителями и надсмотрщиками, желаяшний раз удостовериться, что о Кугате и его мальчиках хорошо заботятся. В 23:00 он вернулся в здание «Медикал арт», поднялся к себе на лифте, переоделся в халат и расположился в патио с мартини и утренним номером «Нью-Йорк миддл», который только что доставили из Литл-Рока. Ах этот Уинчелл! Кто знал, что он окажется таким уродом.

Перед тем как отправиться в постель, Оуни минутку постоял на балконе. Он прошел длинный путь. В отличие от большинства представителей своей профессии, он обладал внутренним миром. Он жил не только физиологическими потребностями. Он знал, что существует, знал, что мыслит.

Этот день был таким хорошим, таким изумительным и все же таким обычным, что он получил от него совсем немного удовольствия: от того, какую тяжелую борьбу он вел, какой жестокой она была и как красиво все получилось. Столько народу полегло, например Голландец, болтавший что-то на никому не понятном языке, пока жизнь вытекала из него вместе с кровью, или Бешеный Пес, пробитый множеством автоматных пуль и засыпанный разбитым стеклом в будке телефона-автомата, или Кид Твист, взлетевший на воздух после того, как вызвался продать парней. Некоторые сходили с ума, как Капоне, безвылазно сидевший в своем флоридском особняке: рассказывали, что он совершенно спятил и был так безнадежно изувечен сифилисом в умственном и физическом отношении, что никто не хотел навещать его.

Оуни хорошо помнил Капоне, пухлого сластолюбца с короткими, словно у римского императора, пальцами и фалангой легионеров, повсюду охранявших его; помнил, как тот поселялся в номере «Аполлон» «Арлингтон-отеля», потому что там было два входа или, как предпочитал думать Альфонс, два выхода. А в углу всегда стоял вошедший в легенду «Томми» – на случай, если у Аля или его помощника внезапно возникнет проблема, которую сможет решить только сотня-другая пуль сорок пятого калибра.

«Аль, здесь совершенно безопасно. В этом вся суть: тихо и безопасно. Вы можете спокойно приехать сюда поездом и наслаждаться. Человек такого положения, Аль, должен иметь возможность хоть немного расслабиться».

Аль подозрительно рассматривал его, и только; паранойя уже начала разъедать его разум, превращая глаза в маленькие черные точки. Говорил он мало, зато укладывался в кровать с девками самое меньшее три раза в день. Ходили слухи, что мужской орган у Аля был даже больше, чем у Диллинджера. По-настоящему его интересовали только киски, и киски в конце концов сгубили его. Он боялся уколов и приехал в Хот-Спрингс, поверив в то, что водные процедуры его вылечат. Это, конечно же, было заблуждением. Воды могли лишь притормозить

развитие болезни. Он долго сидел в воде с температурой сто сорок один градус по Фаренгейту, но это подарило Меченой Роже лишь несколько дополнительных часов пребывания в здравом уме.

Оуни допил свой martini, повернулся, чтобы проверить, есть ли корм у голубей, убедился, что корытца полны, и шагнул в комнату, где его, к великому удивлению, остановил Ральф, слуга-негр.

– Сэр, пришел мистер Грамли.

– Флем?

– Нет, сэр. Другой Грамли. Тот, которого называют Папашей. Он покинул свою постель. Это известие сразу взбодрило Оуни, что само по себе значило немало.

Он быстро прошел в холл и обнаружил там бледного, как призрак, Папашу Грамли, которого поддерживали под руки двое младших кузенов, или сыновей, или еще каких-то родственников.

– Что случилось, Папаша? – спросил Оуни.

– Грамли шлепнули, – сказал старый бутлегер, битый и тертый подонок, сражавшийся против закона без малого шесть десятков лет и, по слухам, носивший в себе добрую дюжину пуль.

– Кто? Неужели наехали беспредельщики?

– Все куда хуже, мистер Мэддокс.

– Что вы хотите сказать?

– В вашем заведении устроили облаву.

Оуни никак не мог понять, что же произошло на самом деле. За год в одном-двух из его заведений и правда устраивали облаву, но облавой эта акция была только на бумаге и проводилась для улучшения полицейской отчетности. Обычно к нему приходили самое меньшее за неделю до намеченного срока. Он говорил полицейским, какое казино или публичный дом в этот раз можно побеспокоить и когда это лучше сделать. Муниципального судью заранее предупреждали, что этой ночью нельзя напиваться – он должен был без неуместной задержки освободить под подписку всех задержанных; персонал казино было необходимо поставить в известность, чтобы никто не удивился, не напугался и не натворил глупостей; в газеты Литл-Рока заблаговременно сообщали, чтобы оттуда могли прислать репортеров и фотографов, да и мэра тоже следовало проинформировать, чтобы он оделся для фотосъемок. Обычно такие вещи происходили, когда в Литл-Роке какой-нибудь политикан произносил в законодательном собрании штата речь о преступности.

– Я не...

– Они ворвались туда с кучей оружия и в пуленепробиваемых жилетах. И один из них пристрелил Грамли. Это был мальчик Джеда, Гарнет, туповатый такой. Умер на месте. Мы отвезли его в морг, и...

– Кто устроил облаву?

– Они сказали, что работают на окружного прокурора.

– Беккера?

– Да, сэр. И этот Беккер, он был там. И с ним еще десять-двенадцать человек, все при оружии. Они ворвались внутрь, и один из них убил Гарнета, когда Гарнет достал свой дробовик. Мистер Мэддокс, вам следовало сообщить нам, что готовится облава. Что я теперь скажу Джеду и Эми?

– Где это случилось?

– В «Подкове». Всего час назад. А потом они поломали все столы и оси у колес и расстреляли из «Томми» все игровые автоматы.

– Что?!

– Да, сэр. Искрошили из автоматов более тридцати ваших машин. Стрельба была – чистый ад! Весь пол несчастного заведения усыпан монетами. Хоть в ведра собирай.

– Они работали на Беккера?

– Да, сэр. Он был там, как я вам уже сказал. Но боссом был незнакомый парень, здоровенный, очень крутой с виду. Тоже все громил. Он-то и застрелил Гарнета. Говорят, никто еще не видел, чтобы у человека так быстро двигались руки. Он вынул пушку и убил бедного мальчика меньше чем за полсекунды. Опломбировал ему тикалку в груди. Гарнет отошел в мир иной, даже не успев свалиться на пол.

Ковбой! Ковбой вернулся!

Когда он добрался до «Подковы», там уже толпились репортеры и фотографы. Они сразу же окружили Оуни, который всегда славился своим колоритным языком; газеты с превеликим удовольствием публиковали его англицизмы. Было даже несколько парней из Литл-Рока.

Но Оуни совсем не хотел делать тонких замечаний. Он отмахнулся от журналистов и позвал к себе Грамли:

– Отбери у них пленки. Мы не хотим, чтобы об этом деле стало широко известно, пока сами в нем не разберемся. Отправь всех по домам. И скажи им, пусть не сочиняют истории, пока мы не растолкуем, что это было.

– Хорошо, сэр, – ответил Грамли. – Но им уже выдали пресс-релиз.

Он передал Оуни лист бумаги. Там было напечатано следующее:

Хот-Спрингс, 3 августа 1946 г.

Офицеры управления окружного прокурора Гарленда сегодня совершили рейд и закрыли игровой дом в западной части Хот-Спрингса, уничтожив при этом 35 автоматов и большое количество запрещенного законом оборудования для азартных игр.

Во время рейда в казино «Подкова», 2345, Уошито-авеню, была также конфискована незаконная выручка от азартных игр на сумму около 32 000 долларов.

«Это первая из наших инициатив, направленных на избавление Хот-Спрингса от незаконных притонов для азартных игр, – заявил окружной прокурор Фред К. Беккер, лично руководивший рейдом. – Мы ясно даем понять гангстерам и акулам игорного бизнеса, что их вольготная жизнь в Хот-Спрингсе закончилась. Законы будут исполняться, и мы будем бороться за их исполнение до тех пор, пока азартные игры и связанная с ними коррупция не будут полностью изгнаны из нашего города».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.